КОРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА СКРИЖАЛЯХ ИСТОРИИ СТРАНЫ

КОРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ
НА СКРИЖАЛЯХ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Издательство литературы на иностранных языках

КНДР, Пхеньян

101 чучхе (2012)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Корейская нация с первых дней возникновения человечества существовала на этой земле, своими силами творила историю, развивала культуру.

В минувшие исторические периоды корейские женщины подвергались общественным ограничениям и семейным притеснениям лишь по одной причине, что они родились женщинами. Но, несмотря на это, они оставили на страницах истории свои имена благодаря своей самоотверженной любви к Родине и нации, незаурядному таланту и высокой морали.

Передается бесчисленное множество рассказов о корейских женщинах древних времен. К их числу относятся женщины, отличившиеся непосредственным участием в борьбе против иноземной агрессии и своими лучшими художественными произведениями, и женщины, которые, всей душой ухаживая за мужьями и целиком отдавая себя воспитанию своих детей, вносили свой вклад в общественное развитие и патриотическую борьбу против иноземной агрессии, а также женщины, которые широко известны не только почтительностью к своим родителям и формированием лучших качеств своих детей, но и супружескими чувствами любви и долга, твердыми убеждениями и благодетельными поступками, красивой внешностью и самоотверженной любовью, своим умом и благородной моралью.

На протяжении развития истории в течение нескольких тысяч лет, начиная с древних времен и кончая периодом существования государства Корё, передается немало рассказов и о женщинах, вносивших свою лепту в государственные образования, и других исторических рассказов о непоколебимости и беззаветной верности корейских женщин и их высокой морали.

Образование первого на Востоке национального государства Корея, первого в Корее феодального тысячелетнего государства Когурё, самого могущественного в истории Кореи, и государства Корё, прославленного

в мире как первого объединенного государства, немыслимо не только в отрыве от г-жи Ком, матери Тангуна, и его жены Синнё, но и в отрыве от г-жи Рюхва, матери короля Тонмёна, и его жены г-жи Ре, и от г-жи Мон, матери Ван Гон, и его жены г-жи Рю. Они родили и воспитывали родоначальников вышеуказанных государств, вдохновляли их на осуществление великого дела государственного образования.

Достойное место занимают в истории женщина по имени Рокчжок из Когурё, которая с пламенной любовью к родному краю и Родине вдохновляла своих детей на битву за Родину, и принцесса Пхёнган, помогавшая «дураку» Ондару стать знаменитым полководцем, женщина-полководец Сольчукхва, девушка из Корё, которая, переодевшись в мужчину, отражала иноземных захватчиков, мать Ким Сук Хына, вырастившая своего сына воином, жена Чвэ Му Сона, которая вносила свой вклад в изготовление и регенерацию химического ружья.

До сегодняшнего дня без прикрас передаются рассказы о красоте и благородстве духовного мира древнекорейских женщин. Среди них отличаются женщина-музыкант Рёок, которая в древние времена написала «Песню для конху» (конху – 13-струнный музыкальный инструмент) и продемонстрировала в стране и за ее пределами высокий уровень музыкального творчества, а также известные женщины, музыканты-хореографы XI в. Чхоён и Чингён, кроме того, жена Томи и Тохванё, которые, не поддавшись соблазну на любую силу власти и добра, до конца хранила свою верность и убеждения.

Период феодальной династии Кореи характеризуется периодом, когда женщины, подвергавшиеся всяким унижениям и оскорблениям в семьях и обществе, смело выступали на общественную арену.

Женщины различных сословий, начиная от дворянских и кончая сословиями ноби (рабов), создав своеобразные произведения, отражающие социальные проблемы и свои чувства и эмоции, украшали литературное поприще феодальной династии Кореи особенно обильной окраской. К ним относятся такие типичные представительницы, как Хо Рансольхон, которая, написав стихотворения, критикующие несправедливую общественную действительность XVI в. и симпатизирующие трудовым женщинам, прославляла свое имя в стране и

за ее пределами, Ким Гым Вон и Пуён, которые в XIX в., организовав «Общество поэтесс», показали свой своеобразный поэтический талант, и Чвэ Сонсольдан, написавшая 50 стихов на родном языке, отражающих стремление к новому времени, и др.

В период феодальной династии Кореи вышли из среды женщин не только поэтессы, но и прозаики и ученые, появились и женщины-эрудиты Син Саимдан, Хван Чин И, Ли Мэчхан, известные своей эрудицией не только в стихах, но и в живописи, каллиграфе и музыке. Они украшали целую эпоху своим ярким и выразительным пером.

Немало женщин, которые оставляли свои имена воспитанием своих детей в духе чистой совести и долга, на примерах трудолюбия и добродетельных поступков. К ним относится мать каллиграфа Хан Сокпона и мать прозаика Ким Ман Чжуна, которые отдавали свой кропотливый труд и всю свою душу своим сыновьям ради достижения их цели.

История Кореи из поколения в поколение передает патриотический дух женщин, в их числе Ке Воль Хян, Рон Гэ и Рю Гван Сун, отдавшие свою молодость в битвах против иноземных агрессоров, жены Ли Сун Сина и Квак Чэ У, вдохновлявшие и помогавшие своим мужьям, уходившим на поле брани, Пэк Сон Хэн, которая делала много полезных дел для просвещения и развития своей нации и др.

Настоящая книга «Корейские женщины на скрижалях истории страны» излагает жизнь и деятельность типичных личностей из многочисленных женщин, имена которых вошли в страницы истории страны, начиная с древних времен и кончая новейшим временем.

Настоящая книга основана на «Самгуксаги» («Исторические записи о трех государствах»), «Корёса» («История Корё»), «Личжо силлок» («Летопись феодальной династии Кореи») и других исторических записях, а также на книгах отдельных лиц. Она, определив типичных лиц в исторической последовательности, описывает их жизнь и деятельность, а что касается тех личностей, материалов о которых недостаточно полно, ссылается неофициальными историями и народными преданиями.

1. Госпожа Ком, мать Тангуна, родоначальника нации

Тангун – родоначальник корейской нации. В начале XXX в. до н. э. он основал первое на Востоке государство корейской нации «Корея».

И у Тангуна, как и у других известных личностей, внесших свой вклад в развитие национальной истории, была мать, которая родила, воспитывала его, тепло заботясь о нем.

В древнейших исторических записях Кореи: «Самгукюса» («История трех государств»), «Чеванъунги» («Сборник стихов о королях»), «Летопись правления короля Сечжона», весьма мистически изложены рождение Тангуна и его мать.

В «Мифе о Тангуне» из «Самгукюса» (т. 1, 2. Кии, глава «Древняя Корея») говорится:

⋯ Медведь и тигр жили вместе в одной норе. Они молились волшебному Хвануну, чтобы они переродились в человека. Хванун, раздав им пук сверхъестественных полыней и 20 штук чеснока, говорил: «Если вы съедете их и проживете сто дней без солнца, то легко можете обратиться в человека».

Медведь съел их, вытерпел сто дней в норе без солнца и обернулся женщиной, но тигр не вытерпел и не мог обернуться в человека. У медведя-женщины было не за кого выйти замуж, и она молилась под деревом Синдансу, чтобы имела своего ребенка. В тот момент Хванун, на минутку обернувшись человеком, женился на ней, и она забеременела. У медведя-женщины родился сын, называли его Тангун-Ван Гомом...

Эта запись, передаваясь из поколения в поколение, приобретала хотя и чудесную окраску, но если рассматриваешь его в связи с археологическими исследованиями последних лет, можно узнать следующий исторический факт.

Более 5000 лет тому назад люди жили в пхеньянском районе с огибающей его рекой Тэдон, красующимися по ее сторонам высокими и низкими сопками, протянувшимися вширь плодородными полями, прелестной природой, изобилующей местными продуктами. Жители этого района, проникнутые чувством любви к солнечному родному краю, называли свое племя пактаром в значении «ясного света».

Отец Тангуна был вождем племени пактар, а мать Тангуна была дочерью вождя племени Ком, жившего по соседству с племенем пактар. Период жизни матери Тангуна относится к концу XXXI – началу XXX вв. до н. э., последнему периоду падения первобытного общества в Корее.

Девочка Ком, рожденная в пхеньянской окрестности дочерью вождя своего племени, росла под большим вниманием и покровительством своего отца, ничему не завидуя. Она выросла и достигла брачного возраста. Будучи девушкой с красивым лицом и стройной талией, она привлекала к себе многих парней.

И вождь племени пактар Хванун тоже влюбился в эту красавицу. Он жил мечтой жениться на девушке Ком, надеясь, что бракосочетание с ней послужит замечательным случаем объединения двух племен.

Таким образом, госпожа Ком, ставшая женой вождя племени, родила Тангуна, воспитывала его, за что она оставила заметный отпечаток на страницах истории. Хванун и его жена г-жа Ком устроили торжественный пир в честь рождения своего сына, дали своему милому ребенку имя, звали его королем «Пактар» в смысле сына вождя объединения племен пактар.

Г-жа Ком отдавала всю душу воспитанию своего сына, чтобы он вырос мужественным воином и стал преемником вождя объединения племен. В один прекрасный день, когда Тангуну исполнилось 10 лет, г-жа Ком вызвала к себе сына и дала наставление отдать все силы овладению искусством воина, чтобы продолжить дело отца и повести за собой объединение племен.

Твердо помня этот наказ матери, Тангун со следующего дня, поднявшись на горку Пульмэ (позже называли ее местом военного искусства для Тангуна), начал усердно учиться грамоте и совершенствовать искусство воина. С тех пор на горке, где стоял лишь неумолкаемый гомон, днем на ее вершине звучали свист стрел, летящих из лука Тангуна, и звон его меча, а ночью звонкий его голос, читающий книгу.

Шли дни и месяцы. Прошел уже год с тех пор, как он ушел на горку из объятий родителей. Однажды Тангун, горя стремлением как можно скорее показать отцу и матери свое искусство воина и тоскуя по ним, спустился с горки, чтобы возвратиться домой.

Г-же Ком захотелось прижать к своей груди своего сына, возвратившегося через год, но она не сделала этого, сурово велела ему

возвратиться обратно: у г-жи Ком будущее своего верного сына, призванного повести за собой объединение племен, было дороже, чем сыновняя почтительность к ней.

С тех пор прошло несколько месяцев. Г-жа Ком пришла на место военного искусства для Тангуна, взяв с собой чистокровную лошадь (позже эту лошадь звали «Киринма»), чтобы воочию увидеть военное мастерство сына.

Недавно здесь был девственный лес. Она заметила, что растоптаны травы копытами лошади, стоят срезанные мечом деревья, видно было, что он усердно занимался военным искусством, но она, не выдав своего чувства, делала ему упрек:

– Если ты усердно занялся бы военным искусством, то смогла ли так вырасти трава? Запомни, что овладение военным искусством – это не только воспитание в себе умения, но и закалка твердой воли. Усердно занимайся военным искусством и после моего ухода! На, возьми эту лошадь, даю тебе.

– Твердо буду помнить ваш наказ, мама, – ответил Тангун. Он, крепко взявшись за вожжи и размахивая мечом, еще усерднее стал заниматься военным искусством.

С тех пор утекло много воды. Юный Тангун вырос славным молодцом, овладевшим науками и военным делом, стал вождем объединения племен пактар, продолжая дело своего отца.

Мать Тангуна вместе с приближенными Синчжи, Чхиу, Коси, Хэвор, Чуин активно поддерживала деятельность сына, стремившегося перестроить примитивный политический аппарат в органы власти, защищающие интересы привилегированного класса и обеспечивающие объединение между племенами, и создать такое государство, которое с помощью могучих законов и армии управляло бы обществом.

В начале XXX в. до н. э. Тангун образовал первое на Востоке государство, называемое «Кореей».

Позже короля Пактар стали звать Тангуном в смысле короля племен пактар, образовавшего Древнюю Корею.

Образование Тангуном Древней Кореи (чтобы отличить от современной Кореи, образованную Тангуном Корею называют Древней) позволило предкам корейской нации первыми на Востоке поставить точку

на первобытном обществе, раньше других вступить в период государственного образования, период цивилизации. Оно послужило событием, обеспечившим исторический момент образования корейской нации.

Таким образом, г-жа Ком стала первой женщиной, наложившей яркий отпечаток на страницах истории корейской нации благодаря тому, что она родила и замечательно воспитывала Тангуна – родоначальника корейской нации.

2. Синнё, жена Тангуна

Синнё, жена Тангуна, основателя Древней Кореи, родоначальника корейской нации, была дочерью Хабэка, вождя племени в районе Писогап, расположенном на берегу реки Тэдон, западнее Пхеньяна.

Синнё отличалась элегантностью характера, исключительной красотой лица. На нее заглядывались почти все без исключения не только из соседних районов, но и из других племен. Слухи о красоте Синнё дошли и до Тангуна, который прославлял свое имя как вождь племен пактар в пхеньянском районе. Тангун часто рисовал перед собой облик Синнё, в его душе росла любовь к ней, как весенние ростки.

В Древней Корее каждый год с наступлением весны в торжественной обстановке проходили на равнине у реки Тэдон состязания по охоте между родами и племенами.

Тангун участвовал в этих состязаниях верхом на коне Киринма. В день состязаний Тангун впервые увидел Синнё. Стройная фигура как взлетающий журавль, со светлым, как полная луна, лицом, застенчивые глаза, точно шепчущие о чем-то маленькие губы. Она была исключительно симпатичной и безупречной.

На этих состязаниях победителем вышел Тангун. Радуясь, его приветствовала и Синнё. Они встретились глазами. Это послужило сигналом взаимной любви. Они, сидя бок о бок под лунным светом, стали шептать о любви. С каждым днем все росла и крепла любовь между Тангуном и Синнё.

Чем глубже любовь между ними, тем больше росло у Синнё беспокойство. В то время объединение племен пактар, постепенно расширяя сферу своего влияния, присоединяло к себе один за другим

другие роды и племена. Не являлось исключением и племя писогап. Синнё, узнав намерение Тангуна, активно поддерживала его решимость, но ее не покидало беспокойство, не нависнет ли над их любовью беда из-за своего отца.

Тангун решил во что бы то ни стало мирным путем привлечь на свою сторону племя писогап, где его вождем был отец любимой Синнё. И Тангун послал к вождю племени писогап Хабэку своего верноподданного Чуина, искушенного в правилах поведения и обладающего красноречием.

Чуин, передав Хабэку привет от Тангуна, вручил ему многочисленные бронзовые кинжалы типа пипха, золотые и серебряные украшения и, подчеркивая необходимость объединения двух племен, предложил заключить брак между Тангуном и Синнё. Хабэк был тронут перед Чуином тем, что он, со всей скромностью соблюдая правила поведения, вручил ему драгоценные вещи, говорил умело и логично. Хабэк был рад, что супругом Синнё будет не кто иной, как Тангун, являющийся выдающимся в районе этого бассейна вождем объединения племен. Дружба с ним будет благоприятствовать ему во всем – и для сохранения племени писогап и для будущей судьбы своей дочери Синнё. Хабэк согласился на их бракосочетание.

Осенью того же года два племени, собрав богатые урожаи, устроили пышный свадебный пир в честь бракосочетания Тангуна и Синнё.

Впоследствии Синнё, жена Тангуна, активно поддерживала деятельность мужа, направленную на объединение соседних племен, пошла на подмогу ему, оказывала ему духовную и материальную помощь, тем самым внесла большой вклад в великое дело государственного образования, родила четверых сыновей Пуру, Пусо, Пуу и Пуё, замечательно вырастила их, чтобы они надежно продолжили дело Тангуна.

Старший сын Пуру возглавлял палату государственных дел и делопроизводства, после смерти Тангуна он стал вторым королем Древней Кореи. Второй сын Пусо – палату уголовных дел, третий сын Пуу – палату здравоохранения, четвертый сын Пуё – палату местных дел, все они оказывали помощь Тангуну в его деятельности.

В 1993 году в могиле Тангуна, находящейся в уезде Кандон (к тому времени) Пхеньяна, были найдены останки Тангуна и его жены.

Эти останки были из 68 штук костей, окаменевших в определенной

степени под влиянием и воздействием влаги известкового слоя и подземных вод, главным образом были кости мужских и женских рук, ног и тазов. Кости мужчины принадлежали Тангуну, а женщины – его жене Синнё.

По экспертизе костей Тангуна было выяснено, что Тангун был человеком высокого роста с внушительным и крепким телосложением, что он был невиданным к тому времени долгожителем. В отличие от него, возраст жены Тангуна оказался сравнительно молодым.

Таким образом было подтверждено, что Тангун был действительно существовавшим лицом, было выяснено и существование Синнё, которая наложила свой отпечаток в жизни Тангуна.

Благодаря политике сохранения национального культурного наследия в Корее в 1994 году была вновь реконструирована гробница Тангуна (высота – 22 м, длина одной стороны нижнего основания – 50 м), в ней сохраняются реставрированные в первоначальном виде останки Тангуна и его жены Синнё.

Таким образом г-жа Синнё, будучи женой Тангуна, родоначальника корейской нации, передается из поколения в поколение вместе с гробницей Тангуна.

3. Рёок, женщина-музыкант из Древней Кореи

Рёок, будучи женщиной-музыкантом из низшего сословия, является типичным лицом, известным не только в Корее, но и в соседних странах.

Древняя Корея имеет почти трехтысячелетнюю историю. Она сменилась тремя королевскими династиями: Ранней (Тангунской), Поздней и Манской Кореи. Рёок была известной личностью, относящейся примерно к концу Поздней и началу Манской Кореи (III в. до н. э. – II в. до н. э.).

Она вышла замуж за Квак Ричжаго, паромщика на одной из переправ на берегу реки Тэдон в Пхеньяне. Ее муж Квак Ричжаго кое-как сводил концы с концами, зарабатывая переправкой людей на пароме.

И Рёок жилось тяжело, но она была наделена незаурядным музыкальным талантом, страстно любила музыку. По вечерам она, играя на конху, напевая песню, встречала своего мужа, возвращающегося с работы. А муж днем, превозмогая усталость, греб веслом, ждал

наступления вечера, а вечером любил слушать чистую и нежную песню, исполняемую женой на конху.

Рёок не только прекрасно пела песню, играя на конху, но и сочиняла новые песни, еще лучше воспроизводила и старые песни. До сих пор передается «Песня для конху», которая известна как ее песня, в ней достаточно полностью отражается ее художественный талант.

О том, как была написана «Песня для конху», и о ее содержании сравнительно подробнее говорится в «Гаоцзиньчжу», «Книге по музыке», «Истории Кореи», «Осансоллим», «Дневнике о Жэхэ» и в ряде других отечественных и иностранных книг.

Ниже следуют обстоятельства появления передающейся «Песни для конху» и ее содержание.

Случилось это на рассвете одного из дней. Квак Ричжаго переправлялся через реку на пароме, гребя веслом. В это время некий старик, не помня себя, прибежал и бросился в бурливую реку и стал переправляться. Вслед за ним прибежала и его жена, она горько и истошно звала своего мужа, крича: не переходи через реку! Но он не слушался ее. При переправе, к несчастью, он утонул.

Жена старика, взяв в руке конху и играя на нем, слагала песню «Муж, не переправься через реку». Эта песня звучала так грустно и печально. Она, горько рыдая и следуя за мужем, тоже бросилась в темно-синюю реку.

Квак Ричжаго, возвратившись домой, поведал об этом своей жене.

Рёок, горюя о трагической судьбе старых супругов и придвинув к себе конху, воспроизводила ту печальную песню. Говорят, среди слушателей не было людей, которые не пролили бы слез. Это та «Песня для конху», которая передается доныне из поколения в поколение.

Ниже следуют слова «Песни для конху»:

Я так горько просила тебя:
«Не переходи через реку!»
Но ты не послушался и утонул!
Как мне быть!

Образы старика, утонувшего в бушующих волнах при переправе через

реку, и его жены, о которых говорится в «Песне для конху», можно рассматривать как выражение обид и протеста против несправедливой действительности рабовладельческого общества.

А образы Квак Ричжаго и его жены Рёок, сочинивших и широко распространявших песню о трагической судьбе старых супругов, приоткрывают завесу над прекрасным духовным миром древнекорейцев, которые считали чужую беду и горе своими и сочувствовали им.

Впоследствии Рёок, исполняя эту песню на конху по утрам с восходом солнца, и по ночам под ясным лунным светом, вспоминала о той женщине, помогала сельчанам разучивать ее. «Песня для кохну» распространялась не только в Корее, но и в соседних странах, широко пелась она и среди последующих поколений. По записям, конху, на котором играла Рёок, – это 13-струнный музыкальный инструмент, игра на нем, говорят, всегда трогала струны сердца людей.

Сказание о творчестве Рёок и исполнении ею на конху, передаваемое историей, имеет историческую ценность, которая дает понять о музыкальном творчестве и его уровне женщин Древней Кореи.

4. Госпожа Рюхва, мать короля Тонмёна

Рюхва – мать Ко Чумона (король Тонмён, здесь Тонмён, посмертное имя, данное Ко Чумону за большие заслуги), основателя Когурё (277 г. до н. э. – 668 г.), первого феодального государства, самого могучего в истории Кореи.

Рюхва родилась в конце IV в. до н. э. старшей дочерью Хабэка.

В «Древней истории трех государств» повествуется о девичьих годах Рюхва следующим образом:

... У Хабэка было три дочери. Старшую звали Рюхва (цветок ивы), вторую – Вонхва (цветок красоднева), третью – Вихва (цветок пуэрарри). Все они были непревзойденными красавицами. К тому времени Хэмосу, сын из небесного царства, спустившись на повозке с запряженным в нее драконом на гору Унсим, основал государство на территории бывшего Пуё. Утром он заведовал всеми мирскими делами, а вечером уходил в небесный дворец, и его называли «небесным царем».

В один прекрасный день три дочери вышли на прогулку на берег пруда Унсим. Их красота бросилась в глаза Хэмосу. Хэмосу поведал своим верноподданным о своем намерении: «Если я женюсь на одной из этих девушек, то в будущем будет много детей». Тогда верноподданные предложили королю: если так вам, царь-государь, понравятся эти девушки, построили бы там дворец, чтобы они зашли в него, а затем спокойно поговорили бы с ними.

Хэмосу думал, что в их словах есть доля правды. И он своим кнутом провел линии то здесь, то там и вдруг, откуда ни возьмись, там, где играли девушки, великолепный дворец. Дворец был пуст. Там только три девушки то хохотались, то пили, то веселились. Хэмосу стал дожидаться и дождался, пока они опьянели. И тут он нежданно-негаданно явился в их комнате. Страшно испуганные девушки разбежались кто куда, но только старшая дочь Рюхва не успела скрыться, оказалась пойманной.

Узнав об этом от двух дочерей, Хабэк становился туча тучей, упрекал Хэмосу за его дерзость. Хэмосу, признавшись в своей вине, решил вернуть Рюхва. Но Рюхва не хотела возвращаться домой. Она влюбилась в Хэмосу, просила его непосредственно явиться к отцу с просьбой сделать предложение.

И Хэмосу вместе с Рюхва явился к Хабэку. Хабэк, узнав, что Хэмосу действительно сын небесного царства, принял их предложение.

В день свадьбы Хабэк, опасаясь, как бы Хэмосу не улетел один в небо, не раз угощал ему суль (водка), чтобы он напился до беспамятства, а потом уложил его вместе с дочерью в небольшой кожаный мешок и положил на повозку, запряженную пятью драконами. Спустя некоторое время Хэмосу протрезвился, узнал, что он в кожаном мешке, и, выдернув головную шпильку из волос Рюхва и продырявив им мешок, вышел из него. Разгневанный поведением Хабэка, Хэмосу, бросив Рюхва, один улетел в небо.

Хабэк узнал об этом после возвращения Хэмосу и осыпал Рюхва упреками за то, что она осрамила семью, заставила отца страдать за нее. Он выгнал свою дочь из дворца, выслал ее в ссылку на берег реки Убальсу...

Однажды король Кымхва из государства Пуё вышел на охоту на берег реки Убальсу, неожиданно встретился со странной женщиной. Судя по

облику лица и манерам, она была не из тех, которые блуждали бы по уединенному берегу реки Убальсу. И король спросил ее, что с ней случилось. Женщина со слезами на глазах подробно рассказала, почему ее выслали в ссылку в эту местность. Женщина оказалась дочерью Хабэка, женой Хэмосу.

Благодаря королю Кымва Рюхва приходилось жить в полном довольстве в отдельно построенном дворце в столице Пуё. В 298 году до н. э. в начале апреля по лунному календарю Рюхва родила сына Хэмосу. Он же тот самый Ко Чумон, основатель Когурё.

О том, как г-жа Рюхва родила и воспитывала Ко Чумона, подробно записано в «Самгуксаги» (т. 13. Основная летопись Когурё, глава «Династия Тонмёна»). Рюхва, мать короля Тонмёна (Ко Чумон), находясь в королевском дворце Пуё, работала прилежно.

Она отдавала всю себя воспитанию своего единственного сына, чтобы он вырос и стал замечательным человеком. Г-жа Рюхва была очень рада тому, что Чумон (так звали его за меткость в стрельбе из лука), как и его отец, обладал необыкновенными способностями, и она помогала ему сызмальства учиться грамоте и письменности, читать разные книги, особенно военные трактаты. Часто она рассказывала ему о положении дел в Пуё и окружающих его малых государствах, чтобы он жил большой мечтой. Она также уделяла особое внимание не только овладению им искусством воина, но и воспитанию упорства и настойчивости.

В результате еще тогда, когда Чумону исполнилось 7 лет, он овладел всеми секретами искусства воина, не имел у него соперников в езде верхом на коне, стрельбе из лука, орудовании копьем и мечом.

В Пуё каждый год в торжественной обстановке проходили крупные состязания по охоте за зверьми, Чумон каждый раз выходил победителем.

Г-жа Рюхва была рада быстрому вырастанию Чумона, лелеяла на него большие надежды.

Однако над юным Чумоном нависла беда. У короля Кымва было семеро заурядных и бездарных сыновей. Ревнивые, они клеветали на Чумона, что он, мол, превосходит их по искусству воина и способностям, предлагали отцу физически ликвидировать его. Но король Кымва, исходя из разных соображений, велел Чумону работать кучером в королевском дворце.

С согласия матери Чумон, заглядывая в будущее, мало давал кормов резвым коням, чтобы они похудели, а дурным коням – много: пусть они ожиреют. И королю Кымва и принцам приходилось ездить на дурных и ожиревших конях, но Чумону – на похудевшем, но резвом коне.

Благодаря вниманию и ожиданиям матери Чумон прилежно совершенствовал искусство воина, наращивал богатырскую силу.

Утекло много воды, и ему исполнилось 20 лет.

Что касается начала Ш в. до н. э., когда Чумон жил и действовал, постепенно стали пошатываться устои господства Древней Кореи (Поздней Кореи), Курё, Чингук и других крупных рабовладельческих государств. Воспользовавшись этим случаем, отдельные силы, заняв каждая определенную территорию, выдавали себя за малые государства, противоборствовали друг с другом. Об этом как никто другой болели душой Чумон и его мать.

К тому времени Чумона не покидала дума оставить землю Пуё, перейти в район среднего течения реки Амнок, где жили его родители, и совершить большое дело. Но у него было неизбывное беспокойство: мать находилась в отдельно построенном дворце у короля Пуё.

Однажды Чумон обратился к матери: «Я небесный сын, но я работаю кучером ради других. Лучше мне умереть, чем жить. Мне хотелось бы перейти на юг, чтобы построить там государство. Но у меня есть мать, и я не могу принять свое решение». Выслушав решение сына, г-жа Рюхва активно поддерживала его решимость, думая про себя: «Ты действительно сын Хэмосу, которого отличает высокое стремление».

С того дня мать и сын начали вести подготовку к великому делу, к чему стремился Чумон. Г-жа Рюхва обратилась к сыну: «Чтобы после подготовки к великому делу отправиться в дальний путь, обязательно тебе нужен будет самый лучший и резвый конь. За это дело возьмусь я, ты крепко дружи со своими друзьями-единомышленниками». И тут же она вместе с Чумоном пошла на конное пастбище.

Рюхва стала беспощадно захлестывать кнутом коней, чтобы подобрать самых лучших и резвых из коней, которые с испугу перепрыгнули через высокую изгородь в два человеческих роста. Она, подобрав среди них самых лучших и резвых коней и дала их Чумону с наказом: не ленись ухаживать за ними.

У Чумона было много друзей, с которыми он дружился с детских лет во время учебной подготовки к стрельбе из лука и езде верхом на коне.

Благодаря чуткому вниманию и заботе матери он мог вместе со своими друзьями еще более совершенствовать искусство воина, зачитывать все книги Востока и Запада, умножая свои знания.

В ходе этого его друзья выросли славными воинами, способными справляться с любыми делами, они считали Чумона своим вожаком, твердо клялись делить одну судьбу – жизнь и смерть.

Но за Чумоном всегда следовало неотвязное око зависти и ревности принцев Пуё. Их фискальство не прекращалось, и королю Кымва ничего не оставалось, кроме как принять решение ликвидировать Чумона.

Рюхва, догадавшись об этом, вызвала к себе сына и сказала:

– Чумон, сию же минуту тебе убраться отсюда. Тэсо (первый сын короля Кымва) решил немедленно покончить с тобой. Медлить здесь некогда. Скорее иди, куда глаза глядят. Но будь достойным мужчиной!

Лицо у матери было сурово. Чумону горько было расстаться с матерью. Мать проводила его, махая рукой. Почерпнув силу в облике матери, он вместе со своими друзьями Ои, Мари и Хёппо отправился в путь. Горько и больно было в душе г-жи Рюхва, которая вынуждена была расстаться со своим любимым сыном.

По ее щекам струйками текли слезы, но она, лелея надежду на будущее своего сына, дерзающего совершить большое дело, долго махала рукой удаляющемуся Чумону. Это была последняя разлука между Чумоном и г-жой Рюхва.

После расставания с матерью Чумон уехал на юг, на территорию Курё, где он расширил сферу своего влияния. В 277 году до н. э. он основал первое феодальное государство Когурё, сменившее рабовладельческое государство Курё. После к г-же Рюхва прилетела весть о сыне, прославляющем свое имя как основатель Когурё, и она издалека желала ему крепкого здоровья и могущества Когурё. Так и не увидев его, она ушла из жизни.

Так она, г-жа Рюхва, превозмогая всякую опасность и страдания, воспитывала своего сына непобедимым воином, чтобы он стал первым королем Когурё, тем самым вносила большой вклад в дело образования государства Когурё.

5. Госпожа Ре, супруга короля Тонмёна

Г-жа Ре была первой женой короля Тонмёна – основателя государства Когурё. Вообще она была девушкой-служанкой в отдельно построенном дворце на территории королевского дворца государства Пуё.

Ре знала Чумона, когда он жил в том же дворце вместе со своей матерью. Ре была добрая, сноровистая и прилежная, отличалась степенностью и задумчивостью. Щеки были у нее всегда румяные и нежные, глаза добрые с опущенными ресницами, нежно улыбающиеся губы, плавная линия носа. Она понравилась 18-летнему юному Чумону.

Ре тоже не раз видела и знала его солидное телосложение, высокие человеческие достоинства и незаурядное искусство воина. В один прекрасный день ей приходилось встретиться с ним вдвоем, и ее радости не было конца. С каждым днем в ее душе росло желание опираться на него. Так прошло некоторое время. За это время они влюбились друг в друга.

И мать была рада их близким отношениям. С течением времени их любовь расцветала прекрасным цветком, и с благословения матери состоялось скромное бракосочетание. Но их счастливая жизнь продлилась ненадолго.

Семеро сыновей короля государства Пуё с завистью относились к Чумону, затевали заговоры ликвидировать его. И если Чумон не покинет немедленно Пуё, ему было не видать будущего.

И Чумон, оставив мать и жену на территории Пуё, покинул отдельно построенный дворец, обещав жене встретиться в будущем. Г-жа Ре проводила Чумона со слезами на глазах. Спустя некоторое время родила сына Юрю. Г-жа Ре была рада появлению на свет сына Чумона. Она твердо решила вырастить его замечательным человеком, каким был его отец. С течением времени Юрю рос сильным и крепким.

Г-жа Ре была тронута, встретив весть о могуществе Когурё, основанного Чумоном. Она отдавала всю себя воспитанию Юрю, отличавшегося крепким телосложением, как у отца, желая, чтобы он вырос смелым и отважным воином.

Юрю с малолетства отличался, как свой отец, искусством стрельбы из

лука, за что пользовался любовью. В один прекрасный день Юрю, играя на дороге, решил подстрелить в воробья и, натянув тетиву, прицелился, но стрела попала не в воробья, а в кувшин с водой, который несла на голове прохожая женщина, и на нем образовалась трещина. Женщина осыпала Юрю упреками: «Ах, ты окаянный сын без отца, занимаешься только одной дерзостью». Юрю горел со стыда и, намазав на наконечник стрелы комочек глины, выпустил ее в кувшин, и стрела, пролетев через трещину, замазала ее комочком глины. По возвращении домой Юрю, прижавшись к груди матери, всхлипывал, спрашивая: «Кто мой отец?»

Г-жа Ре, успокаивая сына, тихо промолвила:

– Твой отец – сын Хэмосу, внук Хабэка по материнской линии. А Хэмосу – сын небесного царя. Принцы ненавидели его, над ним нависла опасность, и он уехал на юг, там основал государство Когурё. Иди ты туда, чтобы повидать отца.

И еще г-жа Ре поведала ему, что его отец при уходе спрятал какую-то вещь под сосной на семиугольном камне и сказал: «Я сочту своим сыном того, кто отыщет ее и явится с ней ко мне».

Твердо помня слова матери, Юрю решил отыскать эту вещь. Он более одного месяца исходил все горы, но так и не удалось найти ее. Но он знал, что отыскание ее приведет его к встрече с незабываемым отцом. При мысли об этом он чувствовал прилив новых сил и мужества и твердо решил во что бы то ни стало отыскать ее.

В один прекрасный день он после неудачного обхода всех гор возвратился домой и сел на деревянный пол дома, вдруг слышался какой-то звон между колонной и каменной подушкой. Подошел к ним и заметил: стоящая над каменной подушкой колонна была из сосны, а каменная подушка была семиугольной, а под ней оказалась часть разломанного кинжала.

Юрю и г-жа Ре от радости обнялись друг с другом, со слезами на глазах решили в дальнейшем, воспользовавшись случаем, обязательно пойти к королю Тонмёну.

Г-жа Ре вся отдавалась сыну, стала еще более требовательной к нему, чтобы он всеми силами совершенствовал искусство воина и представился отцу замечательным сыном.

К этому времени все осложнялась болезнь г-жи Рюхва, свекрови у

г-жи Ре. Она отдавала всю себя уходу за свекровью, была почтительной к ней до последней минуты ее жизни. А когда свекровь скончалась в Пуё, г-жа Ре вместо короля Тонмёна проводила похоронный обряд. В апреле 259 года до н. э., через два года после трехлетнего траура умершей свекрови, г-жа Ре вместе с Юрю отправилась в Когурё к любимому мужу.

Юрю, отдавая обломок разломанного кинжала королю Тонмёну, представил себя, что он его сын Юрю. Король Тонмён вынул из-за пазухи другой обломок кинжала, который он хранил в себе, и, соединяя оба обломков, обрадовался.

– Если ты действительно мой сын, то ты наверняка научился особому искусству воина?

Не успел король закончить свои слова, Юрю вскочил с места на подоконник, заслонил собой солнечные лучи.

Король Тонмён выразил большое удовлетворение при виде воинского искусства сына, не раз благодарил г-жу Ре за то, что она замечательно вырастила сына и что она переживала немало страданий, заботясь о свекрови.

У короля было несколько жен и сыновей, надо было избрать наследного принца и королеву, чтобы в будущем не случилась беда, чтобы он был примером для будущих поколений. Он объявил Юрю наследным принцем, а г-жу Ре своей королевой.

Г-жа Ре после того, как она стала королевой, старалась обеспечивать согласие в семье. Спустя некоторое время, в сентябре 259 года до н. э. король Тонмён неожиданно заболел и умер на 40-м году жизни, она велела захоронить его в Луншане (ранняя столица – крепость Чольбон в уезде Хуаньжень провинции Ляонин, Китай), провести торжественный похоронный обряд, могилу сложили как можно аккуратнее из полированных камней, как подобает первому королю государства Когурё, чтобы она не уступала по солидности и в период последующих поколений.

Г-жа Ре всей душой оказывала помощь своему сыну, второму королю Когурё, в его политических делах. Таким образом г-жа Ре, будучи первой королевой Когурё, вносила свой вклад в образование Когурё и престолонаследие.

6. Образование государств Когурё и Пэкчже и Сосоно

Сосоно, будучи второй женой короля Тонмёна, вносила свой вклад в образование двух государств.

Сосоно была дочерью Ён Тха Бара, аристократа высшего ранга в округе Квару (Керу), одном из пяти округов государства Курё (район среднего течения реки Амнок).

В начале III в. до н. э. Сосоно вышла замуж за Утэ, сына от наложницы Хэбуру, короля Северного Пуё, но ее муж рано умер, и она, будучи молодой вдовой, возвратилась в свой родной край, в округ Квару. Она была непревзойденной красавицей, привлекала к себе внимание многих людей.

К этому времени (279 год до н. э.) Чумон со своими друзьями (их было более 10 человек) переместился из Пуё в целинные земли на берегу реки Чольбон (река Пирю) в северной окраине округа Квару, где они жили, соблюдая субординацию во главе с Чумоном, осваивали целинные земли на берегу Чольбон, сеяли пять злаков, принесенных из Пуё.

Однажды свита Чумона, занимаясь охотой на зверей, спускалась вниз по берегу реки Чольбон. Ей приходилось проходить мимо одного из домов под черепичными крышами. Было на закате солнца. Изрядно уставшие от охоты, они, остановившись возле дома, просили разрешить им переночевать в доме.

Вышла женщина, видимо, хозяйка дома, внимательно следя за их нарядом, радушно встретила их и удовлетворила их просьбу. Она и была Сосоно, ее дом был особняком. Сосоно заметила, что вид Чумона, настоящего мужчины, был необыкновенным, и тепло приняла и обильно угостила их. Разговаривая с Чумоном, Сосоно не сомневалась, что его обещает большое будущее. Она обещала сделать все, что в ее силах, оказать ему помощь и материально, и духовно. Пользуясь материальной помощью Сосоно, Чумон соорудил на вершине окрестной горы крепостные стены, создал временный опорный пункт обороны, обзавелся оружием и снаряжением, собрал вокруг себя немало людей.

Таким образом, Чумон, не пройдя и года, выступил в округе Квару как крупные политические силы. К этому времени не прекращались нашествия

чжурчжэней с северной окраины, которые причиняли жителям большие страдания. Чумон, возглавив войско, внезапно напал на гарнизоны войск чжурчжэней, заставил их дать гарантию, что они в дальнейшем не повторят нашествий. Итак, была предотвращена угроза нападения со стороны племен чжурчжэней, за что все громче стало звучать имя Чумона. Вместе с тем углублялась и любовь Сосоно к Чумону.

Ён Тха Бар, отец Сосоно, знал, что Чумон – необыкновенный человек, и решил взять его в зятья. Отец спросил об этом свою дочь, а она ответила:

– Отец мой! Так нельзя. Чумон – необыкновенный человек. Его воля высока как небо, а я безымянная женщина. Можно ли в моем положении стать его невестой? Я ему не чета...

Это были честные слова Сосоно. Хотя душа ее тянулась к Чумону, но при мысли о своем печальном положении она была вынуждена воздержаться. От ее слов Ён Тха Бар становился туча тучей.

– С каких пор у тебя появилась привычка идти против воли отца? Я решил избрать его представителем нашего округа Керу. Если он возглавит наш округ, то я могу спокойно сомкнуть глаза, не чувствуя никаких обид в душе...

Сказав, Ён Тха Бар ушел в свою спальню, будто этим он дал знать, что разговор закончен. Сосоно сидела на коленях, не решалась встать. Ей было и радостно, и грустно, по ее щекам текли слезы.

Прошел еще один год. Согласно воле отца она вступила в брак с Чумоном. После бракосочетания с Чумоном она пожертвовала все свое состояние на подмогу Чумону. Сосоно купила резвых лошадей из Пуё, сделала из них строевых, достала конские упряжи, оружие, ткани и продовольствие. В результате за короткий срок, менее чем за один год, резко возросли силы у Чумона.

Чем мощнее становились силы, чем громче звучало его имя, тем сильнее терзала его душу тоска по матери, оставшейся в родном крае. Перед его глазами все чаще вставал облик матери, которая, пренебрегая нагрянувшей на нее опасностью, провожала его.

В это время король Курё, у которого были одни дочери (три дочери), был очарован внушительной наружностью и незаурядной находчивостью Чумона, решил взять его в зятья, чтобы он стал его преемником. Однажды

король высказал свое мнение Чумону, а он, выслушав его, оказался в затруднительном положении.

Ему нельзя было бросить Сосоно, отдающую всю себя ради сегодняшней его славы. В безмолвных страданиях шел день за днем. За это время лицо у Чумона заметно осунулось. Как-то раз Чумон вышел на прогулку в сад за домом. Путь ему загородила Сосоно. Из ее рта вырвалось тихое, но резкое слово:

– Спрашиваю, на чьи плечи возложить судьбу государства Курё?.. Почему ты из-за ничтожной женщины решил погубить великое дело? Будь решителен! Прошу стать зятем короля. Тогда рано или поздно вся территория Курё будет в наших руках. Силы Курё уже иссякли, очень прошу восстановить пошатнувшееся государство, сделать его могучим и процветающим.

Сосоно безмолвно стояла с опущенной головой под лунным светом, ее облик напоминал ему лиловый цветок, свежий и красивый. Чумон познал в ее пламенной речи большую правду, она выглядела более внушительной.

С тех пор прошло несколько дней. Чумон вступил в бракосочетание со второй дочерью короля Курё. После смерти короля Курё в 277 году до н. э. Чумон стал законным правителем всех 5 Курёских округов, основателем государства Когурё, сменившего Курё.

Сосоно встретила весть о триумфальном походе короля Тонмёна (Чумона). Он покорил ряд соседних государств. В это время Сосоно родила двух сыновей – Пирю и Ончжо. Она, твердо помня наказ короля Тонмёна стать опорой для образования государства, всей душой поддерживала его, оставаясь в тени, отдавала все силы образованию государства Когурё.

В апреле 259 года до. н. э. , когда к королю Тонмёну приехали из Пуё г-жа Ре и ее сын, король назначил его наследным принцем, но у Сосоно не было никаких возражений насчет престолонаследия. Сосоно была верной женой короля, считала каждое его слово непреложным законом, безоговорочное подчинение ему – высокой моралью и принципом своей жизни. Король Тонмён, безгранично благодарный Сосоно за ее высокую мораль, старался, чтобы они, сын от первой супруги Ре и сыновья от Сосоно, были в дружбе и согласии.

Предвидя, что если после своей смерти может возникнуть разлад между ними и противоборство друг с другом, то могут пошатнуться устои государства Когурё, король Тонмён, обратившись к Сосоно, тихо сказал:

– Сыны Пирю и Ончжо, которых родила ты, тоже достойные мужчины. После моей смерти может возникнуть семейная ссора. Поэтому после моей смерти прошу вместе со сыновьями уехать на юг и образовать там еще одно государство, выполняющее мою волю. Это мой завет.

Понимая просьбу и волю короля Тонмёна, Сосоно со всей искренностью ответила:

– Так будет сделано. Помогу сыновьям построить еще одно государство на юге, выполняющее волю Вашего величества.

Спустя некоторое время, в сентябре 259 года до н. э. король Тонмён неожиданно заболел и умер на 40-м году жизни. После похорон Сосоно вместе со сыновьями Пирю и Ончжо уехала на юг. Тогда за ними последовали 10 верноподданных и немало других людей.

Их поход был знаменательным для выполнения священной воли короля Тонмёна на юге.

Когда свита Сосоно достигла горы Хан, расположенной в нижнем течении реки Хан, она, поднявшись на самую высокую скалу Пуаак, оглядывала с высоты на местность, где можно было бы осуществить свою волю.

Бездарный старший сын Пирю предложил идти на запад, в сторону берегов моря. А верноподданные, указывая на юг от реки Хан, высказали свое мнение:

– Вдоль этой местности течет река (река Хан), с севера ее окружают высокие горы, с юга раскинулись плодородные поля, запад загораживает широкое море. Где же найти такую естественную крепость? Лучше было бы избрать эту местность столицей.

Сосоно предложила своим сыновьям уважать мнение верноподданных и остановиться там. Но Пирю, несдержанный по характеру и непослушный матери, решил действовать по своему усмотрению. И вместе с немалым числом людей он направился в Мичхухор (район Инчхона) на берег моря.

Но Ончжо был человек послушный, с великодушным нравом, с детства безропотно подчинялся матери. Он остановился в низовьях реки, объявил крепость Вире своей столицей, назвал свое владение

государством Пэкчже.

Тогда малое феодальное государство Пэкчже занимало небольшую территорию с протяженностью более 40 км с четырех сторон, до тех пор оно оставалось владением государства Чин (Махан).

Сосоно поздравила второго сына Ончжо за то, что он, верный воле короля Тонмёна, в середине III в. до н. э. построил малое государство Пэкчже. Она воздвигла родовую молельню с поминальной дощечкой короля Тонмёна, этим дала ясно знать, что малое государство Пэкчже является наследником государства Когурё.

А Пирю остановился в районе Мичхухор, но влажность земли и соленость воды не давали ему жить спокойно, и он вернулся в крепость Вире, где проживала мать, и увидел, что младший брат, следуя воле отца, вместе с матерью построил свое государство, живет в дружбе и согласии. Он испытывал стыд, отчего слег и умер.

Сосоно проводила остаток своей жизни без забот и горя в крепости Вире. Она помогала младшему сыну Ончжо, который, продолжая дело короля Тонмёна, стремился умножить мощь малого государства Пэкчже. Позже это малое государство расширило пределы своей территории, укрепило государственные силы, и в конце I в. до н. э. оно превратилось в самостоятельное феодальное государство Пэкчже.

Так Сосоно вносила свой вклад в дело образования двух государств – Когурё и Пэкчже.

7. Принцесса из государства Ракран

В истории корейской нации имеется несколько ракранских принцесс. Среди них отличалась принцесса ракранского государства, существовавшего в начале – середине I в.

Она была на редкость справедливая, отдавала свою жизнь делу продвижения Когурё на юг и расширения им государственной территории.

Ракран был малым государством, его образовало в районе Пхеньяна население Древней Кореи (Манская Корея) после падения ее в 108 году до н. э.

В начале – середине I в. король малого государства Ракран Чвэ Ри имел дочь, непревзойденную красавицу, она поражала всех своими выдающимися качествами. Ее и называли «ракранской принцессой».

Когда дочь была во цвете лет, Чвэ Ри постоянно сетовал, что в своем государстве нет подходящей ей четы. В один прекрасный день ракранский король Чвэ Ри выехал на прогулку в район Окчжо, где случайно встретился с принцем Ходоном, сыном короля Когурё Тэмусина (годы правления – 18 — 44 гг.).

Принц Ходон был выдающейся личностью. С первого взгляда Чвэ Ри приглянулось его необыкновенное искусство воина и великодушный характер. Пользуясь случайной встречей с принцем Ходоном, Чвэ Ри обратился к нему: «Не хотите ли вы побывать в ракранском государстве?» С этими словами Чвэ Ри пригласил его к себе.

Как раз принцу Ходону захотелось когда-нибудь разок побывать в государстве Ракран, и с удовольствием согласился на его приглашение, но делал вид, что ему поневоле приходится дать согласие.

К тому времени территория ракранского государства доходила на западе до побережья Западного моря, а на северо-востоке – до районов ранримских гор. То было время, когда в Когурё шла в самом разгаре подготовка к его походу на юг для объединения территории страны.

Естественно, что над ракранским государством нависнет опасность: ведь в его владении находился Пхеньян, старая столица Древней Кореи. В ракранском королевском дворце, пригласившем принца Когурё в качестве высокого гостя, каждый день устраивали торжественный обряд и пышный пир в честь принца.

Каждый день Чвэ Ри вместе с Ходоном в сопровождении громкой музыки посещал достопримечательности Пхеньяна. Спустя несколько дней он открыл свою душу перед Ходоном: Неплохо было бы, если мы договоримся о бракосочетании двух королевских дворцов ради дружбы и сопроцветания двух государств – Когурё и Ракран.

Ходон колебался, но Чвэ Ри, чтобы не упустить этого момента, послал своего верноподданного за принцессой. Она явилась к своему отцу и поклонилась.

Увидев ее, принц не мог оторвать глаз от нее: черные ее глаза, блестящие незаурядным умом, слегка зарумянившиеся щеки, белый и

нежный кожный покров, стройная фигура. Принцесса была действительно непревзойденной красавицей. Внимательно следивший за выражением лица принца, Чвэ Ри представил ему свою дочь.

– Это моя единственная дочь.

Ракранская принцесса, слегка приподняв глаза, почтительно поклонилась принцу.

Ходон не раз слышал, что единственная дочь у короля Чвэ Ри – непревзойденная красавица, но, непосредственно встретившись с ней, он едва сдержал себя: от волнения сердце у него билось все сильнее.

Молодые, обменявшись друг с другом поклонами, нисколько не стеснялись Его величества государя, вели разговоры: то о красоте гор и рек, то об охоте за зверями, то о причудливости сопок, ущелий и горных вершин, то смеялись, поглядывая друг на друга любезными глазами, и их отношения заметно становились близкими и непринужденными.

Когда принц говорил с жаром, принцесса откликалась на него кивками головы. Они вместе то весело гнали лошадей по зеленой равнине, то проводили счастливое время на низкой пригорке, усеянной полевыми цветами, недалеко от берегов реки Тэдон. Однако их разговоры не ограничивались только одной любовью.

Ходон с жаром говорил ей: ракранское государство идет вразрез с велением времени, стремится втянуть в себя внешние силы и, вызывая бесполезные споры, заставляет людей пасть их жертвой. Ни в коем случае так поступать нельзя. Ракранское государство должно идти рука об руку с Когурё, оказывать помощь друг другу и, уступая друг другу, объединиться воедино.

Его пламенная речь тронула принцессу. Она с детства лелеяла большие надежды, усердно занималась наукой, осваивала искусство воина и пользовалась широкой известностью среди людей. Слушая рассказы о женщинах, известных в истории, она решила последовать их примерам. Она считала самой большой бедой для нации то, что образованные после падения Древней Кореи малые государства, замкнувшись в узких рамках, противостоят друг другу, дерутся между собой.

Поэтому воля принца Ходона была и ее волей. И она от души уважала его, решила последовать за ним, храня в глубине души беззаветную любовь к нему. Через несколько дней в королевском дворце состоялось

торжественное бракосочетание в присутствии всех членов королевской семьи и аристократов, и ракранская принцесса стала супругой принца государства Когурё.

Следуя обычаям того времени, принц Ходон должен был возвратиться в Когурё, в свой королевский дворец, и снова приехать за принцессой в Ракран спустя год, в один из прекрасных дней. Принцесса, тоскуя по мужу, молилась, чтобы скорее наступил день объединения малых государств в пределы территории Когурё.

Принц Ходон, вернувшись в крепость Кукнэ, столицу Когурё, доложил королю Тэмусину о происшедшем за это время и рассказал о необходимости скорее присоединить к Когурё ракранское государство путем оказания на него большого политического и экономического влияния.

Король ракранского государства Чвэ Ри хотя и выдал свою дочь замуж за принца Ходона, но он, боясь крепнущего изо дня в день могущества Когурё, ускорял подготовку к войне. Он, вступив в сговор с государством Хань, решил сдержать поход Когурё и, улучив удобный момент, вместе с государством Хань покарать Когурё.

Чвэ Ри приказал ввести надежную систему военной сигнализации, установить барабаны и трубы, самостоятельно издающие звуки с появлением противника. Эти меры короля становились большим ударом для принцессы, жившей одной мечтой и желанием, чтобы все соотечественники жили счастливой жизнью на одной территории во главе с Когурё.

Принцесса обратилась к своему отцу:

－Ваше величество отец, почему ты вздумал погубить страну своих соотечественников при помощи внешних сил? Закрывая глаза на могущество Когурё, выдвигать только свои малые силы – так, думаю, поступать бессмысленно.

Так она сквозь слезы то умоляла, то старалась убедить его, но толку от этого не было. Поэтому она решила без колебания пожертвовать собою за Когурё, за победу мужа, принца Ходона в боях. К этому времени прилетела к ней весть: принц Ходон просит уничтожить находящиеся в арсенале ракранского государства барабаны и трубы, самостоятельно издающие звуки с появлением противника.

Однажды глубокой темной ночью принцесса в белом одеянии вышла

во двор отдельного дома. В своей хрупкой руке она держала кинжал, острое его лезвие сверкало, как бы говоря о ее твердой решимости. Чем глубже становилась ночь, тем больше росло в душе короля неудержимое беспокойство: ведь наперекор ему стояла его единственная дочь, в ком он не чаял души, она никогда не шла против воли отца, какими бы мелкими ни были дела.

Как раз в это время послышались торопливые шаги одного из верноподданных. Он второпях подошел к королю и, пав ниц, доложил:

— Ваше величество государь, Ее высочество принцесса... Принцесса разбила барабаны и трубы... Теперь нам пришел конец.

— Что? Барабаны и трубы?

Когда Чве Ри вошел в арсенал, где хранились барабаны и трубы, принцесса лежала без сознания. Над ее головой гремел гневный голос отца. От его крика она с трудом приоткрыла глаза и, узнав своего отца, встала со слегка опущенной головой.

– Ваше величество родной батюшка, сейчас ты ошибаешься в оценке общей ситуации, воля народа устремлена к Когурё, и объединение территории страны непременно осуществится вокруг Когурё. Поэтому и мы ...

От ее слов потемнели глаза у короля. Ему мерещилась «шпионка из Когурё». Не помня себя от гнева, он с силой ударил мечом по животу «шпионки» слева направо. Ударив свою дочь, «шпионку», король упал в обморок.

В этот момент ворвался в арсенал принц Ходон из Когурё вместе с воинами, их было более десяти.

Ходон бросился к своей любимой жене, безмолвно лежащей в крови, и прижал ее к своей груди. Через некоторое время король пришел в себя, а принцесса так и ушла из жизни.

У Чвэ Ри ничего не осталось. Его единственная дочь, принцесса, ушла от него, некому было передать свой престол. Он позже понял, до чего наивной была его мечта поддерживать существование ракранского государства, мечта, которой он дорожил.

В 32 году Когурё добилось согласия на капитуляцию у короля Чвэ Ри. Таким образом ракранская принцесса, сноха короля Когурё и жена его принца, хотя и ни дня не прожила на земле Когурё, вносила большой вклад в расширение и объединение его территории.

8. Принцесса короля Пхёнгана

В середине VI в. у короля Пхёнвона (годы правления 559 – 590, или король Пхёнган) была принцесса, которая отличалась выдающимися качествами и красотой ее внешности.

У нее была дурная привычка: сызмальства ни с того ни с сего плакала, и ни дня не прекращался ее плач в королевском дворце. И за ней закрепилось прозвище «принцесса-плакса». Король Пхёнган, который не чаял души в своей дочери, каждый раз, когда дочка заплакала, говорил ей в шутку:

— Если ты так будешь плакать, тебя выдам замуж за дурака Ондара. Куда же годится, когда девчонка так все время будет плакать? Придется выйти замуж только за дурака. Кто же из высокопоставленных чиновников возьмет тебя, плаксу, в снохи?

Часто повторяя эти слова, король громко расхохотался. Тогда Ондар вместе с матерью жил в одном из поселков за Пхеньянской крепостью. Мать его была слепой. Они жили в крайней бедности. Каждый день Ондар ходил в лес за корой вяза, корнями пуэрарии. Порой бывал и в Пхеньянской крепости, ходил по домам просить милостыню.

И в Пхеньянской крепости не было человека, который не знал бы его. Волосы его всегда покрывали уши, лицо его все было в пыли и грязи. Пхеньянцы, прозывая его «Ондаром-дураком», издевались над ним. Но он был не дураком. У него в душе таилось беспримерное мужество, сила и ум.

Шли годы, и плаксивой принцессе исполнилось 16 лет. И слово «плакса» ушло в прошлое. Она выросла красавицей. Король стал подбирать жениха. Выбор пал на сына молодой вдовы г-жи Ко. Он был молодым воином, отличался мужеством, меткостью стрельбы из лука и искусством верховой езды. Естественно, что король хотел взять такого молодца в зятья. Однако принцесса думала о другом.

В ее душу давно засела мысль об Ондаре. Она считала его своей единственной супружеской четой. А сына молодой вдовы г-жи Ко она считала не так порядочным человеком. Сын г-жи Ко вел себя надменно, любил всегда хвастаться знатностью своей семьи и своей властью, подвергал людей оскорблениям и унижениям.

Откуда королю знать душу своей дочери? Король велел созвать всех военных и гражданских чиновников, и в их присутствии заявил принцессе о своем намерении выдать ее замуж за сына вдовы г-жи Ко. Но на ее лице выражалась необыкновенная решимость.

— Прошу прощения, Ваше величество, что я не могу подчиняться вашему велению, – заявила она, ничуть не стесняясь.

Лицо у короля, на котором играла улыбка, сразу же помрачнело.

— Ваше величество отец, давно приказали Вы мне выйти замуж за Ондара, когда я вырасту. Даже простые люди не говорят одним языком двояко, а тем более, Ваше величество, можете ли дать другое приказание?

Король рассердился, вскочил с места и грозно приказал:

— Вон ее из дворца!

Однако все верноподданные, стоявшие налево и направо, не знали, что делать. Но принцесса, ничуть не колеблясь, в тот же день вышла из королевского дворца, тут же отправилась в дом к Ондару. Но она не знала, где живет он .

Спрашивая у прохожих его адрес, лишь вечером нашла дом Ондара, что находился у одинокой дзелквы, недалеко от поселка за крепостью. Она потихоньку вошла во двор. Перед дверью в комнату сидела одиноко слепая мать. Принцесса почтительно отвесила старухе земной поклон и осведомилась, куда ушел Ондар.

С удивлением на лице мать сказала:

— Мой сын бедный и грязный, не достоин встретиться с благородным человеком. Хотя я не вижу, но знаю по приятному запаху от вашего тела и по ощупыванию ваших мягких и тёплых, как вата, рук, что вы не к нам в гость, видимо, кто-то вас заманил в такую глушь. Мой сын пошел в горы за вязовой корой, чтобы не умереть с голоду. Так и знайте, возвращайтесь обратно.

Принцесса, ускоряя шаг, шла по горной тропе, по которой ушел Ондар. И только она подошла к подножию горы, как показался на тропе Ондар. Он возвращался домой с вязовой корой на спине. Обрадованная, она бросилась навстречу ему, рассказала все, что с ней случилось.

Но Ондар не поверил своим ушам: «Здесь женщинам не место. Виданное ли это дело: принцесса ко мне? Это явная уловка лисицы-волшебницы. Говорят, она, обернувшись красавицей, заманивает человека».

Так думал Ондар и, оставив ее одну и не оглядываясь, возвратился. Она потеряла единственную надежду и пала духом. Но кого же за это обвинять? Она вынуждена была возвратиться в дом Ондара и провести ночь во дворе, прислонившись к плетеной калитке его дома. Наутро принцесса, поклонившись Ондару и его матери, снова рассказала им о своем намерении. Но они не поверили ей, считали, что она врет.

Но и принцесса не хотела отступать и обратилась к ним: «Наши предки учат: пусть зерна один маль, но, вышелушив его, можно есть вместе, пусть один вершок холста, но, зашив его, можно одеваться вместе, так если мы сойдемся душой, можно жить вместе, нельзя же сказать, что только богатые и знатные могут жить вместе».

Тронутые ее логичностью и сердечностью, Ондар и его мать решили согласиться с ней.

С того дня принцесса стала женой Ондара. Она продала все золотые и серебряные вещи, которые она взяла с собой при уходе из королевского дворца, и обзавелась домом, землей, быком и семейными пожитками, а затем приобрела меч, копьё, лук и другое снаряжение, предложила своему мужу учиться верховой езде, стрельбе из лука и другим видам искусства воина. Это было первейшим условием для подготовки своего мужа будущей опорой страны. Каждый день Ондар ходил в горы, верхом на коне гонялся за зверями, стреляя по ним из лука, чтобы освоить искусство воина. Он стал достойным воином и не уступал никому.

Каждый год 3 марта в Когурё проходили на холме Ракран состязания по охоте. В этих состязаниях решил участвовать и Ондар в качестве одного из удалых воинов.

Принцесса вела тщательную подготовку. Она прежде всего достала резвого коня и любовно ухаживала за ним. Она отлично знала, что в любых сражениях прежде всего нужна хорошая лошадь, чтобы прославить свое мужество.

Наконец наступил день состязаний. Вокруг больших королевских носилок, где сидел король, стояли роскошно снаряженные полководцы, солдаты охранной стражи и полководцы из пяти округов в сверкающих кольчугах и металлических шлемах. Собрались не только люди из крепости, но и из-за ее пределов, люди со всех концов страны, и бурлило море людей.

Раздался стартовый сигнал. Одновременно стартовали сотни

всадников. Кто займет первое место? Мысли у всех сошлись в одном. Прошло определенное время. С пригорки, откуда исчезли воины, донеслись конские топота, первым появился неизвестный молодой всадник. Он, взвихривая клубы пыли, гонял лошадь во весь опор. На спине у лошади, где сидел всадник, лежал тигр величиной в телёнка.

—Кто он этот всадник?.

—Впервые вижу.

—Ой, какой большой тигр!

Люди стали в один голос восхвалять его. Тот молодой всадник и был Ондар.

Тут же соответствующий чиновник громко доложил королю: «Сегодня первое место занял Ондар, он живет за крепостью».

Загремели восторженные возгласы. Он Дар явился к королю. Некоторое время король внимательно посмотрел на него с носилок и спросил:

— Говорят, тебя зовут Ондаром. Думаю, ты не тот Ондар, которого прозывали дураком.

— Нет, я тот самый Ондар.

Ничуть не смущаясь, ответил Ондар.

Король еще раз внимательно посмотрел на него. За это время принцесса, находясь среди болельщиков, следила за этим, тихо улыбаясь.

После этого, когда иноземные захватчики вторглись на территорию Когурё, Ондар, будучи начальником авангарда, участвовал в сражениях, отрубил головы у десятков вражеских полководцев, совершил большие подвиги в отражении нашествия иноземных захватчиков.

Король Пхёнган был тронут его боевыми подвигами и мужеством, не скупился на похвалы, со всеми почестями встретил Ондара и принцессу, присвоил Ондару высокий чин «тэхен». Во многих других боях Ондар проявил беспримерное мужество, отразил нашествие иноземных захватчиков, внес большой вклад в дело объединения территории страны.

В начале VII в. он участвовал в сражениях за восстановление территории Когурё севернее перевалов Керип и Чук, но, к несчастью, в бою за крепость Адан (волость Ёнчхун уезда Танян провинции Северный Чхунчхон) пал смертью храбрых. Его сразила стрела, выпущенная силласким воином. Население Когурё горько скорбело о потере прославленного полководца.

Так благодаря чуткой заботе принцессы короля Пхёнгана Ондар стал из «дурака» полководцем и внес большой вклад в борьбу за отражение иноземных захватчиков и за объединение территории страны.

Сказание о принцессе короля Пхёнгана передается из уст в уста, из поколения в поколение как образец женщины, посвятившей себя своему мужу.

9. Госпожа Рокчжок из Когурё

В 612 году 3-миллионные иноземные полчища вторглись в государство Когурё. Это было невиданное в истории крупное нашествие. Но все когурёсцы, от мала до велика, под водительством полководца Ыльчжи Мун Дока встали на защиту родной земли. Они мужественно отразили нашествие иноземцев и отстояли свою страну. В этих священных сражениях участвовало немало и женщин, среди них была и г-жа Рокчжок.

Воюя под командованием полководца Ыльчжи Мун Дока, она сделала свой вклад в победу над иноземными захватчиками. Ее сыновья находились в лагере противника. Она помогала им возвратиться на свою сторону.

У г-жи Рокчжок была отличительная черта: ее пальцы ног напоминали оленьи ножки. Поэтому ее называли «г-жой Рокчжок», или «женщиной с оленьими ножками» (Рок в переводе на русский означает оленьи, а чжок – ножки). Она была умная и скромная, обладающая стойким характером. После скоропостижной смерти мужа по болезни она решила как следует воспитывать своих сыновей.

И у двух сыновей, как и у матери, пальцы ног напоминали оленьи ножки, за что они нередко подвергались насмешкам от поселковой ребятни. Поэтому мать постоянно уговаривала своих детей играть только у себя во дворе или ходить в Кёндан (школа, где обучали литературе, боевому искусству и единоборству), чтобы они научились грамоте и искусству воина. И вот однажды братья решили просто проучить сынишку соседнего богача, который вечно издевался над их ногами. Но, увы! Ударом прямо в его уязвимое место тот подлец был убит наповал.

Услыхав об этом, мать сразу сообразила, что дело не кончится добром.

И той же ночью мать вместе с двумя сыновьями покинула родной край. Когда оказались на морском берегу, они сели на лодку. И лодка поплыла, куда ветер дует. Но беда не приходит одна. Их застиг шторм. Так они расстались: мать и сыновья, которые были для нее единственной надеждой и духовной опорой.

Она решила переехать в г. Пхеньян, столицу Когурё, чтобы прожить там весь остаток своей жизни одиночкой, помогая бедным людям. Приехав в Пхеньян, она перебралась в горы Тэсон, утопающие в зелени, где она, заняв укромное место, разводила и продавала оленей. За вырученные деньги она кое-как сводила концы с концами, оказывая помощь тем, кто нуждался в оленине, пантах и других лечебных лекарствах. В этом она видела смысл своей жизни.

В страну вторглись иноземцы. Все когурёсцы, проникнутые высоким патриотическим духом, в едином порыве поднялись и самоотверженно дрались более 4 месяцев, остановили натиск противника на рубеже реки Ляохэ, не дали ему продвинуться дальше по их территории.

В те дни г-жа Рокчжок не сидела сложа руки. Она пошла к полководцу Ыльчжи Мун Доку в ставку командования, находившуюся тогда в крепости Пхеньян (Северный Пхеньян, ныне крепость Фэнхуанчэн провинции Ляонин Китая), обратилась к нему с просьбой: «Я хотя из женского пола, но можно ли сидеть спокойно, когда вторглись иноземцы? Помогите мне пойти на подмогу нашим войскам».

Тронутый ее патриотическим чувством, полководец дал согласие. Тем временем император противника, терпевший поражение за поражением у реки Ляохэ, поспешно продвинул в крепость Пхеньян (ныне – крепость Фэнхуанчэн), 300-тысячное войско особого назначения из 9 корпусов, намереваясь добиться у Когурё согласия на капитуляцию.

Ыльчжи Мун Док в свою очередь решил сам осведомиться о положении в лагере противника и под предлогом «переговоров» проник во вражеский стан, переправившись через реку Амноксу (ныне — Тайцзыхэ). Встретив весть о проникновении полководца в лагерь противника, Рокчжок, обеспокоенная нависшей над ним опасностью, решила незаметно последовать за ним.

В ходе переговоров Ыльчжи Мун Док узнал, что в стане противника существуют разногласия между военачальниками, что у них иссякли

запасы продовольствия и воины голодают. У него в голове созрели планы разгрома захватчиков путем сочетания тактики заманивания с тактикой «опустошения всего земного и охраны крепостей».

Во время переговоров военачальники противника были окончательно растеряны невозмутимостью, внушительностью и логичным суждением Ыльчжи Мун Дока, они не знали, что делать при встрече с ним, не в состоянии были даже исполнять секретный приказ своего императора взять его в плен. Но после того, как Ыльчжи Мун Док покинул лагерь, вожак противника, опомнившись, поспешно пустил крупные войска в погоню за ним. В этот критический момент г-жа Рокчжок, выжидавшая его на берегу реки Амноксу, переправила его на лодке. При ее помощи Ыльчжи Мун Док избавился от погони врага и благополучно вернулся к себе в ставку, где и приступил к составлению детальных оперативных планов по уничтожению сил противника.

Тем временем во вражеском стане славились двое военачальников, известных своим беспримерным мужеством. Их воинское искусство было неоспоримо высоким, у них не было соперников, и в лагере противника, надеясь на них, не прекращали войны. Но и у них была отличительная черта: пальцы их ног напоминали оленьи ножки. И недаром во вражеском стане их называли богатырями с оленьими ножками. Слухи об этом, передаваясь из уст в уста, наконец, дошли и до г-жи Рокчжок. Ее охватила неудержимая радость, что дети ее живы, что она когда-нибудь встретится с давно разлученными сыновьями. Но у нее велика была обида за них: они же бешенствовали, не зная и своей Родины, где они родились.

И вот однажды поздним вечером г-жа Рокчжок, пренебрегая нависшей над ней опасностью, одна проникла во вражеский лагерь. Двое братьев были буквально ошеломлены неожиданным появлением в такой ночной темноте женщины из Когурё. Ноги у женщины, явившейся к ним при тусклом свете свечи, напоминали оленьи ножки.

Такими были ноги только у матери двух братьев. Узнав в ней свою родную мать, они отвесили ей земной поклон, от волнения на их глазах навернулись слезы.

Радости братьев не было предела. Считавшаяся покойной их мать словно воскресла перед ними. Они втроем до глубокой ночи делились

своими воспоминаниями о том, как расставались.

Борясь со штормом, дети с трудом добрались на лодке до восточного побережья соседней страны. В них чуть теплилась жизнь. В тот ненастный вечер бедные дети, лишившись матери, дрейфовали к берегу. Их случайно обнаружил старый паромщик. Он и усыновил их, вырастил на своем попечении. Природа одарила детей крепким телосложением и необыкновенной проворностью. Они освоили искусство воина, были призваны в армию, сразу выдвинулись по службе, получили полководческий чин.

Внимательно слушая рассказ о прошлой жизни сыновей, мать поглаживала их по головам, проговорила:

— Тот рыбак, что спас и вырастил вас, сынишки мои, для вас благодетель и отец. Не надо забывать о нем, что есть законный долг человека. Но надо твердо знать: кто вам дал жизнь и где вы родились. Не в Когурё? Поэтому ясно, что вы – сыны Когурё. Но против кого вы ныне воюете? Против своего родного государства, где вы родились? Против своих соотечественников? Где бы ни находился, человек не должен забывать о своей Родине.

Мать ушла. Так же тихо и незаметно, как пришла. Но сыновьям нелегко было на душе. «Права мать. Нельзя забывать о своей родной земле, о своем Отечестве», — думали братья.

Вскоре вражеский лагерь застигла полная паника. Прославленные братья-военачальники вражеского лагеря, отрубив голову своего главаря, перебрались в сторону Когурё. Победа когурёсцев была уже предрешена. И так когурёские войска под командованием полководца Ыльчжи Мун Дока одержали крупную победу в сражении в Сальсу (ныне Сяоцзыхэ в верховьях Даянхэ провинции Ляонин Китая) и полностью разгромили иноземных захватчиков.

Тепло встретила г-жа Рокчжок своих сыновей, возвратившихся с победой. Слезы радости покатились по ее щекам.

Пламенные чувства патриотизма г-жи Рокчжок помогли сыновьям встать на верный путь служения Родине и проявлять мужество в борьбе против агрессоров. Сказание о патриотической жизни г-жи Рокчжок, передаваясь из уст в уста как легенда, вошло в «Хваынчжип» Ли Си Хвана (1672 – 1736) и другие старинные книги.

10. Г-жа Мон, мать Ван Гона – основателя Корё

Со времени образования Тангуном в начале XXX в. до н. э. Древней Кореи (Тангунская Корея), первого на Востоке государства, корейцы жили, образуя единую национальность. Однако после середины XV в. до н. э. начался распад Кореи на несколько государств.

Но корейский народ, сохранявший свою национальную общность на протяжении веков, в начале X в. снова объединился в единое государство Корё, жил на одной территории, общими силами единой нации прославлял Корею на Востоке.

О Ван Гоне давно известно, что он основатель Корё, осуществивший объединение территории государства.

А кем была мать короля Ван Гона, основателя Корё – первого в истории страны единого государства? Мать, которая родила и вырастила Ван Гона, звали г-жой Мон. В свое время она считалась редкой красавицей в Кэсоне.

Кэсон был известным центром морской торговли с периода Позднего Силла, в этом городе царило такое бурное оживление, что и в столице.

К середине IX столетия в Кэсоне было немало удачливых торговцев, которые извлекли баснословные прибыли из морской торговли и стали крупными богачами. Среди них был и человек по имени Рён Гон. По происхождению он был пхёнмин (простолюдин). Его родословная, начиная от предка пяти поколений вплоть до его отца, принадлежала к низшему сословию, не имевшему даже своей фамилии. Тем не менее он своими богатствами полностью прибрал к рукам Кэсон и его окрестности. И по авторитетности он не уступал рянбанам (дворянам).

Однажды Рён Гон ранним вечером лег спать, и сразу заснул, ему приснился странный сон. Во сне к нему подошла незнакомая девушка, на диво красивая, как небесная фея, почтительно поклонилась ему и проговорила: «Отныне я, господин, к вашим услугам», и, слегка улыбнувшись, исчезла. Сон был чудесным, и Рён Гон не мог снова уснуть.

Прошло несколько дней. Рён Гону пришлось сходить по делу из уезда Сонъак в крепость Ёнъан. Он ускорял шаг. Мимо него проходила одна девушка. Парень заметил, что девушка была личиком точь-в-точь та

красавица, которая снилась ему в ту ночь.

Диву давался он таким случайным совпадением. И он не сомневался, что она же его будущая супружеская чета, предопределенная небесной волей. Парень осмелился подойти к девушке и объяснился ей в своей любви.

Девушка была красивая и разумная, она с первого взгляда приглянулась Рён Гону. И ее тоже привлекала его мужская выправка и темпераментный характер. И она ответила на его любовь.

Рён Гон женился на ней. Ее стали звать г-жой Мон за то, что сновидение Рён Гона, мол, предопределило его судьбу. «Мон» в переводе на русский означает «сновидение». В большом доме в уезде Сонъак, передаваемом в наследство из поколения в поколение, г-жа Мон вместе с Рён Гоном жили счастливо без заботы и горя. Шли месяцы, менялись годы. Но в душе у г-жи Мон все росло невыразимое беспокойство. Прошло почти 10 лет после свадьбы, но они не имели своего отпрыска. В то время люди верили в геомантику. И они с мужем решили следовать геомантике, перестроить дом с фасадом на юг.

И вот однажды знаменитый геоман периода Позднего Силла по имени Тосон, случайно проходя мимо их дома, пробормотал про себя: «Посеяли бы на той земле просо, а не коноплю».

Г-жа Мон, прибиравшаяся в это время у себя во дворе, услышала его и попросила мужа, чтобы он поговорил с Тосоном. Рён Гон побежал вдогон ему и попросил дать совет.

Пригласив его к себе в дом, Рён Гон богато накрыл стол для него. Вставая со стола, Тосон сказал:

— Этот край (Кэсон) уходит на севере своими отрогами в горы Пэкту, так что, можно сказать, это самый что ни на есть хороший край. Уверяю: если вы построите здесь великолепный дом с 36 участками, то в будущем году непременно родится у вас славный сын, который станет хозяином этой земли. Именуйте младенца «Ван Гоном», взяв букву «Ван» со значением «король» и «Гон» со значением «строительство».

Следуя совету Тосона, Рён Гон со своей женой г-жой Мон построили большой просторный дом с 36 участками, приложили к стройке немало усилий, и с нетерпением ждали рождения сына.

И действительно, г-жа Мон забеременела. 14 января 877 г. у нее родился долгожданный сын. Радости родителей не было предела. Ребенок,

как предсказывал Тосон, показался необыкновенным. Нарекли его «Ван Гоном». Опасаясь быть в немилости со стороны феодального правительства за слово «Ван», означающее «король», в будни его звали просто «Як Чхоном», означающим такое великодушие и мечту, как небо.

Ван Гон стал радостью и надеждой семьи, г-жа Мон прилагала усилия к воспитанию сына. Благодаря беззаветной любви и строгой требовательности родителелей Ван Гон рос, как грибы после дождя, и изменился до неузнаваемости. Он лелеял мечту построить новое государство и осуществить объединение нации, используя средства, вырученные его дедом и отцом за счет морской торговли.

К концу IX в. в период роста и возмужания Ван Гона, повсеместно вспыхивали крестьянские восстания против жестокого произвола феодальных правителей. Для реализации своих замыслов Ван Гон решился использовать влияние Кунье, руководителя повстанцев, занявшего северные районы Позднего Силла. Между тем Кунье в свою очередь, стремясь расширить сферу своего влияния до района Кэсона, предложил Рён Гону, влиятельному лицу этого района, поступить на службу к нему. Рён Гон охотно согласился на его предложение, направил своего сына к нему, чтобы он стал подчиненным Кунье, а Кунье позже назначил Рён Гона наместником в Кымсоне, что в районе среднего течения реки Римчжин.

Г-жа Мон с мужем переместились в Кымсон. Однако ее не покидали сомнения: не строит ли Кунье козни? Зачем же отделяет сына от отца и посылает их из Кэсона, где имеется их надежная опора, в незнакомые края? Она предлагала мужу подумать об этом.

Муж одобрил ее мнение. Он убедил Кунье, что, если построить крепость в районе у Сонъак и назначить Ван Гона начальником этой крепости, то это даст возможность в будущем объединить страну. Следуя совету Рён Гона, Кунье велел 19-летнему Ван Гону построить крепость Парьочхам в окрестности Кэсона, и назначил его главой крепости. Это дало Рён Гону возможность поддерживать и еще более упрочивать свои позиции в Кэсоне и его окрестностях.

Но тут безвременно умер Рён Гон в 897 г. Скоропостижная смерть мужа стала невосполнимой утратой для г-жи Мон. Она похоронила мужа в пещере в скале в крепости Ёнан, что в низовьях реки Ресон, и построил

большую усыпальницу. Позже эту гробницу называли гробницей Чхан.

Справив трехлетний траур по умершему мужу, г-жа Мон с нетерпением ждала осуществления великого дела сына. Но она умерла, так и не дождавшись тех радостных дней, когда Ван Гоном в 918 г. основал государство Корё, а в 936 году окончательно завершил объединение страны. После коронации Ван Гон объявил свою мать г-жу Мон посмертной королевой страны.

Итак, г-жа Мон вошла в историю корейской нации как женщина, родившая и вырастившая Ван Гона, основателя первого объединенного государства Корё.

11. Основание Корё и королева Синхе

Г-жа Рю была женой Ван Гона, основателя Корё, вошедшего в историю Кореи за образование государства Корё и осуществление дела объединения страны.

О королеве г-же Рю излагается как о главном лице в «Биографических очерках о жизни королев» («Хубичжон») в «Корёса» («История государства Корё» т. 88. Жизнеописания выдающихся личностей прошлого 1.)

Г-жа Рю родилась в Чончжу (ныне село Пхундок уезда Кэпхун провинции Северный Хванхэ). дочерью крупного чиновника Рю Чхон Гуна.

Родной край Рю принадлежал территории Древней Кореи, то есть Когурё. Долгое время его называли районом Чончжу, а во времена Корё округом Сынчхон, в период правления династии Ли уездом Пхундок. Этот край был живописным уголком, который красовался плавным течением хрустально-чистых вод реки Кымсон, внушительными и величественными видами горных отрогов Пэкмаского хребта. Тем более, был здесь развит морской транспорт, что создавало благоприятные условия для торговли.

В последний период Силла ее отец Рю Чхон Гун был родом из простолюдинов, но после он разбогател, воспользовавшись благоприятными условиями этой местности для морского судоходства и торговли. Недаром местные жители называли семью Рю семьей крупного

богача. Именно в этой семье и родилась Рю и заслуживала похвалу у соседей за ее пристойное поведение и красоту внешности.

К тому времени Ван Гон, находясь в подчинении у Кунье, тогдашнего короля государства Тхэбон, был назначен в 909 г. командующим морскими силами.

Чтобы охранять район Рачжу (провинция Южный Чолла), занятый в 903 году, он с заездом остановился в районе Чончжу, где ему предстояло отремонтировать боевые суда, предназначенные для боев в Рачжу.

Ван Гон со своими приближенными по пути на взморье остановился на привал возле ручейка под плакучей ивой. Стояла жара, ни ветерка. Захотелось пить. Оглядываясь по сторонам, Ван Гон заметил одну девушку, которая черпала воду из родника под плакучей ивой.

Он подошел к ней и попросил попить. Девушка, наполнив ковшик студеной водою из родника, положила на поверхность воды листья ивы и протянула ему ковшик.

Ван Гон сразу заинтересовался: «Ты чья будешь?»

Девушка ответила: «Я дочь Рю Чхон Гуна, живу в этом поселке». Ван Гон проговорил: «Скажи батюшке, что Ван Гон, почтенный гость из Кэсона, заглянет сегодня вечером к нему», — сказав, Ван Гон ушел своей дорогой.

Рю Чхон Гун, услышав от дочери, что к нему зайдет Ван Гон, не скрывал радости, считая его визит большой честью для него: ведь он же молодой богатырь Ван Гон, имя его широко известно, его ждет большое будущее.

К вечеру Ван Гон пришел к ним в гости, переночевал у них. На следующий день утром он, уходя на поле брани, обратился к девушке и ее отцу: «Обязательно приеду, так что ждите меня».

Позже Ван Гон, возглавив морской флот, отправился в район Рачжу, где он расширил свое влияние и добился заметных успехов. За эти заслуги он, вернувшись в столицу Чхольвон, с 913 года служил в высоком чине и был очень занят делами.

В 914 году Ван Гон снова отправился в Рачжу, чтобы спасти его от угрозы развала. Проходя мимо знакомого Чончжу, он вспомнил любимую девушку. И зашел к ней. А ее и в помине не было. По словам ее отца, она ждала не дождалась Ван Гона, решила вечно оставаться верной ему и, постригшись в монахи, пошла в храм, стала монахиней.

Ван Гон был тронут верностью девушки. Он остался на ночь у Рю. В угрюмой комнате, где нет девушки, раскаялся в своих поступках, упрекая себя за бездушность, поклялся про себя взять ее себе в жены.

На следующий день Ван Гон велел своему подчиненному сходить в храм за девушкой. Итак, Рю, решившая всю жизнь хранить верность ему и жить в одиночестве, встретилась с Ван Гоном и стала его женой.

К июню 918 года деспотизм Кунье достиг своего апогея. Вечером 14 июня верноподданные Ван Гона Хон Ю, Пэ Хён Гён, Син Сын Гём и Пок Чи Гём неожиданно явились к нему. Остерегаясь присутствия г-жи Рю, жены Ван Гона, Хон Ю обратился к ней:

— Ох, как поспешно прибежал я сюда. Не стерплю жажды. Не найдется ли у вас хотя бы спелого огурца в огороде, чтобы смог утолить жажду.

Сразу же сообразив смысл его слов, г-жа Рю тут же вышла из комнаты. Но не могла быть спокойной. Ее не покидало недоумение: почему они нагрянули к ним в такую позднюю ночь? Она незаметно пробралась в комнату и укрылась за шелковой занавеской.

Как только вышла из комнаты Рю, гости стали строить заговор снять с престола Кунье и ввести новую династию во главе с Ван Гоном. Ван Гон, отклоняя их предложения, уговаривал: «Как ни жесток Кунье, все же он король, а мы верноподданные, имеем только право дать ему совет?» Но приближенные Ван Гона упорно настаивали на своем, уверяя его в том, что ликвидировать Кунье – это воля народа и, следовательно, воля небес, что такого подходящего момента не всегда найдется. Они решительно потребовали немедленно приступить к перевороту.

Но Ван Гон, колеблясь, не решался. В это время г-жа Рю выскочила из-за занавесок, стала на колени и почтительно, но умоляюще сказала:

—С вашего позволения прошу прощения за непристойное вмешательство женщины в такое важное дело. Насколько мне известно, исстари отстраняли деспота во имя величайшего дела. Слушая ваши мнения, и я не в силах терпеть гнев. Что и говорить о мужчинах? Упустишь раз шанс, он никогда не вернется. Если вы не хотите стать вечным врагом страны и народа, прошу не упускать этого шанса.

Если будет разоблачен заговор, последует возмездие со стороны Кунье. Но Ван Гон, выслушав настоятельные слова своей жены и предложения приближенных, учтя веление времени, когда народ требует

свергнуть с престола Кунье и возвести нового короля, Ван Гон набрался смелости и принял решение. Г-жа Рю, сняв со стены панцирь и помогая мужу одеться в него, пожелала ему успеха. Его приближенные готовы были встать на его охрану.

Ван Гон со своими приближенными на рассвете, когда забрезжил восток, сколотив престол посередине двора, справили торжественный обряд, в котором Ван Гон и верноподданные присягнули в верности друг другу, а затем ринулись в королевский дворец.

К перевороту Ван Гона присоединилось более десяти тысяч воинов. Кунье, оставшись без воинов, обратился в бегство. Его застали в Пуяне (Пхёнган) местные жители. Они и избили его до смерти.

Так Ван Гон взял в свои руки власть без кровопролития, не выпустив ни одной стрелы из лука. 15 июня он официально вступил на престол в королевском присутствии и провозгласил образование нового государства, назвал его государством Корё, выразил свое стремление унаследовать традиции Когурё и построить могучее единое государство. Таким образом г-жа Рю стала первой королевой династии Корё.

Рю, или королева Рю, вносила весомый вклад в основание государства Корё, активно помогала своему мужу в его деятельности, делала свое дело в объединении территории государства.

Примерно за 20 лет после основания своего государства Ван Гон проводил политику расширения пределов страны: на севере ― путем похода на север и привлечения к себе населения покоренного государства Пальхэ, а на юге – путем присоединения Позднего Пэкчже и Позднего Силла, и в 936 г. впервые в истории Кореи завершил объединение территории страны. Вскоре после смерти Ван Гона в мае 943 г. умерла и г-жа Рю. За большие заслуги ей присвоили посмертное имя «королева Синхе», похоронили ее вместе с мужем в гробнице Хён.

Гробница Хён расположена в поселке Хэсон уезда Кэпхун, что находится в пяти километрах к северо-западу от нынешнего г. Кэсона. Запись об этом сохраняется и в Памятнике перед гробницей короля-родоначальника Корё.

Благодаря политике по сохранению национального культурного наследия, проводимой в КНДР, в 1994 году гробница Хён как нельзя лучше реконструирована и расширена под названием «Гробницы короля Ван Гона».

12. Мать Ким Сук Хына, прославленного полководца-патриота

Г-жа Ли – мать прославленного полководца-патриота Ким Сук Хына, совершившего большие подвиги в войне против иноземных захватчиков. В конце X в. она вышла замуж за доблестного воина и жила счастливо, без забот и горя. Но скоро она лишилась своего мужа.

После смерти мужа у г-жи Ли родился сын Ким Сук Хын. Она решила вырастить его доблестным воином, верным воле своего отца. Когда рос сын на попечении у матери, шли в самом разгаре бои с иноземными захватчиками. Они вторглись в Корею, и против них объединенными силами нации ополчилось население Корё, добившееся впервые в корейской истории объединения территории страны.

И ситуация того времени требовала от всех мужчин Корё вести духовную и физическую подготовку, чтобы быть готовыми с жгучей ненавистью разгромить наголову захватчиков. И г-жа Ли изо всех сил старалась с малолетства воспитывать своего сына мужественным воином, воином большого сердца.

В детстве у него был такой случай. Он был самый известный шалун, любил играть с огнем и получил ожог на ноге. Малолетний Сук Хын не выдержал боли и громко заплакал. Мать осыпала его упреками: «Ты же мужчина. Не вытерпев такой небольшой боли, плачешь? Как же ты станешь в будущем полководцем и отразишь нашествия врагов?» Столь высокой была требовательность матери ради того, чтобы вырастить из него смелого воина.

Благодаря ее теплой заботе и строгой требовательности заметно росло и крепло его искусство верховой езды, стрельбы из лука и орудования мечом, и вместе с тем в его душе крепла и решимость бить врага. Однажды мать велела Сук Хыну сходить за жабой куда угодно.

«Почему мама вдруг велит поймать жабу?» – так думая, он поймал противную, пятнистую жабу и явился к матери.

Г-жа Ли велела тут же на глазах у нее съесть сырую жабу, не испеченную, не варенную, при одном виде вызываюшую отвращение! Глаза у сына полезли на лоб.

Он с недоумением пристально смотрел на мать. Но мать бросила ему строгий упрек:

– Наша страна пока живет небогато. Если враг внезапно нападет на нас, то вспыхнет война, поэтому надо быть готовым ко всему. На поле брани порой приходится голодать и искать все съедобное, чтобы сохранить жизнь для разгрома врага и победы над ним. Поэтому с этих пор надо запомнить все съедобное и попробовать его.

От резкого наказа матери у Сук Хына заговорила совесть. И он, разодрав жабу на части и закрыв глаза, бросил их в рот одну за другой, с ног до головы стал есть, пережевывая. Сук Хын, съев сырую жабу, чувствовал отвращение, ему было очень неприятно, но он был рад, что выполнил волю матери.

И после этого он стал прививать себе привычку есть в сыром виде животных и растения. Таким образорм в нем крепла воля и готовность утолить голод, питаясь сырым мясом, корой деревьев, корнями трав в случае, когда вспыхнет война и когда останется без продовольствия.

Г-жа Ли стремилась вырастить сына не только физически подготовленным, но и умственно развитым воином. Она помогала Сук Хыну целиком отдаваться наукам, зачитывать известные военные трактаты, подробно рассказывала ему о патриотической деятельности и подвигах знаменитых полководцев предыдущих поколений.

Особое внимание она обращала на воспитание в нем характера моральных качеств, которыми должны овладеть полководцы. Г-жа Ли до боли в ушах повторяла ему, что когда воины заняты делами, полководец не имеет права отдыхать, что он не имеет и права есть пищу раньше воинов, одеваться в ватник раньше подчиненных. Такие наставления г-жи Ли оказывали сыну благотворное влияние на воспитание в нем духовных качеств полководца.

После первого нашествия иноземных агрессоров в 993 году обстановка в стране достигла крайнего накала. Исходя из этого, Корё приняло меры по восстановлению старой территории Когурё—Пальхэ, форсировало подготовку к походу на северо-запад против вероятных агрессивных действий противника, укрепляло оборонительные крепости, наращивало войска.

В 994 году и Ким Сук Хын был мобилизован на сооружение и

оборону крепости Кучжу (Кусон провинции Северный Пхёнъан), одной из важнейших крепостей на северо-западе Корё.

Тогда в Корё бытовали обычаи: когда женщины отправляли своего мужа или сына на поле брани, накануне той же ночи они сжигали благовония, чтобы кольчуги и шлемы пропитывались их запахом. Если будешь так делать, то во время сражения с противником могли, нюхая их запах, чувствовать теплую любовь матери и жены, проявлять мужество, а после смерти этот запах, превратившись в дыхание жены и матери, охранял их трупы.

И г-жа Ли, отправляя сына в Кучжу, всю ночь сжигала куски можжевельника, которые бережно хранила она, чтобы его кольчуга и шлем пропитывались их запахом. В этом крылось ее заветное желание и надежда, чтобы он смело дрался с иноземцами, выполняя волю отца. На следующий день Ким Сук Хын, покидая свой дом, твердо поклялся перед своей матерью не возвращаться домой живым, пока не будут разгромлены иноземные агрессоры.

Приехав в Кучжу, Ким Сук Хын вместе с местными жителями приступили к укреплению крепости на горе, важнейшего оплота для отражения нашествия противника. Он во всем стоял впереди: сам нес на спине крупные камни и мешок земли, а когда перед ними вставали трудности, делил с воинами горе и радость, чтобы соорудить неприступную крепость в горных условиях.

Прошел год с тех пор, как он был занят подготовкой к боям в Кучжу. Однажды он пошел по делу в район Кэгёна и, улучив время, зашел в родной дом налить матери чашку суль (водка) по случаю дня ее рождения. Он думал: мать прибежит к нему, примет его с распростертыми объятиями, но она этого не сделала. Это для него была полной неожиданностью.

Г-жа Ли вместо того, чтобы радушно встретить сына, много пережившего в пограничном районе и пришедшего после долгой разлуки, наказала немедленно возвратиться обратно.

Сук Хын со всей искренностью обратился к матери: «Завтра день твоего рождения. Позвольте мне хоть денек провести вместе с тобой». Мать была благодарна сыну за его искренность, но ей нельзя было поддаваться его доброте. Мать, горько сетуя, сказала Сук Хыну: «Отвечай,

кто дороже: твоя мать или многочисленные люди, находящиеся в крепости Кучжу? Я думаю, и ты, наверно, знаешь: если падет крепость Кучжу, окажется в опасности и родной край, где живу я, твоя мать. Отвечай, какой черт дернул тебя хоть на минутку со спокойной душой прийти сюда отметить день рождения своей матери? Раз ты так возвратился домой вопреки моей воле, это не значит ли: то, чему я научила тебя до сих пор, пошло прахом? Не знаю, с каких пор ты стал таким заурядным мужчиной?!»

Сук Хын молча с опущенной головой слушал ее упрек и, извинившись перед ней, тут же направился в Кучжу. Итак, г-жа Ли была одной из тех матерей страны, которые думали больше о судьбе страны, чем о личном благополучии, считали своей гордостью и честью послать своего сына на ратные подвиги.

Когда 400-тысячное иноземное войско во второй раз вторглось в Корё, Ким Сук Хын, будучи начальником войск спецназа в Кучжу, мужественно дрался с противником. Тогда противник, несмотря на большие потери в Хынхвачжине и ряде других районов, временно занял районы до Кэгёна, но он был вынужден отступить под ударом населения Корё. В январе 1011 года произошло последнее крупное сражение за разгром отступающих иноземцев.

12 января начальник войск спецназа Кучжу Ким Сук Хын, возглавив свои оборонительные войска, пустился в погоню за отступающим противником, наголову разгромил 10 тысяч его воинов, затем он вместе с войсками командующего Ян Гю преградил путь неприятелю, пытавшемуся прорваться в обход крепости Кучжу в сторону Рису и Эчжон, но под непрерывным ударом войск Ким Сук Хына неприятель был изгнан, оставив груды трупов. В этом сражении командующие Ким Сук Хын и Ян Гю, смертельно раненные, до последней возможности смело командовали войсками. В этом бою они пали смертью храбрых.

Так Ким Сук Хын, храня в душе патриотические чувства своей матери, отдал свою жизнь на войне против иноземных агрессоров. Феодальное государство Корё посмертно присвоило полководческое звание Ким Сук Хыну, внесшему большой вклад в победоносное завершение второй войны и в разгром иноземных захватчиков, а г-же Ли, его матери, дало в награду 50 сок риса. Король Хёнчжон специально издал указ в адрес г-жи Ли, в котором он не скупился на похвалы.

Таким образом г-жа Ли вместе с Ким Сук Хыном занимает славное место в истории Корё за то, что она воспитывала своего сына в духе пламенного патриотизма и вдохновляла его на ратные подвиги в сражениях против иноземных захватчиков.

13. Девушка-полководец Сольчжукхва

Сольчжукхва ─ воин-патриотка из Корё. Во времена Корё она, переодевшись в мужчину, участвовала в сражениях против иноземных захватчиков, совершила беспримерные ратные подвиги, погибла на поле брани во цвете лет.

Сольчжукхва (цветок бамбука, покрытого снегом) родилась в то время, когда силами государства Корё впервые в истории страны была объединена ее территория и когда объединенными силами соотечественники отражали непрекращающиеся нашествия иноземных захватчиков, защищая свой суверенитет. У Ли Гвана и его жены г-жи Хон родилась Сольчжукхва в четвертом году после бракосочетания.

Красивое личико, большие глаза, приподнятый нос, стройная и гибкая фигура... Ее черты лица и душа, как ее имя, напоминали красивый цветок, стойкий, как зимний бамбук.

Она росла, приучаясь к строгим наставлениям матери о том, как соблюдать правила и нормы этикета, нравственности и манеру держать себя, которых обязаны придерживаться женщины.

Это случилось в октябре 1014 года, когда ей исполнилось 12 лет.

Прилетела скорбная весть: погиб отец смертью храбрых в сражении против захватчиков у крепости Тхончжу.

Неожиданная гибель отца сильно подействовала на Сольчжукхва. Ее охватила тяжелая и острая скорбь. Она твердо решила выйти на поле боя, чтобы отомстить врагу за отца и страну.

Мать, г-жа Хон, сдерживая слезы, поддерживала решимость дочери.

Со следующего дня Сольчжукхва начала по ночам заниматься военными трактатами, чтобы освоить секреты боев и методы их ведения, а днем тренировалась в верховой езде и стрельбе из лука.

Сольчжукхва вместе с дядей по материнской линии, поднявшись на

вершину крутой горы Курам, что к северу от крепости Кучжу, построили там шалаш, чтобы, находясь там, освоить искусство воина и военные трактаты.

Дядя был ратником, за плечами которого подвиги в сражениях против иноземных захватчиков в 1010 и 1014 годах. Сольчжукхва, переодетая мужчиной, усердно тренировалась в верховой езде, гоняя лошадь по обширной равнине, по рекам и взгорьям, приучалась орудовать мечом, копьем и луком, делая деревья своими мишенями. Бывали случаи, когда она падала на землю от недоедания, не имея даже каши из гаоляна, но она снова вставала и обязательно выполняла поставленные перед ней задания.

С тех пор прошло 4 года. Сольчжукхва выросла славной девушкой-воином, подготовленной не только в духовном, но и в физическом отношении. В то время по старой традиции Когурё ежегодно проводились на ракранской равнине Согёна (Пхеньяна) состязания по охоте.

3 марта 1018 года было назначено провести состязания по охоте. Сольчжукхва участвовала в них под мужским именем Мена. Она больше всех поймала фазанов, зайцев, оленей и других зверей и заняла первое место.

В тот же день полководец Кан Гам Чхан, градоначальник Согёна, дал девушке Сольчжукхва на память свою белую лошадь Сольмэ, блестящую кольчугу и шлем с красной лентой.

До тех пор не только Кан Гам Чхан, но и жители Согёна не знали, что Сольчжукхва — девушка. Возвратившись из Согёна, Сольчжукхва поведала матери о том, как она освоила искусство воина и участвовала в состязаниях по охоте, проходившем в Согёне. Радости матери не было предела. Она, передавая дочери кольчугу, подготовленную на скопленные по грошам деньги, и меч, которым пользовался муж, сказала:

– Теперь возьми ты. Не забывай волю твоего отца, ему наше Корё было дороже своей жизни. Беспощадно бей врагов, осмеливающихся вторгнуться в нашу землю.

– Помнить буду, матушка. Буду драться, не щадя жизни, как подобает дочери Корё, и выполню волю отца.

Позже налицо была опасность нашествия иноземных захватчиков. И она снова пошла в лес Курам, чтобы совершенствовать искусство воина.

10 декабря того же года на рассвете вторглось в Корё стотысячное иноземное войско. Противник продвигался в Кэгён.

Под командованием Кан Гам Чхана войска, применяя тактику преследования и обороны, неотступным наступлением загнали врага в тупик.

Каждый раз, когда она слышала весть о победе корёских войск в сражениях у крепости Кучжу, крепла ее решимость показать себя, и она ждала удобного случая.

Оборона Кэгёна была неприступной, и противник понес большие потери, решил удрать через Кучжу, и там разразилось крупное истребительное сражение против обращающихся в бегство врагов. Тогда пришел в Кучжу полководец Кан Гам Чхан командовать этим сражением. Сольчжукхва явилась к нему, предложила разрешить ей участвовать в боях и поставить ее в первые ряды.

Их знакомство состоялось уже на состязаниях по охоте в Согёне, еще тогда он был восхищен ее искусством воина, и теперь еще раз был тронут смелым ее предложением.

Кан Гам Чхан назначил ее начальником правого авангарда. Он, оставив его в своем подчинении, хотел использовать, как меч, в критический момент. Начальником левого авангарда был назначен Сеур, уроженец Пальхэ.

Сольчжукхва заняла свои боевые позиции на холме, откуда была видна, как на ладони, равнина, где сливались реки Курим и Хванхва, над ней развевалось знамя начальника авангарда с изображением синего дракона, ее войска были в полной боевой готовности.

1 февраля. На рассвете начали появляться на равнине Кучжу беспорядочно отступающие иноземные захватчики. Полководец Кан Гам Чхан дал приказ о генеральном наступлении. Над равниной Кучжу гремели удары в тысячи барабанов. Корёские войска одновременно выпускали из луков стрелы, которые сражали многочисленных воинов противника.

Сольчжукхва, непрерывно натягивая тетиву, заметила, что вражеские войска обращаются в бегство. Она вскочила на лошадь, погнала ее во весь опор и отцовским мечом ударила по голове вражеского полководца, и голова его раскололась на две части. С течением времени нарастал накал

боевых действий. Вражеские войска оказались в тупике, как мыши, попавшие в чан. Они предприняли отчаянные усилия. Но им было некуда деваться от ринувшихся лавиной корёских воинов, движимых пламенным патриотическим чувством.

Лишь часть противника, оставшаяся в живых, начала давать тягу, прорвав кольцо окружения. Сольчжукхва верхом на коне Сольмэ как стрела, помчалась в погоню за отступающими вражескими воинами.

Среди беглецов оказался главарь противника, который удирал на вороной лошади с белыми пятнами, на которой ездил ее отец. Несомненно, тот был Елюй, убивший ее отца.

Сольчжукхва, стиснув зубы, гнала лошадь во весь опор. Когда расстояние сократилось между ними, она, прицелившись в него, выпустила стрелу из лука.

Мерзавец, ахнув, упал с лошади.

Сольчжукхва подошла к упавшему, отцовским мечом отрубила ему голову и воскликнула: «О, теперь я отомстила врагу за отца».

Она, любовно приглаживая вороную лошадь по гриве, тихо проговорила: «Батюшка! Я своими руками отрубила голову врага, убившего тебя».

В тот момент трое беглецов противной стороны с копьями в руках подкралось к Сольчжукхва. Заметив их, Сольчжукхва мечом отбивала от себя удары копий, но одно из них вонзилось в грудь ей. В мгновение ее одежда промокла кровью.

Узнав об этом, Кан Гам Чхан и другие воины прибежали к ней, стали звать ее, но ответа не последовало.

Лишь тогда воины, увидев Сольчжукхва, безмолвно лежащую без шлема, с закрытыми глазами, узнали, что Сольчжукхва ─ девушка, переодетая мужчиной.

Сольчжукхва погибла в 16-летнем цветущем возрасте в боях в защиту своей территории.

Рассказ о Сольчжукхва повествует о том, что корёсцы, все от мала до велика, унаследовавшие воинский дух периода Когурё, с высоким патриотическим чувством поднялись как один против иноземных захватчиков, на защиту своих любимых родных краев, когда враги вторглись в их территорию.

14. Танцовщицы Чхоён и Чингён

Чхоён и Чингён были известные женщины ─ профессиональные музыканты и хореографы, которые действовали во второй половине XI в. Они состояли в отделении ритуальной и народной музыки в музыкальной палате, ведавшей придворной художественной самодеятельностью.

В начале – середине X в. Корё осуществило объединение территории страны. Успешно отразив объединенными силами и умом своих соотечественников иноземные нашествия, оно добилось высокого развития своей экономики и культуры и получило в мире широкую известность под названием «Корея».

Быстрое развитие получили и литература и искусство. Танец в сопровождении музыки приобретал изящную и самобытную окраску. В тот период танец в сопровождении музыки привлекал к себе особое внимание в придворных пирах, на праздниках фонарей и в жертвоприношениях и других государственных мероприятиях.

Главными танцовщицами были Чхоён и Чингён.

Замечательное художественное мастерство показывала Чхоён, выполняя главную роль в своих новых музыкальных произведениях и в представлениях.

Чхоён, танцовщица отделения ритуальной и народной музыки в музыкальной палате, создавала музыкально-хореографическую новинку «Тосахэн», в которой она внедряла передаваемые с давних времен музыку и танец в придворную музыку, и в феврале 1073 года впервые представила ее в праздник фонарей. Это музыкально-хореографическое представление исполняла она вместе с 12 танцовщицами.

И «Кучжангибёльги» тоже является музыкально-танцевальным произведением, которое Чхоён и ряд других танцовщиц внедрили в придворную музыку, оно было впервые представлено в день государственного жертвоприношения в ноябре 1073 года и привлекло к себе большое внимание людей. Это представление отличалось особым трюкачеством.

Вместе с этим впервые было представлено и «Пхогуак», в нем выступало более 10 танцовщиц. В центре сцены были устроены ворота, танцовщицы, разбившись на две группы, танцуя с песней, забрасывали мяч в ворота.

Этот танец вошел в один из важнейших номеров в сценическом

искусстве средних веков, отличался увлекательностью и высоким художественным достоинством, его показывали и иностранным посланникам. И здесь главную роль играла Чхоён, она пользовалась особой популярностью.

Чингён вместе с Чхоён проявляла себя в музыкально-танцевальном номере «Ванмодэ». «Ванмодэ» — это был один из тех номеров, который был представлен в праздник фонарей в феврале 1077 года. Он отличался яркостью декорации и выступлением танцовщиц с реквизитами, поражал зрителей своей масштабностью. В одной колонне участвовало 55 танцовщиц. Они, танцуя, изображали четыре буквы: Кунванмансе (Да здравствует Его величество король!) и «Чхонхатхэпхён» (Полное спокойствие в мире). Отсюда его называли и танцем «Четыре буквы». В этом номере, пользовавшемся в те времена широкой популярностью, Чхоён и Чингён выполняли главную роль и являлись душой танца, обеспечивавшей ансамбль при его исполнении.

Весьма высок был уровень искусства музыки и танца в период Корё, за что иностранные посланцы не скупились на похвалы. Но в те времена такие лучшие художественные произведения служили только интересам правящего класса – феодалов.

В те времена танцовщиц не считали за людей, их унижали. Они принадлежали к простолюдинам, но имена таких танцовщиц, как Чхоён и Чингён, остаются в исторических записях. Это говорит о том, что они вносили немалый вклад в развитие литературы и искусства в период Корё.

15. Мать Чон Мон Чжу

В середине XIV в. г-жа Ли вырастила своего сына Чон Мон Чжу известным конфуцианским ученым и убежденным и талантливым политическим деятелем последнего периода Корё.

Родилась она в дворянской семье. С детства она получила благотворное воспитание под влиянием родителей и выросла пристойной и образованной девушкой.

В 1336 г. она вышла замуж за дворянина, знаменитого конфуцианского ученого Чон Ун Гвана в уезде Ёнчхон (провинция

Северный Кёнсан).

Род Чон Ун Гвана издавна слыл родом стойкого характера и чистой совести. Его предок Чон Сып Мён был известной личностью. Он имел высокий чин в период правления Ичжона, 18-го по счету короля Корё. Однажды Чон Сып Мён позволил себе увещать государя не предаваться разврату, за что он был казнен.

Сходство таких обстоятельств и породнило две семьи Ли и Чон Ун Гвана.

В Корё во второй половине периода его существования процветал буддизм, который принес огромный вред общественной жизни, и в последний период Корё преобладало конфуцианство, и семьи его последователей сближались и, объединившись, выступали новыми социальными силами.

Вышедшая замуж в семью г-на Чона, г-жа Ли всегда старалась вести себя пристойно, следуя воле семьи мужа, отличавшейся своим стойким характером и ученостью, и решила воспитывать и детей в том же духе.

И поныне передаются эпизоды из ее жизни, говорящие о том, как она в имени своего сына отражала ее сновидение и пожелания.

В первые дни после рождения сына его звали Мон Раном. В этом есть свой резон. За несколько дней до рождения сына г-же Ли ночью приснился сон: неизвестный красавец-младенец, который весь в нее, держал в руках горшочек с орихидеей.

Проснувшись ото сна, она с мужем стали отгадывать сон. Орхидея – это цветок, хорошо растущий и в глубоких ущельях и лощинах, издавая душистый аромат; она растет в любых местностях, пустив свои крепкие корни глубоко в землю. Они истолковали сон так: если у них родится ребенок, воспитывай его таким крепким, как орхидея.

Через несколько дней у них родился сын. Нарекли его Мон Раном в том смысле, что он тот самый ребенок, которого видела во сне с орхидеей в руках. (Мон — сновидение, а Ран — орхидея).

С первых дней рождения Мон Ран, говорят, отличался неординарностью: на плечах у него было 7 родимых пятен темного цвета, как Большая Медведица.

Когда ему исполнилось 9 лет, мать его днем вдруг вздремнула и видела сон: черный дракон пробирается по стволу груши, что росла в заднем дворе их дома. Воспрянув ото сна, она на авось выбежала в задний

двор, где стоит груша, и видит: сын взобрался на грушевое дерево, сидит и играет. Что за диво! Г-жа Ли рассказала своему мужу о сновидении, предложила переименовать сына: сын не любит в своем имени слова «Ран», такое, мол, бывает у девчонки. И они решили заменить слово «Ран» словом «Рён», означающим «дракона», и ребенка стали звать Мон Рёном.

Прошло несколько лет, и сыну исполнилось 18 лет, родители дали ему новое имя – Мон Чжу. Его родители, будучи не в силах поправить клонившуюся к упадку королевскую династию Корё, перебрались в провинцию, но их не оставляли думы вырастить хотя бы своего сына выдающимся человеком, призванным восстановить страну.

Немало усилий прилагала г-жа Ли к тому, чтобы с малых лет воспитывать своего сына человеком, наделенным прямотой и стойкостью характера. Она с мужем старались научить юного сына грамоте и письменности, рассказывали ему об истории страны, стремились развивать в нем умственные способности и дух патриотизма, дух любви к своему народу и Отечеству.

Постепенно расширялся его умственный кругозор, но г-жа Ли, не удовлетворяясь этим, предъявляла к нему более высокую требовательность, чтобы он побыстрее вырос человеком с незаурядным кругозором и талантом. Школьный учитель не скупился на похвалы по адресу Мон Чжу, что он учится отлично, но мать никогда не собиралась хвалить сына.

С детства Мон Чжу особенно увлекался литературой и сочинением стихов. Однажды мальчику пришлось по просьбе темной соседки написать письмо далеко ушедшему ее мужу.

Эти стихи получили впоследствии широкую известность под названием «Тоски в разлуке». Г-жа Ли, узнав об этом позже, диву давалась, что в небольших стихах содержится столь глубокий смысл, и внутренне она была довольна, но внешне нисколько не выдавала себя, предъявляла к нему более высокую требовательность.

Когда сын познает одно, мать потребовала двух, а когда он познает два, она потребовала трех, четырех, таким образом мать помогала сыну постичь тайны природы. Кропотливый труд матери оправдался: сын вырос обладателем незаурядных знаний и талантов. Г-жа Ли также старалась вырастить из сына пристойного, стойкого человека, готового идти в огонь и в воду ради правды и справедливости. Она никогда не

ленилась обучать сына правилам приличий, чтобы он у себя дома уважал своих родителей, а выйдя из дома, беззаветно служил стране, почтительно относился к старшим поселка, крепко дружил с товарищами, проявляя чувство локтя, оказывая помощь им, когда они оказываются в трудностях или в беде.

И поныне передается эпизод о том, с каким старанием г-жа Ли вкладывала свою душу в воспитание в сыне чувства правдивости и справедливости. Говорят, г-жа Ли сшивала сыну одежду обязательно на подкладке красного цвета. В этом крылся глубокий смысл. Красный цвет означал веление матери: где бы он ни находился, воспламенялся чувством справедливости, стал на защиту справедливости. Благодаря такой высокой требовательности и принципиальному воспитанию матери, Чон Мон Чжу мог приобрести лучшие качества человека, горячо любящего справедливость и правду и готового для этого без колебаний отдать себя. В последний период существования Корё он мог стать верноподданным династии Корё, дипломатом страны, обладающим непревзойденным кругозором и красноречием, что невозможно было бы и представить в отрыве от чуткого внимания и принципиального воспитания его матери г-жи Ли.

В 1356 г. умер его отец Чон Ун Гван. Смерть отца оказала большое влияние на рост и формирование личности Мон Чжу. Сын, отдавшийся до того лишь наукам, отодвинув в сторону книги, как полагалось, три года не снимал с себя траурной одежды, с глубокой скорбью поминал отца. Мон Чжу, убитый горем, рыдая по отцу, говорил маме:

– Зачем мне учиться, и к чему нужна мне карьера в этом мире, когда нет батюшки?

Матери пришлось успокоить сына словами, что моральным долгом сына перед покойным родителем – последовать его прижизненным наставлениям. Она настоятельно уговаривала, чтобы сын еще усерднее занимался и впредь стал выдающимся человеком. И вдобавок еще говорила, что ему предстоит успешно сдать экзамен на чин и тем самым выполнить волю отца. Глубоко запомнил Мон Чжу наставление матери. И в 1358 г. он пошел в столицу Кэгён и успешно сдал экзамен на звание магистра наук конфуцианской коллегии, проводимый в высшем учебном заведении страны Сонгюнгване, а в 1360 г. занял первое место в первом туре экзаменов на государственную должность.

Когда сын стал на стезю чиновнической карьеры, мать дала ему поучительные наставления:

– При жизни твой отец всегда говорил, что важнейшее качество у человека – это соблюдение норм морального долга. Человек живет в чувствах морального долга. Между королем и его верноподданными, между родителями и детьми, между мужем и женой, между учителем и учеником, между приятелями существуют соответствующие нормы и правила морального долга. Человека, не верного своему долгу, вряд ли назовешь человеком в подлинном смысле слова? Выполнять весь сыновний долг перед родителями – это будет почтительностью сына к своим родителям. Но, раз ты стал продвигаться по служебной лестнице, одной только почтительностью к своим родителям нельзя сказать, что ты выполняешь весь свой долг как человека. Ты верноподданный, значит, быть верным государю – это моральный долг государственного чиновника.

– Да, ты права, мать.

После минутного молчания г.-жа Ли продолжила:

– Ныне немало чиновников, которые только на словах твердят о своей лояльности к государю. Запомни, что верность – это не такая вещь, о которой твердят на словах. Будь беззаветно верен к королю и неизменно храни верность Отечеству. Этим ты и дашь мне достойно встретиться с твоим отцом в потустороннем мире. Низко поклонившись перед матерью, Чон Мон Чжу крепко поклялся: «Приму твои наставления как зеркало моей жизни».

В 1361 г. он был назначен в отдел цензуры в секретариате короля, а впоследствии прошел карьеру через ритуальный приказ, должность чиновника 14-го ранга и должность чиновника 5-го ранга в ведомстве конфуцианского просвещения «Сонгюнгван», наконец, выдвинулся на высший пост среди верноподданных.

Когда Чон Мон Чжу выступил на политическую арену, Корё переживало последний период своего существования, непоправимо пошатнулись устои его правления.

Население жило в нужде, умирало с голоду.

Зато феодальная аристократия, чиновники и богачи жили в довольстве, упивались роскошью. Пользуясь шатким положением в стране, влиятельные чиновники, злоупотребляя властью, набивали себе

ненасытную утробу; что ни день прибывали чиновники, которые, пресмыкаясь перед властью, гнались за наживой, изменяли своей лояльности и моральному долгу. Каждый создавал группировку, и шла грызня между группировками, и династия Корё скатывалась в глубокую пучину гибели.

Оказавшись перед лицом надвигающейся ее гибели, г-жа Ли всегда волновалась за судьбу сына. Тем не менее она помогала сыну, чтобы он неизменно хранил чувство морального долга и лояльности к своей династии Корё в этой осложнившейся критической обстановке.

В один прекрасный день г-жа Ли сочинила стихи, чтобы сын считал их зеркалом своей жизни. В стихах звучало ее веление сыну не примыкать к какой-либо политической группировке и быть верным только династии Корё.

Не ходи туда, цапля белая, где грызутся вороны.
Разъяренные, они ненавидят блеск твой белый.
О, боюсь, как бы не погрязнела белизна твоя,
Омытая на голубых волнах.

Всегда запоминая стихи матери, Мон Чжу до конца стоял на своем в борьбе против всего несправедливого, неизменно оставаясь верным своему моральному долгу и убеждениям.

Весть о смерти матери застала его на поле брани, когда после разгрома чжурчжэней в Хвачжу (ныне уезд Кымья провинции Южный Хамгён) шли в разгаре бои за отражение нашествия вражеских войск с востока и запада.

Он отдал последнюю почесть матери, предаваясь воспоминаниям о ней, как она при жизни старалась воспитывать в нем правдивый и стойкий характер, и твердо решил, следуя прижизненным наставлениям матери, всем сердцем поддерживать династию Корё и поправить хаотическое положение в стране.

Справив трехлетние поминки по матери, Чон Мон Чжу, будучи влиятельным сановником страны, принялся за активную деятельность по пресечению произвола высокопоставленных чиновников и крупных землевладельцев, чтобы поддерживать режим правления династии Корё.

Но его старания пошли прахом. Он не в состоянии был предотвратить развал феодального государства Корё из-за группировки Ли Сон Ге, рвавшейся к престолу.

В 1388 г. честолюбивый Ли Сон Ге, стремясь захватить власть, остановил прогрессивный поход наших войск на Ляодун, направленный на восстановление былых земель Когурё, совершил вывод войск с острова Вихва на реке Амнок и захватил всю власть в Корё.

Чон Мон Чжу, занимавший высший для того времени пост (председатель госсовета) и пользовавшийся несомненной популярностью как знаменитый ученый по конфуцианской натурфилософии, до конца стоял на своем, не поддерживал захват Ли Сон Ге престола. Тогда Ли Сон Ге и его группировка строили заговоры физически ликвидировать его. Но Чон Мон Чжу не сдался, считал честью погибнуть ради справедливости.

Однажды его пригласили на пир, устроенный Ли Бан Воном, сыном Ли Сон Ге. Ли Бан Вон первым взял слово. Он продекламировал следующее стихотворение, чтобы узнать, как Чон Мон Чжу реагирует на его стихи.

Пусть ты на какой стороне, на той или другой.
Пусть на сопке Мансу сплетутся стебли пуэрарии.
И мы сплетемся и век проживем с тобой.

В этих стихах дается намек: не лучше ли примириться с ним и, участвуя в образовании новой династии, жить вместе так, как стебли пуэрарии, которые на сопке Мансу растут, переплетшись между собой. Не преминув воспользоваться случаем, Чон Мон Чжу ответил ему также стихами, вспоминая стихи верности, прочитанные когда-то перед ним матерью.

Пусть умру, хоть сто раз умру.
Пусть кости превратятся в прах, не останется и духа,
Но век останусь верен тому, кому оставался в долгу!

Эти стихи позже получили название «Песня чистосердечности». В апреле 1392 г. Чон Мон Чжу был убит на мосту Сончжук убийцей,

посланным кликой Ли Сон Ге. Так он всю жизнь оставался верен моральному долгу и своим убеждениям, о чем постоянно подчеркивала его мать г-жа Ли.

Позднее, когда утвердилась феодальная династия Кореи и стали прочными устои династии, стихи «Верность», оставленные г-жой Ли, и «Песня чистосердечности» Чон Мон Чжу становились «стихами лояльности», «зеркалом верности» для чиновников-феодалов, обязывающими верноподданных быть лояльными только одной династии,феодальной династии Кореи и после истечения времени.

За видными художниками слова и людьми стойкого характера стоят вырастившие их славные матери, подобно этому, за знаменитым конфуцианским ученым, верноподданным конца XIV в. Чон Мон Чжу стояла воспитавшая его мать г-жа Ли.

16. Г-жа Ли помогала мужу достичь высокой цели

В мире немало женщин, которые посвятили себя мужу, чтобы он добился своей цели. Немало таких жен вошло и в страницы нашей истории.

Они с непостижимым, казалось бы, обычному человеку умом, решимостью и силой своего суждения выполняли роль как учительниц. Они, безмолвно предъявляя своим мужьям необходимые требования, давали им силу и мужество, поправляли ошибки в их мыслях, а когда они проявляли нерешительность в действиях, помогали им набираться смелости, преодолевать трудности, чтобы они добились успехов в науках.

Г-жа Ли, жена Ким Ан Гука (1478 — 1543), принадлежала к числу таких славных женщин. Жил в Андоне провинции Кёнсан некий Ли Ю Син со своей дочерью. Как один из старожилов этой местности, он в свое время пребывал в должности начальника местного поселкового присутствия, считался довольно состоятельным и просвещенным человеком. Однажды градоначальник города второго разряда Ким Чхон, приехавший по назначению в город несколько лет тому назад, неожиданно явился в доме начальника местного присутствия г-на Ли, чтобы сосватать дочь у отца.

Ким Чхон, отправляясь из столицы к месту нового назначения, взял с собой одного парня, приходящегося ему родственником. Он и собирался сватать ему дочь г-на Ли. Парня звали Ким Ан Гук, а его прозвище – Мочжэ, означающее «тоскующий по библиотеке». Ли Ю Син долго думал, но никак не укладывалось у него в голове: Почему Ким Ан Гук, мол, сын знатного и в столице дворянского рода, собирается жениться на дочери такого провинциала, как он.

«Может, он сын от наложницы или какой-то прирожденный урод? Мыслимо ли такое сватовство без превратностей его судьбы?»

И он не согласился, ему казалось, что ни того ни сего отберут у него дочь, в ком он не чаял души. И градоначальник Андона вынужден был откровенно объясниться.

Ан Гук не любил учиться грамоте и был выгнан отцом из родного дома. После приезда в Андон Ким Чхон, ведая делами города, из жалости к молодому парню попробовал урывками обучать его грамоте. Шел день-другой, но ничего не получилось. Тогда он понял, почему отец выгнал сына из дома. Скоро пройдет срок службы, и ему пришлось долго ломать голову, не зная, что с ним делать. И тут пришла в голову мысль женить его на дочери местного администратора г-на Ли. Семья его состоятельная, а девушка слыла неординарно умной.

Услышав обо всем, г-н Ли уклонился от ответа, ему неприятно было, что парень не любит учиться грамоте.

Придя домой, отец вызвал к себе дочь и рассказал обо всем, чтобы узнать, как она думает об этом. Дочь, задумавшись, ответила: «Это, отец, не так уж большой изъян, я готова последовать отцовской воле».

И г-н Ли согласился. Итак, дочь Ли Ю Сина по воле судьбы вышла замуж за сына дворянской семьи столицы, изгнанного из дому в захолустье из-за нежелания постичь науку.

Справив свадьбу, Ким Чхону пришлось покинуть Андон. Прощаясь, он просил невесту и ее отца как-нибудь обучать жениха грамоте и не преминул напомнить, что тогда две семьи окажутся на вершине славы. А после отъезда Ким Чхона Ан Гуку пришлось сидеть в четырех стенах, проводил он день и ночь грустный и печальный, не выходя из своей комнаты. И его упитанное лицо скоро вытянулось и приняло болезненный вид.

Однажды поздним вечером г-жа Ли, сочувствуя мужу, обратилась к нему нежным голосом:

– Далеко-то, конечно, не уходи, но выходил бы ты хотя бы на прихожую! Тогда так не похудел бы. Отчего ты решил сидеть в четырех стенах? Больно мне видеть тебя таким исхудалым.

На глаза у г-жи Ли навернулись слезы. И последовал ответ:

– Я окаянный грешник перед своими родителями, имею ли я право смотреть на солнце и луну. А тут еще и ты беспокоишься обо мне. Выходит, я грешен не только перед родителями, но и перед тобой. Какое я жалкое существование!

Г-жа Ли, собравшись силами, стала спрашивать мужа, что с ним случилось. Ан Гук, помолчав немного и тяжело вздыхая, начал рассказывать.

··· Родился он первым сыном в своей семье. С первых дней рождения он выглядел крепким телосложением и красивыми чертами лица. В нем не чаяли души родители. Отец Ким Рён дал ему имя «Ан Гук» с надеждой, чтобы он стал для своей родословной славным потомком, прославляющим своих предков, а для страны – верноподданным, обеспечивающим спокойствие в стране. «Ан» – в переводе означает «спокойствие», а «Гук»－«государство».

Большие надежды возлагал отец на сына. Когда сыну шел восьмой год, отец нанял гувернера, чтобы мальчик постиг тысячи иероглифов. Но, к большому удивлению, сколько ни повторял одну и ту же букву, мальчик ни разу не мог открыть рта. Так несколько дней подряд повторял учитель, но было безуспешно. Наблюдавший за этим, отец не стерпел и прикрикнул:

– Ах, ты, оказывается, благовидный ублюдок!

Он начал его колотить. Все-таки он был свой кровный сын, бросить его на произвол судьбы было нельзя, и отец то упрекал его, то пытался вдолбить ему в голову грамоту. Так прошло целых три месяца, но у мальчугана рот все же оставался запертым словно на засов.

Так прошло еще несколько лет, мальчику исполнилось 15 лет. Когда он был малолетним, отец махнул рукой на него: пусть останется таким, пока он несмышленыш, но и в 15-летнем возрасте он оставался таким, каким он был в детстве. И отец возмутился, что из-за этого уродливого

сына померкнет потомственная слава почетной, благородной родословной, и не позволил сыну даже показаться ему в глаза. А когда он услышал весть о назначении своего двоюродного брата Ким Чхона на пост градоначальника Андона, отец Ан Гука обратился к нему с просьбой оказать ему помощь и напросился, чтобы он забрал с собой негожего парня.

А сыну он сказал угрожающе:

– Отныне ты у меня не сын, и ты не считай меня отцом. Решил я отправить тебя в Андон. Оставлю тебя на произвол судьбы. Не дай бог тебе снова появиться предо мной. Посмеешь вернуться домой, простишься с жизнью. Так и знай.

И Ан Гук покинул свой родной дом, грустный и печальный. Выслушав горькую историю мужа, г-жа Ли не без сочувствия спросила, неужели тебе так не хочется учиться грамоте. В ответ Ан Гук откровенно признался: «Не знаю почему, но слышишь чтение книги, страх нападает на меня, это страшнее, чем слышать, что отравят меня ядом, а когда перед глазами появится хотя бы одна буква, тут же начинает болеть голова, темнеют глаза и ничего не вижу». Мягким тоном успокоив мужа, г-жа Ли легла спать. Мысли ее все углублялись, как тихая ночь.

Г-жа Ли вообще была умная и даровитая. Отцу жалко было зарыть ее талант, и он начал учить ее грамоте. А дочь проявила себя, стоило только напомнить об одном, а она уже знает десять. Несколько лет пройдя, она уже выучила наизусть все тексты из Четверокнижия и Пятикнижия из конфуцианского канона. Обремененная женскими хлопотами, она урывками читала книги, постигла почти все науки. Несколько дней подряд г-жа Ли размышляла только об одном: «Не зря народная мудрость гласит: «Великий талант формируется не в один день. Судя по внешнему облику мужа, его ждет большое будущее. Во что бы то ни стало попробую найти путь к достижению высокой цели».

Однажды вечером, прибравшись после ужина, г-жа Ли уселась лицом к лицу с мужем и спросила:

– Не противно ли тебе слухом слушать рассказы?

– Слушать, думаю, можно сколько угодно.

Сорвался с его языка удовлетворительный ответ. Вдруг ее осенило: если она расскажет ему древние рукописи, чтобы он выучил их наизусть,

то станет возможным постепенно вызывать у мужа интерес к учебе, и он, в конце концов, прочтет письменность.

– Я тебе расскажу об одной истории, а ты обязательно выучишь наизусть и повторишь мне услышанное. Можешь ли ты это сделать?

– Хорошо, попробую.

Рассказывая, г-жа Ли внимательно следила за выражением лица у мужа. Он слушал ее захватывающе. А закончив рассказ, она попросила пересказать его. К удивлению, он пересказал с такой точностью, что не пропустил ни одной фразы.

10 дней продолжалась учеба до глубокой ночи. Оказалось, за эти 10 дней Ан Гук смог выучить целую книгу. Г-жа Ли с неподдельной радостью сказала:

– Наука – это не особая вещь, а все то, что ты выучил за эти дни, – это и есть наука. Наука – это речь, а речь – это наука. Нет здесь никаких трудностей.

Положила г-жа Ли перед мужем книгу с историческими очерками и читала ему букву за буквой, объясняя их значение. Оказалось, не было разницы с услышанным за эти дни. Ан Гук на минутку помолчал, и вдруг, будто он познал что-то большое, его глаза засияли радостью. Он вскрикнул:

– Знал бы раньше, что так легко можно выучиться грамоте, то давно бы постиг науку и не впал бы в грех перед своей батюшкой. А я считал грамоту какой-то недостижимой и струсил. Хоть поздно, но возьмусь за науку.

С удивлением посмотрела г-жа Ли на своего мужа, словно освободившегося от гнетущего кошмара, и попросила учиться у ее отца, хоть со следующего дня.

На следующий день отец услышал у дочери обо всем и не скрывал своей радости, пораженный удивительным ее умом. И отец стал обучать Ан Гука. С тех пор Ан Гук отдавался наукам, занимался без сна и отдыха, не замечая, как проходит время.

Прошло 5 лет. Активная помощь г-жи Ли и ее отца и кропотливый труд Ан Гука не пропали даром. За эти годы Ан Гук стал большим знатоком, он не уступал никому по сочинениям и по каллиграфии – даже и знаменитому ученому из провинции Кёнсан.

К тому времени по всей стране был объявлен экзамен на чин, на подбор большого человека. Считая накопленные дотоле знания мужа вполне достаточными для сдачи экзамена на чин, г-жа Ли предложила мужу сдать экзамен.

Но в ушах Ан Гука все еще звенел грозный наказ отца, что умертвит сына, если он появится снова в столице. Он смерти не боялся, но опасался, как бы он не стал сыном, непочтительным к родителям, идя против их воли.

Г-жа Ли стала убеждать мужа:

– Это ты ошибаешься. Батюшка тебе дал такой наказ из-за того, что ты не хотел постичь науки. А нынче ты постиг их. Если ты займешь первое место на экзамене и станешь крупным чиновником, то это будет уже искуплением своего греха своими заслугами. Тогда и отец не скажет никакого иного слова. Удачно сдашь экзамен и займешь первое место, несомненно, состоится встреча с отцом, иначе вам вечно не ожидать встречи с ним. Так что тихо поедешь в столицу и сдашь экзамен. Когда займешь первое место, пойдешь к отцу, а провалишься, лучше вернись обратно и еще усерднее займешься наукой и снова сдашь экзамен и станешь крупным чиновником, встретишься с отцом.

Согласился Ан Гук, приняв слова жены за правду, и немедленно отправился в столицу сдать экзамен. Наступил день экзамена. Представленные на экзамене вопросы были такие, которые он раньше штудировал. Взяв в руки кисточку, он с маху написал ответы и первым подал их. На этом экзамене первое место занял Ан Гук. Король вызвал к себе его отца Ким Рёна и похвалил его за способность сына. Ким Рён опешил от удивления.

Судя по фамилии и имени, несомненно, это был его первый сын, тот урод, который, по всей вероятности, должен был находиться в Андоне. Отец никак не мог понять, в чем дело. Он поспешно пришел домой и видит: важный и солидный сын радушно встречает и отвешивает ему земной поклон. Как ни обучай его, он не мог был и открыть рта, и считали его «идиотом», выгнали вон из дому, а он вернулся, успешно сдав экзамен на подбор государственного чиновника. Ким Рёна охватило скорее недоумение, чем радость, и сразу он задал вопрос, не игра ли судьбы?

Ан Гук со слезами на глазах подробно рассказывал, как его жена

устным способом побудил в нем интерес к учебе, как объясняла значения букв, как он денно и нощно учился грамоте у Ли Ю Сина и, в конце концов, следуя совету жены, пришел сдать экзамен.

Выслушав его, не только Ким Рён, но и все родные взахлеб хвалили г-жу Ли, говорили, что это невиданное доселе дело.

С тех пор Ким Ан Гук стал подниматься по служебной лестнице, продвинулся на должность чиновника третьего ранга, курирующего составление разных документов государственной важности.

Он был известен как видный художник слова в стране и за ее пределами. При составлении дипломатических документов Ан Гук обычно один находился в тихом кабинете, закрыв дверь, и сосредоточивал свое внимание на документах. И после такого многодневного кропотливого труда он представлял королю проекты документов. А эти документы отличались весомостью, лаконичностью и получали высокую оценку и в Китае.

Имя Ким Ан Гука как талантливого художника слова славилось не только в королевском дворце, но и за рубежом, этим он был обязан своей жене, которая своим широким кругозором и незаурядным умом помогала мужу.

17. Поэт Ким Римбёктан

Ким Римбёктан всю жизнь писала стихи для бедных людей. Ее стихи отличались правдивостью и пользовались широкой популярностью среди людей.

Римбёктан родилась дочерью Ким Су Чхона, находившегося на невысокой должности чиновника 5-го класса в городском ведомстве Исона провинции Кёнсан.

Ее муж Ю Ё Чжу, будучи молодым талантливым ученым, был избран в отделение подбора чиновников (эта система была обнародована в 1518 году для подбора новых чиновников), но масса дворян, состоявших в группировке «сарим», оказалась жертвой «Бедствий гонимых конфуцианских ученых года кимё» в 1519 году, и он, отказавшись сделать карьеру, вернулся в свой родной край Хансан (провинция Чхунчхон). Здесь г-жа Ким вместе со своим мужем жили небогато.

Ким Римбёктан немало времени, свободного от семейных хлопот, уделяла стихотворству. Характерные черты ее поэзии выражались в ее попытках изображать свойственный женщине мир жизни в сочетании с социальной проблемой.

В те времена в южное и западное побережья страны не раз вторгались японские самураи, они убивали людей и грабили их имущество. Был случай, когда ее муж несколько лет не возвращался домой. Он стоял на страже родных границ, чтобы предотвратить непрекращающиеся провокации японских самураев. Прошло три года, но ни слуху ни духу о муже. Ей не давала покоя тоска по мужу и беспокойство за него, и она в один из зимних дней написала стихи «Разлука», думая о муже, который с развевающимися на холодном ветру волосами стоит на страже родных границ.

В этих стихах отражается не только мир любви к мужу, вышедшему на поле боя, но и чувство патриотизма, чувство беспокойства за судьбу страны. «Песня о бедной женщине», можно сказать, является ее типичным произведением. В первом куплете этой песни поется о глубоких душевных страданиях женщины, которая живет в глуши и терпит нужду, не может даже угощать гость, когда к ней приходит. А во втором куплете говорится, что она ткала холст до глубокой ночи, в морозы и стужу, ткала его потом и кровью, но одежду из него шьют для людей особых.

Главная тема произведений, написанных поэтессами феодального периода, обычно ограничивались рамками семейных обстоятельств.

Но г-жа Ким, выйдя за рамки семьи, ставит несчастную судьбу женщины социальной проблемой. Это можно считать прогрессивной стороной ее стихотворчества.

Она всю жизнь писала стихи и готовила сборники стихов, но, к сожалению, сохранились по сей день лишь некоторые из них стихи в «Сборнике стихов об обычаях короля», «Пхэгванчжапки» и др.

Однако несколько этих стихов ясно говорят о том, что она была талантливейшей поэтессой, которая любила простых людей, правдиво отображала страдания и горе бедных людей, подвергавшихся унижениям и оскорблениям. Поэтому художник слова XVI в. О Сук Квон считал г-жу Ким Римбёктан одной из трех известных поэтесс и высоко оценил ее произведения.

18. Мать Ян Са Она

Ян Са Он (псевдоним – Понрэ) был выдающимся каллиграфом и художником слова XVI в.

Ян Са Он вместе с Хан Хо (псевдоним Сокпон) и Ким Чон Хи (псевдоним Чуса) принадлежал к плеяде трех крупных каллиграфов периода феодальной династии Кореи, он написал много стихов. Ян Са Он слыл известным каллиграфом и художником слова не только в свое время, но и в последующие годы. Этим он обязан своей матери, трагически покончившей с собой перед ним, когда он был подростком.

Мать Ян Са Она родилась в семье младшего офицера в уезде Рёнъам провинции Чолла. С детства она отличалась красотой лица и стройностью фигуры, незаурядным умом и дерзостью. Это случилось в один из летних дней, когда ей исполнилось 12 лет.

Уездный наместник возвращался со столицы. Он захотел остановиться в одном из домов простолюдинов за обедом, но была горячая страдная пора, и все вышли на поле на работу и дома опустели. Тогда в одном из домов осталась девочка. Она вышла и сказала: «Заходите, пожалуйста, в мой дом. Позвольте мне приготовить обед и угостить вашу свиту».

По любезному ее приглашению свита зашла в ее дом. Девочка аккуратно убрала комнату и, заменив подстилку новой, обратилась к слуге: «Разрешите мне приготовить обед для господина наместника собственным рисом, и дали бы мне только рис для слуг».

Девочка была такая умная и смекалистая, что наместнику пришлось еще раз внимательно заглянуть ей в глаза. Она ничуть не смутилась, была спокойной, голос ее был чистый и ясный, не найти у нее ни тени деревенской девочки. Вскоре она принесла обед, яства были необыкновенно чистыми и аппетитными. Все за столом не скупились на похвалы.

Наместнику понравилась эта умная и любезная девочка, которая прислуживала его за столом, и он вызвал ее к себе и, коротко осведомившись о ней, вынул из путевого снаряжения по одной штуке синий и красный вееры и, давая их девочке, в шутку сказал:

–На, возьми! Это мой свадебный подарок тебе, надо взять его со всеми почестями.

Тогда девочка вбежала во внутреннюю комнату за красным платком, который хранился в сундуке. Она, развернув его перед наместником, попросила: «Прошу положить вееры на этот платок». Наместник спросил: Это почему? Она со всей серьезностью ответила: «Вы даете мне это как подарок от жениха невесте. Как я возьму его голыми руками?»

Свита наместника еще раз восхитилась ее похвальным поведением. Того наместника уезда звали Ян Хи Су.

Когда девушке исполнилось 15 лет, ее родители собирались выдать ее замуж. Но дочь сказала: «Я уже взяла у наместника уезда Рёнъама брачный подарок, поэтому хоть умру, не выйду замуж за другого». Она до конца стояла на своем. И отцу волей-неволей пришлось пойти к наместнику уезда и рассказать ему о том, что произошло с дочерью.

Как раз к этому времени умерла жена наместника, и он велел со всеми почестями устроить женитьбу на той девушке. Итак, два веера связали судьбу девушки с наместником Ян Хи Су, она стала его второй женой. Наместник знал, что она сдержанная и сообразительная, велел ей поместиться в той комнате, где была его покойная жена, и заведовать домашними делами.

Она любила сыновей и дочерей от первой жены как своих родных, хорошо относилась к слугам, ответственно выполняла свой долг и обязанности как домохозяйки, была в дружбе и согласии с членами семьи и родственниками, и все в семье хвалебно отзывались о ней.

Спустя немного времени у нее родился сын, его звали Ян Са Оном.

Ян Са Он выглядел солидным и внушительным: глаза его светились ярким умом, а когда он вырос, серьезной и веской становилась и манера держать себя. Люди предсказывали, что в будущем он станет большим человеком.

Юный Ян Са Он был очень умным и усердным. Он весь отдавался наукам и каллиграфии, не замечая, когда восходит и заходит солнце.

Чем больше вырастал сын, чем ярче проявлялся его талант, тем больше рождалась тревожная мысль в душе матери. Хоть имей Ян Са Он семи пядей во лбу и вид его внушителен, но он был сын от второй жены.

Горько и тяжело было матери смотреть на быстро растущего сына.

Но беда не приходит одна: умер ее муж.

При мысли о судьбе юного Ян Са Она больно было ей в душе.

«Пусть он незаурядная личность и его ждет большое будущее, но из-за матери не миновать дискриминации как сыну от второй жены, ему суждено всю жизнь прожить в горе и печали. Лучше бы я не родила его, тогда я не хватила бы греха перед сыном, который так любит заниматься наукой».

Третий день после смерти мужа мать Ян Са Она, охваченная горем и печалью, вот что сказала перед сыновьями от первой жены.

– Сегодня здесь собрались все сыновья в трауре, у меня есть одна просьба к вам. Прошу выполнить ее.

– Ты добрая и скромная, уважаемая вторая жена моего отца. Как нам не выполнить вашу просьбу.

Ответил скромно и почтительно первый сын в трауре.

– Сын мой не такой уж глуп, но с древних времен по нашим обычаям дискриминировали детей от второй жены, поэтому я говорю, если он вырастет, куда же ему годиться? Сейчас вы любите его, относитесь к нему без дискриминации, но в будущем, когда я умру, вам придется носить траур по второй матери. Тогда станет ясно: кто от первой, а кто от второй матери. Может ли тогда мой сын ходить на этом свете с поднятой головой?

Если сегодня я, вторая жена, покончу с собой, то вам придется провести похороны вместе, носить один и тот же траур, без различия между сыновьями от первой и второй жен. Поэтому прошу вас последовать моей воле, чтобы и после смерти моей не было обидно мне и под землей.

– Не беспокойтесь об этом. Думаю, найдется в будущем разумный выход из этого, почему же ты решила покончить с собой?

Сыновья стали утешать ее.

– Ваши слова трогают меня, но, думаю, нет иного выхода, кроме самоубийства.

После этих слов мать Ян Сан Она, вынув из-за пазухи кинжал, покончила с собой перед гробом мужа. Насмерть перепуганные бросились к ней спасти ее, но было поздно.

В древности, когда одновременно проводили траур по родителям,

носили траур только по отцу, а по матери не носили.

Мать Ян Са Она сама выбрала путь к самоубийству, желая своему юному сыну светлого будущего.

Самоубийство матери дало сильный толчок маленькому Ян Са Ону.

С тех пор Ян Са Он стал питать чувство гнева и возмущения к дворянскому обществу, где господствовала строгая дискриминация сыновей от законной жены и наложницы. Он глубоко убедился, что только твердая воля к самообладанию и кропотливый труд помогут ему открыть путь к светлому будущему.

В детские годы испытывавший на себе трагическую участь матери, Ян Са Он позже написал следующие стихи и считал их как кредо своей жизни.

Хоть и ни высока горы громада, но она поднебесная.
Поднимаешься без устали, достигнешь ее вершины.
Но человек, не поднимаясь, твердит свое: «Высока вершина!»

Ян Са Он с твердой волей неустанно трудился и стал известным каллиграфом и поэтом того времени.

Он страстно любил красивые горы и реки родной страны и, посещая горы Кымган и другие достопримечательности, повсеместно он оставлял свои известные почерки и золотые стихи.

Из его почерков самый широкоизвестный почерк «Понрэпхунъак. Вонхвадончхон», высеченный на большой скале на подступах к ущельям Манпхоктон на горах Кымган. Понрэпхунъак – другое название гор Кымган, а Вонхвадончхон – другое название Манпхоктон.

Ким Чхан Хоб, известный художник слова конца XVII в. в своей книге «Тоньюги» («Путешествие на Восток») не скупился на похвалы по почерку Ян Са Она «Понрэхпунъак. Вонхвадончхон». Он писал: «Его почерк будто соперничает по величию с силой стихии природы. Он так размашист, что будто выдернут драконом и вылизан львом». Эти восемь букв и поныне сохраняют размашистость и величие почерка и приковывают к себе внимание посетителей гор Кымган.

Ян Сан Он написал много стихов, в том числе «Горы Кымган», в которых с безграничной гордостью воспевал красоту и прелесть мировых

достопримечательностей — гор Кымган.

В 1546 году Ян Са Он сдал экзамен на чин по гражданскому разряду и стал тогда и градоначальником Анбёна.

Единокровные братья оставались верны предсмертному завету матери Ян Са Она, любили ею как родного, не выдавали, что он сын от второй жены. И белый свет ничего не знал, что он от второй жены, и он мог продвигаться по служебной лестнице и пользоваться широкой известностью в стране.

Все матери желают своим сыновьям наилучших успехов в жизни, что является единодушной их мечтой. Мать Ян Са Она тоже желала своему умному сыну, чтобы он стал надежной опорой страны. Но мать вынуждена была прибегнуть к насильственной смерти ради светлого будущего своего сына. И она стала жертвой трагической участи, навязанной женщинам феодальным обществом, где судьба человека была зажата в тиски наложничества и дискриминации «незаконнорожденных» сыновей. Рассказ о ней передается в «Записках Кесо», производит на людей глубокие впечатления.

19. Син Саимдан, известная разносторонними способностями

В истории Кореи имеются не только женщины, выделявшиеся своей почтительностью к родителям, но и деятельницы литературы и искусства, отличавшиеся в поэзии и каллиграфии, имеются также матери, замечательно вырастившие своих детей, и жены, оказывавшие помощь мужьям своей рассудительностью и прозорливостью. Но все они получили широкую известность, обладая лишь одной или двумя способностями.

А Син Саимдан, жившая в XVI в., была выдающейся поэтессой, живописцем и каллиграфом, она была умной и скромной женщиной, глубоко почтительной к родителям и помогавшей своему мужу своей правильной рассудительностью, и замечательной матерью, вырастившей своих детей, разумно воспитывая их. Она пользовалась широкой популярностью как известная художница, как мать крупного ученого Ли И.

Син Саимдан родилась 29 октября 1504 года в Канрыне провинции Канвон. С детства Саимдан была смирная и аккуратная, выделялась врожденным талантом, отличалась в стихотворчестве, каллиграфии и живописи, не говоря уже о шитье, вышивке и кулинарии, являющихся женскими занятиями. В 19 лет Син Саимдан вышла замуж за Ли Вон Су, чиновника 11-го ранга в ведомстве инспекции нравов. Это был не очень высокий чин.

Издревле людей, выделявшихся стихотворством, каллиграфией и живописью, называли знаменитостями трех талантов.

К ним относилась и Син Саимдан. Она особо отличалась в живописи. Еще в семь лет она, взяв за образец художника Ан Гёна, известного при короле Сечжоне, нарисовала родные горы, реки и виноград и поразила людей своим мастерством.

Ее современник О Сук Квон написал обо этом в своей книге «Пхэгванчжапки»: «Г-жа Син Саимдан с детства увлекалась живописью».

Ее картины винограда и гор и рек были настолько очаровательны, что критики ставили ее после Ан Гёна. Можно ли третировать картины за то, что они написаны женщиной. Можно ли пренебречь ими, ссылаясь на то, что живопись – это занятие не для женщины».

За всю свою жизнь Син Саимдан нарисовала сотни картин с изображением пейзажа, рыб и птиц для альбомов, свиток и ширм.

По сей день сохраняются свыше 40 картин, относящихся к шедеврам. Среди них типичными ее картинами являются «Баклажаны», «Виноград», «Дикие утки», «Ёрши», «Дикие гуси», «Журавли», «Белые цапли в лотосовом пруде» и т.п.

Картины Саимдан характерны насыщенностью национальных эмоций и яркой реалистической образностью.

В ее картинах особенно выделяется ее творческая индивидуальность как художницы, отличающейся чувствительностью и любовью к национальным эмоциям и жизни людей.

Канрын, где родилась и росла Саимдан, был чудесным краем с живописными горами и реками, и она старалась перенести красоту родных гор и рек на холсты, изображала в своих картинах окружающие предметы и явления, близкие к жизни, они были насыщены национальной эмоциональностью.

Это было весьма прогрессивным стилем в живописи. В то время немало живописцев склонялись на изображение пейзажа других стран и четырех благородных растений – сливы, орхидеи, хризантемы и бамбука.

Саимдан знала секреты точного изображения предметов с натуры, удачного выбора композиции и расположения и рисования картин тонким почерком и яркой окраской.

Передаются эпизоды о том, какой живостью отличались ее картины. У одного из любителей была ее картина с изображением насекомых. Наступило лето, и он вынес холст в середину двора, чтобы высушить его на солнце. Насекомые на рисунке были точь-в-точь в натуре, и курицы, приняв их за настоящих насекомых, стали клевать, и холст чуть не продырявился.

Передается и другой эпизод. Однажды Син Саимдан была приглашена на свадьбу в знакомый дом. В глаза ее бросилась одна женщина, чем-то озабоченная. Добрая Син Саимдан хотела узнать, почему она так грустна, и помочь ей.

– Отчего вы так грустите? Видать, что-нибудь потеряли?

– Нет, дело не в том, а...

Женщина стеснялась, но рассказала ей, что с ней случилось. Пришла она на свадьбу в чужой юбке, ее взяла у соседки. Но по невниманию она запачкала юбку и стала беспокоиться.

– Не беспокойтесь. Все будет в порядке: достанем новую юбку для нее?

Саимдан взяла кисть и нарисовала на запачканной юбке грозди спелого винограда. Они были сочные и аппетитные, а их стебли такие крепкие и сверкающие как дракон, а зеленые листья, будто покрытые обильными росами. Во всем чувствовалась необычайная живопись, и все ахнули от восторга не только обеспокоенная женщина, но и все другие, собравшиеся вместе с ней.

– На, возьмите и продайте эту юбку на базаре, тогда получите столько денег, которых хватило бы на новую юбку.

Растроганная добротой Саимдан и необыкновенным ее мастерством, та женщина была до слез благодарна, и не знала, что делать. Она продала юбку, выручила денег в несколько раз больше, чем стоила прежняя юбка, и купила на те деньги новую и вернула ее хозяйке.

И люди последующих поколений тоже ценили картины Саимдан, как

сокровища, не скупились на похвалы. Итак, Син Саимдан изображала на холстах в основном цветы, птиц и другие вещи в природе. Она изображала их с такой правдивостью и живой окраской, что вносило определенный вклад в развитие корейской национальной живописи.

Син Саимдан владела и каллиграфическим искусством, за всю свою жизнь она написала много картин, немало занималась и каллиграфией, но до сих пор остаются лишь 6 скорописей и один уставный почерк на китайском иероглифе.

Говорят, в Очжукхоне уезда Канрын, где родилась Саимдан, сохраняется доска, на которой гравирована ее скоропись.

В 1868 году, когда Юн Чжон И был наместником уезда Канрын, он опасался, как бы не исчезло в далеком будущем письмо Саимдан, передававшееся в наследство из поколения в поколение ее потомкам как фамильное сокровище, и велел гравировать его по дереву. Черты ее письма нежны и изящны, свойственны женственности.

Син Саимдан отличалась и в стихотворчестве. В своих стихах она в основном выражала свои сокровенные чувства и тоску по родному краю и родителям.

После того, как Саимдан уехала из Канрына в столицу, где она жила в семье мужа, но не забывала думать о своих родителях и родном крае. В любимом родном крае оставались ее родители, которые не чаяли души в своей дочери. Были и у нее детские годы, когда она в разноцветной детской кофте танцевала и пела перед родителями. Вспоминая далеко ушедшее прошлое, Саимдан написала стихи «Думы о родителях»:

Далеко за громадами гор дом мой родимый.
И тоскую я по нему, вижу его только во сне.
Когда над сопкой Хансончжон взойдет луна,
С вышины Гёнпходэ дует ветер свежий.

И с песчаных берегов разлетаются чайки и слетают снова.
И рыбачья лодка на реке начинает качаться.
Но когда же я съезжу по родной дорожке в Канрын,
Чтобы веселиться под кровлей родителей?

Но, к сожалению, осталось только несколько стихов Саимдан.

Она была очень занята почтительным уходом за свекром и свекровью, за мужем и детьми. Несмотря на это, она создавала образцы каллиграфических почерков, писала немало стихов, и остается ее имя в памяти потомков как талантливейшей деятельницы искусства, как поэтессы. Но это не только благодаря ее врожденному таланту.

Ее привязанность к родному краю и гордость за свое собственное, сочетаясь с неугасимым творческим огоньком, сделали ее «знаменитостью стихотворчества, каллиграфии и живописи». Син Саимдан также была скромной и почтительной женой для мужа, а для детей – замечательной матерью.

В будни она читала много книг, знала много наставлений старых мудрецов. После выхода замуж она, отвечая за семейное хозяйство, не прекращала читать книг, она умела разобрать, что правда, а что неправда в мирских делах, знала цену людям.

Она постоянно трудилась над собой, чтобы обладать способностью справляться со всеми делами мудро и справедливо и стать женщиной высокой нравственности. В ее псевдониме Саимдан отражается ее стремление следовать примеру «Хэим», которую с давних времен считали образцом умной и скромной женщины, носительницы высокой нравственности.

Саимдан, будучи снохой, почтительно относилась к престарелой свекрови г-же Хон и, взяв на себя все бремя забот по небогатому домашнему хозяйству, безропотно обзаводилась им. Ее муж Ли Вон Су был потомком 12-го поколения Ли Дон Су, имевшего высокое воинское звание во времена Корё. Его первое имя было Ран Су, а после женитьбы – Токхён. Он был на три года старше Саимдан. Вон Су рано лишился отца, вырос на попечении у одинокой матери.

Саимдан и ее муж жили дружно, в мире и согласии, она, интересуясь делами мужа, помогала ему во всем. Саимдан постоянно стремилась сблизиться с самыми известными учеными и приличными людьми. Она, стоя на своем, общалась с добрыми людьми, не боялась, что это может навлечь на нее временный вред и беду.

Син Саимдан, будучи замечательной матерью, уделяла неослабное внимание и воспитанию своих детей. У нее было четверо сыновей: Ли

Сон, Ли Бон, Ли И, Ли У и три дочери.

Чтобы вырастить сыновей большими людьми страны, каждый день она давала сыновьям учебные задания и строго следила за их выполнением.

Одухотворенные благотворным влиянием матери, дети усердно занимались наукой, становились известными личностями того времени. Среди них отличался третий сын Ли И (псевдоним – Рюльгок).

С детства Рюльгок увлекался чтением книг. Сидишь за книгой, зачитывался без сна и отдыха. У него была хорошая память, он запоминал все прочитанное. Саимдан больше всего любила Рюльгока и уделяла особое внимание к его будущему. Мать как никто хорошо знала врожденные черты Рюльгока, старалась сделать из него не чиновника, а ученого.

По желаниям матери позже Рюльгок стал крупным философом, выступавшим за дуализм: «ри» и «ги» (высшие духовное и материальное начала в восточной философии). Его имя получило широкую известность в стране и за ее пределами. В течение 30 лет он совмещал несколько должностей чиновника, в том числе должность второго заместителя председателя государственного совета, выделялся как политический деятель.

И в вихре фракционной грызни он не колебался, выдвигал ряд мер по ликвидации всякого рода общественных зол, по укреплению и развитию страны и упрочению ее обороноспособности.

В частности, в 1582 году, за 10 лет до начала Имчжинской отечественной войны, он выдвинул «предложение по подготовке 100-тысячного войска», что вызвало позже большой отклик в королевском дворце.

Младший сын Ли У, унаследовавший каллиграфический почерк матери, тоже был известным каллиграфом того времени, а старшая дочь Ли Мэчхан тоже прославляла свое имя своим благодеянием, знаниями и талантом, какими владела ее мать.

В 1551 году Син Саимдан, талантливая художница и мать известных сыновей и дочерей, умерла на 48-м году жизни в квартале Самчхон города Сеула.

Итак, Син Саимдан оставила за собой самые яркие следы среди женщин средних веков.

20. Хван Чин И – одна из «знаменитостей трех талантов из Сондо (Кэсон)»

В истории Кореи передается имя Хван Чин И, известной кисэн, слывшей среди людей прекрасным цветком. Она приковывала к себе внимание людей красотой своего облика, своим незаурядным поэтическим талантом и своим пленительным голосом.

Хван Чин И (ее псевдоним Мёнвор – светлая луна) родилась дочерью от наложницы у дворянина, магистра наук Хвана, жившего в Кэсоне.

Ее мать Чин Хён Гым отличалась непревзойденной красотой своего облика. Не от того ли, что Чин И похожа на свою мать, она с детства выделялась бесподобной красотой, замечательно пела и танцевала, пользовалась широкой популярностью у людей.

Из-за своей красоты жизненный путь Чин И проходила не гладко.

Однажды, когда ей исполнилось 15 лет, парень соседнего дома украдкой взглянул через забор на ее облик, подобный красоте небесной феи. С первого взгляда он был весь влюблен в нее и стал страдать. Измученный тоской, он слег и умер.

В день похорон, когда гроб с его трупом приблизился к дому Хван Чин И, гроб не двинулся. Носильщики говорили, что это из-за любви парня к ней, не сбывшейся при его жизни. Они вбежали в ее дом, взяли ее кофту и покрыли ею гроб. Лишь тогда, говорили, сдвинулся гроб.

Этот случай мучительно жег душу Хван Чин И. С ее лица слетела светлость и веселость.

Не давали ей покоя мысли: «Я, рожденная на свете женщиной, должна делать добро для других, наоборот, довела соседнего парня до смерти. Как это грешно! Кто знает, сколько еще людей может умереть из-за моей красоты. Как же избежать грехов!»

И Хван Чин И, несмотря на настоятельные уговоры матери, стала кисэн.

Вообще Хван Чин И отличалась художественным даром. И, пройдя немного времени после того, как она стала кисэн, она, сведущая во всех видах музыки, не говоря уже о песнях, танце и комунго, быстро получила широкую известность.

С того времени не сходило с уст людей ее имя. Не было таких мужчин, которые не желали бы хоть разок встретиться с ней.

Хван Чин И, хотя ее имя вошло в список кисэн, но по своей природе была благородной, поэтому в отличие от вульгарных кисэн, не любила роскоши, всегда одевалась просто и скромно, никогда не накрашивалась.

Был случай, когда градоначальник Кэсона устроил пир в честь шестидесятилетнего юбилея своей матери. Собирались не только местные наместники, но и известные кисэн и певцы Кэсона и его окрестностей.

Все кисэн оделись роскошно, накрасились, стараясь каждая представить себя самой известной кисэн. Но только Хван Чин И пришла в обычной простой одежде, не с подкрашенным лицом, а таким, каким оно есть, но ее врожденная красота поразила всех присутствовавших, и взоры все были прикованы к ней.

А когда она пела своим переливчатым голосом, казалось, соловей рассыпается серебристой трелью, напоминала небесную фею, и все пьянели от ее красоты и очаровательности.

Там был престарелый 70-летний музыкант Ом Су. Он, будучи выдающимся каягымистом, был большим знатоком в музыке, в совершенстве знал все до подробностей. Впервые увидев Хван Чин И, он с восхищением отзывался о ней: «В течение 50 лет я служу в музыкальных кругах, впервые вижу такую благородную красавицу, будто спустилась фея с неба! А ее голос еще какой! Прямо восхищаюсь! Нет на свете прекраснее ее голоса».

Поистине Хван Чин И была непревзойденной красавицей, которая своим врожденным даром красоты и благородными личными качествами покорила свое время.

Хван Чин И пела и танцевала перед дворянами и чиновниками, но она была такой высоконравственной, что никто не знал, с какой стороны сблизиться с ней.

Вообще она не собиралась общаться с обычными людьми, а с теми, кто ей не по душе, не встречалась, если даже те обещали ей в дар гору золота.

Но с тех мужчин, которые, солидно держась, склонны церемониться целомудрием нравов и напускают на себя важность, она срывала с них

фиговой листок. Примером тому служит один из эпизодов о том, как т. н. высоконравственный и образованный монах, который, мол, 30 лет занимался самовоспитанием и считал себя «живой Буддой», опозорился, поддавшись ее соблазну и нарушив главную заповедь.

Однажды Хван Чин И, снарядившись в путь, пошла в буддийский храм Чичжок, расположенный под вершиной Чхонрян на сопке Чхонма. Она решилась помериться со старым буддийским монахом, выдававшим себя за «неприступного святого». Чин И постучала в дверь храма, который находился в тихом захолустном уголке. Появился монах.

– Я пришла к вам стать ученицей буддийского духовенства.

Но монах с первого взгляда отказался, вообще ему не положено было сблизиться с женщиной.

Отношение монаха к женщине было таким холодным, что ей не удалось даже перекинуться с ним и парой слов, и пришлось вернуться.

Чин И решила пойти на хитрости. Спустя несколько дней она, переодевшись в белую траурную одежду и выдав себя за молодую вдову, снова появилась во храме Чичжок. Устроившись на ночлег в соседней с монахом комнате, и каждую ночь совершала жертвоприношение Будде, чтя память «покойного мужа».

Хван Чин И собственноручно сочиняла текст заклинаний, читаемый при совершении жертвоприношения, печально и грустно читала его. Ее голос напоминал то песню ангела, то фейное пение, что тронуло и душу каменной статуи Будды.

Так она несколько дней продолжала чтить память «покойного мужа». Вначале монах оставался равнодушен к ее молитве, но прошел день, другой, и он был тронут, не зная почему. Монах, который 30 лет молился с закрытыми глазами, ни мельком не заглядывая на соседа, вдруг открыв глаза, стал пристально следить за ее поведением. Заглянул ей в лицо разок и другой, из ума вон выскочили заповедь и святая совесть, возникла безумная страсть, что наблюдается в бренном мире.

Своей поразительной общительностью и удивительным умением в конце концов Чин И удалось покорить монаха, нарушить буддийскую заповедь.

Только философ Со Гён Док оставался непреклонен, неизменно стоял на позиции мужчины, не шевельнув даже и бровью перед красотой и

соблазном Хван Чин И.

До ушей ее дошел слух о том, что Со Гён Док, отказавшись от чинов, приехал в Кэсон, с головой ушел в науки, что он является единственно высоконравственным и благородным настоящим дворянином, который не поддается разврату.

Чин И проявила к нему особый интерес. До тех пор не было мужчин, которые не покорились бы ее красоте, и она пошла в павильон Соса, где находился наставник Хвадам (псевдоним Со Гён Дока).

– Уважаемый наставник, я пришла к вам послушать ваш высокий совет, как жить в этом смутном мире.

– Проходите, пожалуйста.

Без всякой внушительности, без соблюдения приличий и без растерянности невозмутимо он встретил гостью.

Хвадам вместе с Чин И несколько дней и ночей толковали учения, поменялись стихами друг с другом. Он слушал ее пение, смотрел ее танец, только от души восхищался ею, ценил ее дарование. Тихой ночью, когда трещали только кузнечики, Чин И, устроив ночлег рядом с Хвадамом, пустилась на всякое кокетство и баловство, всеми методами и средствами пыталась соблазнить его. Но Со Гён Док, только улыбаясь, помог ей постелить постель, а затем стал отдавать весь свой ум и энергию на изучение наук. Наконец. Чин И было стыдно, и пораженная его обширными знаниями, благородными личными качествами, твердыми убеждениями, она, низко поклонившись, сказала:

– Вы единственный величайший святой на свете.

Знаете ли вы о знаменитостях трех талантов из Сондо? Одна из них Пакён, другой – Хвадам, третья – Хван Чин И.

Со Гён Док только улыбался, но ответа не последовало. С этого времени Хван Чин И получила более широкую известность как одна из знаменитостей трех талантов из Сондо. Ее имя вошло в историю не только по красоте облика, по пению и танцу.

Она была и поэтессой, обладавшей незаурядным поэтическим даром. Ее стихи отличались оригинальностью, из ряда вон выходящей самобытностью, в то же время тонкостью описания и свободолюбием.

Ее сичжо (трехстишье) в отличие от консервативных дворян – конфуцианских ученых того времени правдиво и ярко отражало чувство

любви к человеку, создавало поэтические образы, выделявшиеся тонкостью изображения психологических настроений человека, их живостью и изящностью.

И ее сичжо отличалось в стихотворчестве XVI в. К сожалению, сохранилось только 6 сичжо, написанных Хван Чин И.

Ой, как длинна и скучна ноябрьская ночь,
Разделила бы ее пополам, сберегла бы ее под одеялом,
Развернула бы ее в день приезда любимого, когда наступит ночь.

Горы зеленые – воля моя, и лазурь вод речных – чувство любимого.
Пусть утекут воды, но не изменятся горы зеленые!
Ревут буйно воды, не от тоски ли по горам зеленым?

В этих двух сичжо находят свое концентрированное выражение сокровенное чувство одинокой женщины, ждущей длинными ночами любимого, и ее верность и любовь, твердая как зеленые горы, которые не изменятся, если даже изменится любовь любимого.

Выйдя из трафарета, она насыщенными лиризмом строками свободно раскрывает внутренний мир человека.

Стихи «Лазурные воды с гор зеленых» тоже являются ее своеобразным произведением, в котором аллегорическими словами правдиво и умело изображаются сложные и тонкие колебания чувства человека. Эти стихи пользовались широкой популярностью среди людей, сочетаясь с одним эпизодом.

В то время в Сеуле жил родственник короля по фамилии Ли. Его звали Пёкесу (его псевдоним – в переводе лазурные воды). Пёкесу по природе своей был очень надменным человеком. Однажды он и его друзья собрались в одно место, скуки ради вели праздную беседу. Тема их разговора невольно переходила на известную кисэн из Сондо Хван Чин И.

Когда речь зашла о ней, все они в один голос говорили, что любой, кем бы он ни был, ахнет, увидев красоту ее лица и незаурядный ум. Но только надменный Пёкесу, горько усмехнувшись, самоуверенно заявил,

что он ни перед какой красавицей и бровью не шевельнет. Он хвастался: «Если я встречу Хван Чин И, тут же одним криком выгоню вон, называя ее легкомысленнейшей женщиной на свете». Тогда некоторые из них советовали Пёкесу: «Неплохо было бы лучше встретиться с Хван Чин И». Он охотно согласился, и Пёкесу верхом на коне смело направился в Кэсон.

Ночное небо усеяно звездами. Взошла над горой полная луна, она светит на дорогу. Без устали журчат горные ручьи.

Но Пёкесу, задрав нос, гонял лошадь. Едва он сделал поворот дороги, как доносился откуда-то звонкий голос женщины:

Лазурные воды с сопки Чхонсан!
Не гордись ты, что мчишься без устали.
Впадешь в синее море, не вернешься обратно.
Над сопкой полная луна, отдохнул бы на привале.

Это была Хван Чин И. Она знала, что Пёкесу приедет в Кэсон, что он, мол, и одним глазком не взглянет на красавицу. Она ждала его на развилке дорог.

Пёкесу, прислушиваясь к песне Чин И, стал отгадывать ее смысл.

«Лазурные воды с сопки Чхонсан» одновременно означают самого Пёкесу, а «полная луна над сопкой» – Хван Чин И.

В стихах она воспевала лишь красоту природы, но в них содержался такой смысл: «Вы, Пёкесу! Не гордитесь тем, что вы отчуждаете от себя красавиц. Если вы упустите этот момент, не случится такой момент, не лучше ли здесь, на этом прекрасном месте, встретиться со мной, я – Хван Чин И».

Пёкесу, тронутый ее оригинальным поэтическим даром, сделал шаг вперед. Перед ним явилась красавица, под лунным светом она безмолвно стояла в белой одежде.

Она была ярче луны, красивее небесной феи. Весь ошеломленный ее красотой, он был не в себе. Не успел он опомниться, а уже он, пораженный ее красотой, упал с лошади.

Хван Чин И, улыбаясь, подшучивала над ним: «Эх, почему вы не отогнали меня, а сами упали с лошади?» Пёкесу горел со стыда, не мог

вымолвить ни слова. Итак, спесь Пёкесу, который хвастался, что никакая красавица не соблазнит его, была сбита ее красотой и удивительным поэтическим даром.

Кроме сичжо, и через стихотворения на ханмуне (на иероглифах): «Водопад Пакён», «Провожая начальника приказа Со», «Серп луны», «Манвольдэ», она показала свой незаурядный поэтический талант.

Хван Чин И как никто другой хранила в душе национальную гордость и беззаветную любовь к красоте родной природы, она бывала на горах Кымган, Чири и других достопримечательностях Кореи.

Хван Чин И особенно любила водопад Пакён, достопримечательность Кэсона. Она хотела громко воспевать на весь мир величественность и внушительность водопада Пакён, с ревом низвергающегося с вершины и гремящего на все долины. И она написала стихотворение «Водопад Пакён»

С ревом низвергается в водоем водный поток,
Струйками поднимается вода из пучины.
Точно высыпается Млечный Путь с неба.
Точно радуга белая стала над водоемом.

Шум потока гремит громом на всю долину.
Капли воды рассыпаются в воздухе на мириады брызг.
Не говори только о красоте гор Люйшань,
Нет краше на свете этого водопада на сопке Чхонма.

Поэтесса так живо описывает водопад, будто он представляется перед глазами, что он шумит под самым ухом. В этом заключается ее поэтическое мастерство.

В ее стихах также громко звучит национальная гордость, что водопад Пакён на сопке Чхонма краше и живописнее всех в мире, чем водопад на горах Люйшань в соседней стране. В этом выражается пламенное патриотическое чувство поэтессы, любящей свой родной край и Родину и дорожащей ими.

И стихи «Серп луны» говорят о поэтическом даровании Хван Чин И. В этих стихах она с женственной скрупулезностью наблюдения и

глубокой эмоциональностью, с поэтической риторикой трогательно воспевает серп луны на небе.

Стихи «Провожая начальника приказа Со» она написала перед разлукой с известным чиновником и художником слова того времени Со Се Яном (Со Янгок) (Янгок – его псевдоним), с которым она делила чувство любви.

Услышав о Хван Чин И в Сеуле, Со Янгок приехал в Сондо сроком на месяц. Накануне отъезда вечером он устроил пышный пир. На высоком балконе гуляла по рукам чашка вино. Журчал ручей, красиво звучала музыка, сливаясь с ароматом от цветов сливы. Но наутро Хван Чин И пришлось расстаться с любимым. И она не могла сдержать себя.

В ту ночь после пира она, написав стихи с выражением своих сокровенных чувств, передала их Со Янгоку. Прочитывая каждую строку стихов, проникнутую горечью от разлуки, Со Янгок остановил свой взор на последних строках.

Завтра утром разлучимся мы друг с другом.
Но неудержимое чувство любви не утихнет, как журчанье ручей.

Прочитав стихи, Со Янгок тоже испытывал чувство горечи от разлуки и, говорят, он провел с ней еще одну ночь.

Таким образом Хван Чин И была талантливейшей поэтессой, она создавала высокие поэтические образы, показывала незаурядное мастерство в создании сичжо и стихов на ханмуне, вносила свою лепту в украшение корейской поэзии своеобразной окраской.

Хван Чин И оставляла свой отпечаток не только как поэтесса, но и как каллиграф. Она очень любила посещать водопад Пакён. У водоема, куда низвергается водопад, имеется плоский валун, на котором можно сесть несколько десятков человек.

Она часто приходила сюда и до безумия любовалась водным потоком, который торжественно низвергался, вздымая белую пену облаков. Действительно чудесной была красота природы.

Как-то раз Хван Чин И явилась здесь с распустившимися лоснистыми густыми волосами. Она, взяв в руки их прядь и омочив ее жидкой тушью, написала на валуне:

Стремительно низвергается водный поток.
Не Млечный путь ли с небес?

Все черты букв, проведенные толстыми и тонкими кривыми линиями, казалось, живые, двигаются сами собой. Эта скоропись, написанная Хван Чин И прядью своих волос вместо кисти, была высечена на камне каменотесом. Этот почерк, напоминающий голову дракона, вьющийся хвост феникса, сохраняется и поныне, красочно гармонируя с величественным зрелищем водопада.

Точная дата смерти Хван Чин И, отличавшейся врожденным даром и красотой, неизвестна, но передается версия о том, что она ушла из жизни примерно в 40 лет. Перед смертью она завещала: «Бесчисленное множество мужчин, влюбленное в меня, было не в себе. Поэтому, когда я умру, не хороните моего трупа в гробе, а бросьте его на песчаное поле за околицей. Пусть объедают меня муравьи и насекомые, чтобы это послужило уроком для всех женщин».

По ее завету люди хотели было выбросить ее труп на песчаное поле, но раздумали и похоронили ее у большака южнее волости Кучжон уезда Чандан, выходит, они выполнили почти на половину ее завещание.

Имя Хван Чин И и после ее смерти надолго оставалось в памяти людей.

В период феодальной династии были, конечно, женщины, получившие широкую известность своей красотой, своими способностями к песне и танцу, поэтическим дарованием, но никто из них не могла достичь тех высот, которыми отличалась Хван Чин И.

Высоконравственные и благородные ее качества, напоминающие лотос, растущий в грязи, сохраняя свою чистоту, и талант, позволявший ей смело написать исключительные стихи, составляющие яркие контрасты косным дворянам-низкопоклонникам, – все это полностью захватило сердца представителей последующих поколений, которые не виделись непосредственно с ней.

В середине периода федальной династии был храбрейший мужчина Рим Че (Пэкхо). Он часто вспоминал о Хван Чин И, сочувствуя ей. Он был назначен губернатором провинции Пхёнъан, проездом он заходил в Сондо. По пути к месту назначения приходилось ему пройти мимо

могилы Хван Чин И. Он, остановив на дороге лошадь, посетил могилу Чин И с бутылкой вина и чаркой.

Перед ее одинокой могилой, покрытой сорными травами, Рим Че налил вино в чарку и почтил память покойной сочиненными им стихами.

В могиле, заросшей зелеными травами, спите вы сном вечным.
Куда же делась красота ваша? Покоится здесь лишь прах!
Кому же поднести чарку? О, тоска моя неизбывная!

Мигом облетела весть и в королевский двор о том, что чиновник-феодал Рим Че налил чарку суль (водка) перед могилой ничем не примечательной кисэн и чтил память покойной стихами. За это чиновники упрекали Рим Че. Они возводили клевету на него: он, мол, по указу Его величества короля, отправляясь к месту нового назначения, посетил первым делом могилу кисэн, это весьма неприличный для дворянина поступок. Дозволено ли достопочтенному дворянину совершить жертвоприношение перед могилой кисэн, это ни в коем случае непростимое поведение и т. д.

В конце концов Рим Че был смещен с должности и вернулся обратно в Сеул. Он родился в дворянской семье на 30 с лишним лет позже, чем Хван Чин И.

Он был в низком чине, но был художником слова, обладал незаурядным литературным дарованием и широким кругозором, его перу принадлежали множество романов и стихов. Он был рыцарем без страха и упрека, отличался простотой и великодушием, презирал отсталый сословный режим, напышенные церемонии и формальные обряды феодального общества.

Именно его стихи, оставленные им перед могилой Хван Чин И, являются живым материалом, передающим подлинную красоту Хван Чин И грядущим поколениям.

Известная кисэн из Сондо Хван Чин И за 40 лет своей жизни оставляла за собой многочисленные эпизоды. Хотя она всю жизнь оставалась кисэн, но она была талантливой женщиной, которая как поэтесса, как каллиграф вносила особый вклад в поэзию Кореи средних веков.

21. Мать Хан Сокпона

Народная мудрость гласит: если постараться, и на камне зацветут цветы, а любовь, если она пламенная, расплавит и железо.

Хан Сокпон (Сокпон – его псевдоним), известный каллиграф XVI в, стал выдающимся каллиграфом Кореи благодаря задушевной искренности и любви матери.

Мать Хан Сокпона вышла замуж в разоренной дворянской семье в Сондо (Кэсон) и жила в бедности. Среди предков со стороны мужа был и уездный наместник, а свекор Хан Гван был чиновником, но когда родился Сокпон, обеднела семья, рано умер и муж, и она пекла и продавала хлебцы, кое-как сводила концы с концами.

Несмотря на это, она помогала сыну с раннего возраста учиться грамоте и искусству письма.

Сокпон с детства очень любил заниматься каллиграфией. Из-за бедности ему трудно было доставать бумагу и тушь, и ему приходилось писать на чем угодно: выходишь на улицу – на земле или на каменном мосту, а в дождливый день он внес в дом глиняный чан и писал на его поверхности.

Мать очень дорожила одаренностью сына и решила помочь ему стать каллиграфом. Она торговала хлебцами, копила грош за грошем, и на вырученные деньги она купила кисточку, тушь и тушечницу для сына и требовала, чтобы он не ленился, ни дня не пропуская, упражнялся в чистописании.

Знания у него все обогащались, и нечему было обучать дома. Тогда она, продав и без того незавидные все домашние пожитки, отдала все деньги 9-летнему сыну, велела ему уйти на 10 лет учиться к родственнику, учителю частной школы, жившему вдалеке. После ухода сына мать трудилась еще усерднее. В ходе этого изо дня в день улучшалось у матери искусство изготовления хлебцев.

Это случилось в один из прекрасных дней, когда сыну исполнялось 16 лет. Была глубокая ночь. Все село погрузилось в глубокий сон, но она резала хлебцы. В этот момент бесшумно открылась дверь, нежданно-негаданно явился к ней долгожданный сын.

– Мама!

Сокпон бросился к объятиям матери, по которой он тосковал и во сне.

– С какими судьбами?..

Радости матери не было предела. С большим удовлетворением глядя на солидного сына, выросшего за эти годы, мать не в силах была сдержать радости, но она не выдала себя и со всей серьезностью спросила:

– Ты же ушел учиться на десять лет, а идет ныне лишь седьмой год.

Сын догадался, о чем мать беспокоится, и с улыбкой ответил:

– Учитель сказал мне: теперь тебе достаточно учиться, и вернись домой, хорошенько помогай матери. И я вернулся на 3 года раньше срока.

– Значит, ты говоришь, достаточно учился?

– Да.

– Если ты действительно отлично учился, посмотрим, кто лучше делает свое дело? Сейчас потушим свет светильника и в темноте я буду печь хлебцы, а ты будешь рисовать иероглифы. А потом посмотрим при свете, кто лучше сделал свое дело.

Мать поставила перед сыном бумагу, кисточку и тушечницу, дождалась до тех пор, пока сын не развел тушь, и задула свет. В темной комнате соревновались мать и сын. Некоторое время послышался шум от ножа, нарезывающего хлебцы, и шелест от кисточки, скользящей по бумаге.

Прошло некоторое время, зажгли свет в комнате. Первым Сокпон посмотрел на деревянное корыто с хлебцами. Все хлебцы были ровные, красивые, одинаковые. И мать в свою очередь внимательно посмотрела на работу сына.

В общем буквы, написанные в темноте, вышли ничего, но они были неровные, некрасивые и неаккуратные.

– За это время намного улучшился твой почерк, но тебе еще далеко. В какую бы темную ночь ни писали, все буквы должны быть ровными. Конечно, дело это не из легких, но постараешься, добьешься своей цели. Любую науку постигнешь, когда ты постараешься всей душой, чтобы она вошла в плоть и кровь, а не кончиками пальцев или языка. Тогда ты добьешься своей цели. Нельзя же сравнивать изучение мужчиной каллиграфии с кухонными хлопотами женщины.

Так мать дала ему строгий упрек. Сокпон, слушая с опущенной

головой упрек матери, решил во что бы то ни стало добиться своей цели. Он тут же встал с места, распростившись с матерью, ушел снова учиться. Сокпон учился еще несколько лет. Труд матери не прошел даром.

Строгая требовательность матери помогала сыну с головой уйти в освоение каллиграфии. В 1567 году он выдержал экзамен на государственную должность. Вскоре он был назначен чиновником ведомства посольских дел.

Хан Сокпон, изучив в совершенстве каллиграфические почерки всех времен и стиль почерков крупных каллиграфов, освоил положительные стороны и создал свой самобытный почерк – «почерк Сокпона».

Он был мастером всех почерков – прошлых, деловых, обычных и скорописных, свободно владел мастерством и виртуозностью в больших и малых буквах. Таким образом он получил широкую известность как выдающийся каллиграф не только в стране, но и в Китае и других странах.

В столице широко распространялся слух о том, что «почерк Хан Сокпона отличается своей глубиной и красотой», и на стенах домов сановников стали вывешивать свитки с его почерком, и на ширмах королевского дворца был его почерк.

Тогдашний король Сончжо, постоянно вывесив почерк Хан Сокпона в своем рабочем кабинете, любовался им по утрам и по вечерам. Он превозносил его талант, написав восемь букв: «чви-ри-гон-гон пхиль-тхаль-чжо-хва» – «между небом и землей мастерство кисти творит чудеса».

Передается ныне и такой эпизод, связанный с широкой известностью почерка Хан Сокпона в мире. Как-то раз он поехал в составе свиты посланника в столицу государства Мин. Тогда королевский канцлер той страны приготовил большую раздвижную дверь, покрытую черным шелком, хотел на ней написать золотым порошком слова и украсить ею комнату. Для этого он велел собрать всех известных каллиграфов страны. Тогда Хан Сокпон тоже был приглашен в дом того канцлера. Поставив посередине раздвижную дверь, канцлер обратился к каллиграфам:

– Кто-нибудь из вас напишет мне здесь слова, щедро награжу его.

Много собралось так называемых известных каллиграфов, но никто из них не осмеливался писать.

При виде раздвижной двери, золотого порошка и кисти, в Хан Сокпоне невольно возник особый интерес к ним, и он подошел к столу, выбрав подходящую кисть, макнул ее в разведенный водой золотой порошок и поднял ее с тушечницы. Но он ошибся, при движении рукой соскочил кончик кисти, рассыпался золотой порошок на раздвижную дверь, и она запачкалась большими и малыми пятнами.

Каллиграфы смотрели на это большими глазами, они боялись, а канцлер бросил на Сокпона сердитый взгляд. Но Хан Сокпон, не спеша, ответил:

– Не беспокойтесь. Я известный корейский каллиграф, напишу буквы.

И он сразу принялся писать кистью на полотне раздвижной двери. Быстро двигался кончик кисти. Казалось, кисть танцевала, а блестящие золотым блеском буквы, как живые, двигались.

Более удивительным было то, что буквы, написанные скорописью, покрывали в своих чертах большие и малые пятна, разбрызганные на раздвижной двери. Не только гости, посмотревшие на это, восхищались, но и хозяин, канцлер, был не в себе от радости, не знал, что делать.

После этого случая Хан Сокпон получил широкую известность не только в Корее, но и в Китае.

Каллиграфы государства Мин в те времена, ознакомившись с почерком Хан Сокпона, высоко оценивали, говорили, что он превышает в мастерстве Ван Хэйчжи, знаменитого каллиграфа в истории Китая. Люди из государства Мин, побывавшие в Корее в годы Имчжинской отечественной войны, возвращаясь на Родину, брали с собой его почерк как сокровище.

Почерки Хан Сокпона передаются ныне в сборниках его почерков: («Сокпонский почерк», «Сокпонская каллиграфия», «Тысяча иероглифов Сокпона») и в надписях на стелах из металла или камней.

Его известным типичным произведением является предисловие к «Чхомёчхорёси», что он написал в 1601 году, когда он был наместником в уезде Капхён. Эта полускоропись, смешанная в некоторой степени со скорописью, является его типичным произведением, написанным в последние годы его жизни. Здесь черты букв жирные и ровные, ведение кистью – свободное, и каждая буква характерна живостью, как будто она движется.

В почерке китайских иероглифов полускоропись исходила из названия движущегося письма. Вышеуказанное предисловие Хан Сокпона можно называть письмом, во всей полноте сохраняющим в нем такие черты его полускорописи.

Действительно таким знаменитым каллиграфом стал Хан Сокпон благодаря его неутомимой энергии и в то же время кропотливому труду матери, которая вела его по верному пути и помогала ему.

Мать Хан Сокпона была неграмотной, но ее горячая искренность и непреклонная воля помогали сыну развивать его лучшие способности и добиться своей цели.

22. Мать Ли Хан Бока

Ли Хан Бок (1556 – 1618) был известной личностью, бывшей в высоких чинах в королевском дворце в течение более чем 40 лет, в период до и после годов Имчжинской отечественной войны. Не только в годы войны, но и в годы, когда в стране сложилось смутное положение из-за фракционных грызней, Ли Хан Бок своим оптимистическим характером, острой сатирой и юмором вразумлял людей, осуждал алчных и развращенных чиновников.

За годы, когда Ли Хан Бок служил феодальным чиновником, с присущим ему широким кругозором логично и остроумно справлялся со всеми делами. На это большое влияние оказывали кропотливое воспитание и труд его матери г-жи Чвэ.

Мать Ли Хан Бока г-жа Чвэ была внучкой по дочерней линии Ли Са Гюна, в свое время в конце XV в. он нес должность начальника приказа личного состава в аттестации.

Дед и бабушка г-жа Хван по материнской линии не чаяли души в умной и толковой внучке.

В детстве Чвэ часто бывала в доме матери. Там же предопределилась ее судьба. В один прекрасный день Ли Са Гюн, отвечавший за экзамен на государственную должность, вернувшись домой, сказал своей жене г-же Хван:

– Я уже более десяти лет работаю экзаменатором, встречал

многочисленных ученых, но не было среди них человека, сочетавшего в себе талант и добродетель, который понравился бы мне. Лишь сегодня я встретил такого замечательного ученого. Но, к сожалению, у нас нет дочери, достигшей брачного возраста. Жаль упустить этого человека.

Жена спросила:

– Как его зовут?

– Его зовут Ли Мон Ряном, он сын магистра наук Ли Ре Сина.

Больше ничего не говорил муж. Жена, сочувственно улыбаясь и взглядывая на сидящую на ее коленях 8-летнюю внучку, сказала:

– Эх, ты была бы в брачном возрасте, не упустили бы такого жениха.

Слушая их разговор, девочка, несмотря на малолетье, запомнила в памяти имя Ли Мон Ряна. Прошли годы. И Чвэ стала взрослой девушкой. Один за другим приходили к ней сваты, но каждый раз она отвечала им отказом. Почему-то Чвэ, казалось, не думает выходить замуж.

Родители стали беспокоиться. Откуда им знать, о чем она думает. К тому времени умер ее дед по материнской линии. И она прибежала в дом матери, связанный с глубокими воспоминаниями о детстве.

Это был дом начальника приказа личного состава, пришли к нему многочисленные чиновники из королевского дворца. Среди них был человек, который пришел с явствами для жертвенного стола. Он читал собственноручно написанный текст при совершении жертвоприношения и привлекал к себе внимание посетителей. Девушка Чвэ хотела осведомиться, кто он. Оказалось, тот и был Ли Мон Ряном, о ком более десяти лет тому назад не скупился на похвалы дед по матери.

Она сразу же стала подглядывать в оконную щель лицо этого мужчины. Он был внушителен, была необыкновенна его внешность, он отличался от других: на нем была траурная одежда.

На всякий случай она тайком послала человека, чтобы узнать, почему он в траурной одежде. Оказалось, что умерла его жена, скоро пройдут дни траура по жене.

Когда Чвэ впервые в детстве услышала о Ли Мон Ряне, она решила выйти замуж за такого человека, как Ли Мон Рян, которого так превозносят взрослые, но тогда она досадовала на свое малолетие, но с тех пор, как она увидела его, с первого взгляда не могла сдержать чувство любви к нему.

Вдобавок к этому он, мол, был внуком по дочерней линии известного в период Корё чиновника, художника слова Ли Че Хёна.

И она открыла бабушке свою душу. Бабушка по матери посмотрела на нее круглыми глазами. Виданное ли это дело? И она послала свату в дом мужчины, чтобы предложить о вступлении в брак. И сторона мужчины не возражала. И Чвэ обзаводилась семьей с Ли Мон Ряном, у них родился Ли Хан Бок.

Мать Ли Хан Бока, обнаружив у сына мужской характер и воинский дух, старалась активно поощрять их. В каком-то году она приготовила для сына новую одежду и обувь. В тот же день мальчик, обрадованный, в новой одежде и обуви вышел на улицу играть с детьми.

Однако мальчик соседнего дома смотрел на него с завистью, видно было, что он впервые видит такую одежду и обувь и хочет иметь их. Хан Бок из сочувствия к нему, не колеблясь, снял с себя и дал одежду своему другу.

Вечером того дня сын вернулся домой без обновок, которые она специально приготовила для него, и с удивлением спросила:

– Сыночек, куда ты дел обнову, а пришел в лохмотьях?

Мать обычно не упрекала его, но он, услышав ее упрек, наоборот, смело ответил:

– Соседний мальчик, увидев мою новую одежду, захотел одеться в нее. Поэтому я, сняв одежду и обувь, дал ему.

От его ответа мать разинула рот от удивления.

Тронутая добротой сына, не оставляющего своего друга в беде, она, наоборот, похвалила его за доброе дело. В тот же день она была рада тому, что обнаружила в нем отличительные черты характера, каких нельзя найти у других мальчиков. С тех пор она внимательно следила за его поступком, тайком лелеяла большую надежду на него.

Как-то раз Хан Бок играл вместе с детьми недалеко от кузницы и вернулся домой с кусками железа, брошенными кузнецом. Но он позже выбросил их на улицу. Заметив это, мать уговорила сына:

– Сейчас эти куски железа незначительны, но в будущем они будут очень полезны для страны. Из этого могут изготовлять шило, а если их будет много, можно производить пули, необходимые для охраны страны. Пусть тот кузнец из-за невнимательности бросает их, но тебе нельзя так

поступать.

Хан Бок, запомнив слова матери, прилежно собирали вблизи от кузницы куски железа. Не прошло и трех лет, он заполнил три больших чана собранными кусками железа. Однажды он, обращаясь к матери, сказал, что тот кузнец, предавшись пьянству и азартным играм, становился жалким человеком. У него нет ни денег для торговли.

– Мама, как ты думаешь, если я возвращу ему эти куски железа?

И без того мать следила за ним, куда он их денет. Узнав его похвальное решение, мать, обрадованная, с удовольствием согласилась. Она велела сходить за кузнецом и дала ему куски железа, хранящиеся в чанах. Тронутый этим, кузнец прекратил пить и с головой ушел в дело, с уважением относился к Хан Боку и его матери.

Позже, когда Ли Хан Боку перевалило за 60 лет, его выслали в Пукчхон, сын кузнеца вызвался идти вместе с ним до места ссылки, охраняя его, а за время жизни Хан Бока в ссылке в Пукчхоне сын кузнеца, устроив ночлег рядом с его домиком, заботился о нем до последней минуты его жизни.

С ростом сына мать уделяла большое внимание обучению его науке.

С детства сын отличался стихотворчеством, и люди не скупились на похвалы, и мать восхищалась растущими способностями сына, убедительно рассказывала ему о законах явлений, природы и вещей. Умный сын понимал все и своим незаурядным стилем сочинял стихи, поражал ими людей.

Это случилось, когда ему исполнилось 8 лет. Мать и ее муж Мон Рян захотели проверить его способность к стихотворчеству. Они дали ему комунго (корейский национальный шестиструнный музыкальный инструмент) и меч, велели сочинить стихи. Он тут же сочинил следующие стихи и удивил своих родителей.

Меч весь светится воинским духом мужчины.
А комунго – правдой вечности вселенной.

Мать не скупилась на похвалы за замечательные стихи, проникнутые острой наблюдательностью и живой выразительностью. Она дала ему книги по истории не только Кореи, но и Китая, советовала еще усерднее

заниматься науками, совершенствовать и способность к стихотворчеству.

Но нагрянула беда на семью Хан Бока. Ушел из жизни отец Ли Мон Рян, на которого возлагали надежду как на небо. И г-же Чвэ пришлось одной взять на себя всю тяжесть домашних дел, воспитывать юного сына. Пройдя немного времени после смерти отца, строго обращавшегося со сыном, Хан Бок стал вести себя по своему усмотрению.

Он был воинственен, хвастался своими силами, ходил гурьбой вместе с уличными хулиганствующими молодчиками, проводил дни, увлекаясь сирым (национальной борьбой) и игрой в мяч. Но среди хулиганов Хан Бок был самым сильным по силе и уму, поэтому он всегда стал старшим среди них и вел их за собой.

Мать возлагала на сына большую надежду, но он ушел в развлечения. И мать вызвала его и дала ему строгий упрек:

– Я вдова, живу без мужа, возлагая надежду только на тебя. Но ты бросил заниматься науками и вместе с хулиганами проводишь дни только в развлечениях. На что мне надеяться от тебя? Мужчина должен быть воинственен и верен чувству долга, что безусловно похвальное дело. Но если такое мужество не будет подкреплено плодотворным воспитанием и высокими способностями, он может одно время прославлять свое имя, как мужчина, но нельзя от него ожидать большое будущее. Если ты будешь продолжать так поступать, могу ли я спокойно сомкнуть глаза после смерти и с каким лицом мне показаться на глаза твоему отцу, прах которого покоится в земле?

Резкий упрек матери вразумил Хан Бока. После этого он бросил привычку беспутничать, стал увлекаться науками.

Когда Хан Бок стал взрослым, он весь был влюблен в молодую кисэн (женщина, прислуживающая мужчинам на пирах). Заметив это, мать дала ему резкий упрек, уговаривая, что человеку, которого ждет большое будущее, не положено так поступать. Она велела ему уйти в буддийский храм, чтобы он целиком отдавал себя наукам. Хан Бок, раскаявшись в своих поступках, разорвал связь с кисэн, перестал сблизиться с ней.

Хан Бок, верный воле матери, воспитывал в себе твердую волю и решительный характер, стал человеком большого сердца, и начатое им дело, приняв его за правду, доводил до конца. Позже такой характер оказывал ему плодотворное влияние на решение важных государственных дел.

Г-жа Чвэ, мать Хан Бока, которая отдавала все силы на воспитание своего сына, чтобы он отличился в науках, обладал решительным характером и большим сердцем, скончалась в 1571 году, когда сыну исполнилось 16 лет. Хан Бок не мог заснуть от глубокой скорби об утрате матери, ведшей его по верному пути.

После трехлетнего траура по матери, Ли Хан Бок, следуя воле матери, пошел в ведомство конфуцианского просвещения, где он усердно занимался науками. Он приобрел широкую известность, стал зятем у командующего войсками Квон Рюра, в 25 лет выдержал экзамен на государственную должность, стал продвигаться по служебной лестнице.

Во время Имчжинской отечественной войны он был назначен начальником военного приказа, решал все трудные внутренние дела страны, умело справлялся и с внешнеполитическими вопросами, касающимися государства Мин, таким образом он играл важную роль в превращении военной ситуации в пользу своей страны.

После войны он был выдвинут на высший чин, на должность председателя государственного совета, ведал политическими делами страны.

Более чем за 40 лет Ли Хан Бок, находясь в чинах, успешно справлялся с делами страны и вошел в историю как известная личность. Все это благодаря неутомимому и правильному воспитанию и беззаветной любви матери г-жи Чвэ.

23. Поэтесса Чон, носительница звания Понвонбу

XVI век был характерен периодом, когда женщины, представительницы различных слоев населения, подвергавшиеся всяким унижениям и оскорблениям в семьях и в обществе, смело выступали на поэтическое поприще, сочиняли и опубликовали своеобразные стихотворения, отражающие свою жизнь, свои чувства и эмоции, благодаря чему поэзия средних веков приобретала глубоко самобытную и богатую окраску.

В то время среди поэтесс была известная поэтесса Хо Рансольхон родом дворян, были и талантливые женщины Хван Чин И и Ли Мэчхан

родом из кисэн, было немало женщин из наложниц в дворянских домах и женщин из домов простолюдинов. Г-жа Чон, носительница звания Понвонбу, была тещей короля, она была поэтессой, автором ряда стихотворений.

Семья г-жи Чон слыла знатной, влиятельной и образованной семьей в королевском дворце. Ее отец Чон Ю Гир из уезда Тонрэ был высоким чиновником, несшим должность первого заседателя государственного совета, и известным поэтом того времени, его перу принадлежало много стихов, отличавшихся сочным и оригинальным стилем, и в свое время он покрыл себя славой.

Г-жа Чон родилась второй дочерью Чон Ю Гира. Семейная обстановка г-жи Чон оказывала немалое влияние на нее. С детства она много видела, слышала и испытывала, что помогало ей с глубоким знанием о стихотворчестве развертывать творческую деятельность.

Нельзя сказать, что она прожила свою жизнь гладко, без превратностей судьбы. Какой бы знатной ни была семья дворянина, но в жизни бывают и слезы, и горе. В своем стихотворении она писала : «Ни одна ночь не проходит без житейских бурь. И я поспешно шла по тропинке со слезами на глазах». Отсюда видно, что жизнь г-жи Чон проходила не без превратностей судьбы.

За всю жизнь она, видать, написала немало стихов, но поныне остается лишь несколько стихов, в том числе стихи «Иду я домой на берегу реки Собинго» и «Во сне». В стихах «Иду я домой на берегу реки Собинго» она сочно описывает картину обильного осеннего пейзажа на берегу реки.

Подошла я к реке следом за чайками.
На высоком берегу кругом шум листопада.
А в садах созрели обильно каштаны и ююбы.
А в реке отучнели крабы пресноводные.
Подняв штору, смотрю на сопку зеленую
И любуюсь луной за столом с бутылью вина,
Когда не дает сна прохлада ночная,
Мокнет одежда от росы хвойной.

Образ главной лирической героини, любующейся луной в доме, стоящем на пригорке с огибающей его рекой, дает испытывать беспредельную привязанность к жизни и высокую гордость за красоту родной природы и богатство местных продуктов.

Поэтесса сосредоточивает свое внимание в характерных предметах, которые могли бы подчеркнуть картину осеннего пейзажа. Яркие образы «каштанов и ююб» и «жирных пресноводных крабов» показывают женственную тонкость наблюдения и высокое поэтическое мастерство г-жи Чон.

В ее стихах хотя и чувствуется, что главное внимание она уделяет описанию грустного осеннего пейзажа, но они отличаются своей прогрессивностью от стихов тех отдельных поэтесс того времени, которые описывали лишь личные дела и хлопоты женщин, их несчастное положение и унылые настроения.

Позже госпожа Рю, дочь г-жи Чон, стала женой короля Кванхэгуна (годы правления – 1609–1623 гг.), 15-го короля феодальной династии Кореи, благодаря чему ее мать Чон была удостоена звания г-жи Понвонбу.

24. Мать Хон Со Бона

Народная мудрость гласит: «Если тебе дороги дети, воспитывай их палками».

Это означает, что если тебе дороги дети, следует предъявлять высокую требовательность к ним, не давая им спуску. Рю, мать Хон Со Бона (1572 – 1645), известна как женщина, которая своей высокой требовательностью и своеобразным методом воспитывала своего сына большим человеком.

Она была дочерью Рю Дана, сестрой Рю Мон Ина, автора известной книги «Оуядам» («Историческая проза»).

Рю была женщиной, обладавшей большими знаниями. По природе она была очень умной, и когда ее младший брат Мон Ин стал учиться грамоте, она, находясь рядом с ним, слушала и выучила все наизусть, без ошибок, как будто она училась прямо у учителя.

Ее отец, дороживший способностями дочери, стал обучать и ее наукам, древней истории и стихотворчеству. Память у нее была необыкновенной, увиденного она никогда не забывала. Она в совершенстве знала древнюю и современную истории, которым она училась у отца. Кроме того, умная, она овладела стихосложением и искусством письма и она стала сведущей в стихотворчестве и каллиграфии.

После того, как г-жа Рю вышла замуж за Хон Чхон Мина, она перестала писать стихи. Поэтому из ее произведений сохраняется только одно стихотворение, воспевающее красоту природы. Оно случайно было найдено у одного из ее потомков.

Захожу в ущелье, точно пробиваюсь сквозь лучи весенние.
Прохожу через мост, точно иду по воде текучей.

Эти отрывки текста дают узнать незаурядность ее поэтического таланта.

Г-жа Рю отличалась и писательской способностью. К несчастью, ее муж Хон Чхон Мин рано оставил свет. После смерти мужа, совершенно убитая горем, она в течение трех лет по утрам и вечерам сама сочиняла и читала тексты для совершения жертвоприношения, посвященные мужу, вкладывая в них всю душу. Все эти тексты, говорят, отличались друг от друга.

Передается и эпизод, говорящий о том, насколько она глубоко знала древнюю историю. Это случилось тогда, когда г-же Рю было под 60 лет. Впервые после вступления на престол Кванхэгун приказал провести экзамен на государственную должность, и со всех концов восьми провинций собрались ученые в столицу.

Вопрос для экзамена был: «Чон Чун назначен экзаменатором». Ученые, взяв кисть, написал о том, каким был Чон Чун и почему его назначили экзаменатором. Все они считали свой ответ удовлетворительным и надеялись, что они удачно сдали экзамен, но большинство из них провалилось. Не только экзаменовавшиеся, но и другие не знали, почему они провалились.

Тогда Рю Се, который г-же Рю доводился племянником, узнав об

этом, тоже сомневался и обратился к г-же Рю. Рю Се ознакомил ее с вопросом для экзамена. В ответ г-жа Рю сказала:

«В древние времена было двое Чон Чунов, один из них был китайский ученый Чон Чун (Чжэн Чжун) из поздней Хани, а другой – чиновник ведомства королевского дворца. Недавний экзаменационный вопрос относится к китайскому ученому Чжэн Чжуну. Экзаменующиеся, видно, ошибочно написали о корейском ученом Чон Чуне».

Племянник обратился к экзаменатору и узнал, что действительно было двое Чон Чунов. Рю Се удивился широкому кругозору г-жи Рю. Эта весть распространялась среди людей как своего рода эпизод о ее эрудиции.

Таким образом, г-жа Рю с детства почти до 60-летнего возраста поражала членов своей семьи и родственников своими необыкновенными способностями и эрудицией.

Г-же Рю был очень дорог свой единственный сын, отпрыск своего мужа. Для воспитания своего сына она не давала ему ни малейшей пощады. Ей был сын так дорог и любим, но когда он допускал проступок, пусть это небольшой, строго обращалась к нему.

Сведущая в истории и стихотворчестве, г-жа Рю сама учила сына, относилась к нему со всей строгостью. По утрам проверяла обученные им знания, находясь за занавеской, чтобы сын не мог следить за выражениыем лица матери.

Однажды кто-то спросил ее: «Почему проверяете за занавеской?» Она ответила: «Когда сын, полностью освоив то, чему я научила его в предыдущий день, свободно отвечает, не заикаясь, то лицо у меня невольно сияет от радости. Если сын заметит это, он может расслабиться».

Хон Со Бон не всегда доставлял матери радость. Порой, бывало, немало случаев, когда, увлекаясь игрой, манкировал наукой. Тогда мать, взяв розгу, стал его бить по икрам. Мать не выражала ни тени жалости и тогда, когда вытекала кровь из его ног. Но она тайком прослезилась.

В день, когда она хлестала сына розгой, она не брала в рот ни глотка воды и с болью в душе думала о проступке сына, считая его своей ошибкой. Таким образом, г-жа Рю не только хлестала сына, но и еще жестче «хлестала» и себя, чем сына.

Г-жа Рю хранила использованные розги, завернув их в шелковый платок. Если Со Бон повторит еще такой проступок, она изготовила новую розгу. Хлестнув ею по икрам, сохранила ее.

Однажды к ней пришел в гости один родственник и спросил, почему она хранит розгу, завернув ее в шелковый платок.

«Сын мой, – сказала Рю, – дорог мне, он призван не только прославить семью Хона, но и стать опорой для страны. Я бью его не потому, что ненавижу, а для того, чтобы не было в нем ни малейших изъянов, мешающих ему стать в будущем большим человеком. Поэтому можно ли пренебречь розгой, помогающей воспитывать своего потомка? Хотя эта розга простая, тонкая ветка дерева, но у нас в семье драгоценная вещь, она дороже, чем золото и серебро».

Родственник был сильно тронут далеко идущим ее замыслом.

И после г-жа Рю часто хлестала розгой, и розг, завернутых в шелковый платок до тех пор, пока сын не поумнел, хватило бы на три или четыре ящиков. Под хлестом матери, говорящим о ее беззаветной любви к сыну, он вырос способным и образованным человеком.

Отого ли, что сын перенимал природные качества матери, он был человеком незаурядного ума и мудрости. В детстве был такой случай. Он вместе со своими ребятами играли на берегу лотосового пруда у дома Хон Сома, председателя государственного совета. Была середина июля, и в пруду расцветали вместе красные и белые лотосы. Со Бон вместе с ребятами сорвали красивые цветы, но когда они вышли из пруда, их заметил хозяин. Он с криком подбежал к берегу пруда, готовый хлестнуть их по икрам. Испуганные дети, бросив цветы, убежали.

Но только Хон Со Бон спокойно стоял с цветами в руках, вежливо поклонился председателю Хон Сому. Поведение мальчика заслуживало похвалы, но Хон Сом хотел узнать, насколько он смел, и с напускной сердитостью на лице угрожающе спросил, давая знать, что он поднимет шум: «За каким чертом ты пришел сюда и так много сорвал чужих цветов?»

– Цветы очень красивы и без ведома сорвал. Прошу прощения, – ответил Со Бон спокойно и вежливо.

– Хорошо. Тогда я дам тебе рифмы, а ты напиши стихи на заданные рифмы. Скажи в них, почему ты сорвал цветы. Если ты напишешь,

можешь возвратиться, а если нет, накажу тебя. Как ты думаешь? – спросил Хон Сом угрожающе.

Но на лице у Со Бона не было ни тени испуга.

– К вашим услугам, напишу стихи на рифмы, которые вы подберете.

Хон Сом подобрал рифму к слову «чху», что означает «осень», вторую рифму к слову «ю» – «играть», третью рифму к слову «со» – «корова» и велел ему сочинить стихи.

Со Бон замигал яркими и умными глазками, а затем импровизировал стихи.

Господин, послушав его импровизированное четверостишие, был не на шутку тронут его способностями и проговорил про себя: «Этот малыш в будущем займет мое место», и разрешил ему возвратиться.

Этот эпизод передавался из уст в уста следующим поколениям как сказ не только о его незаурядности, но и о том, как он, верный строгому совету матери, неустанно занимался и какие усилия он прилагал для совершенствования своих знаний.

В 1598 году Хон Со Бон выдержал экзамен на чин и стал подниматься по служебной лестнице.

После того, как сын женился и стал государственным чиновником, г-жа Рю вежливо обращалась к нему со званием должности чиновника. Этим она хотела, чтобы он скорее почувствовал ответственность чиновника, посвящающего себя государственному делу, чем сын одной семьи, и чтобы и после возвращения домой не забывал о делах официального характера.

Возвратившись домой, Хон Со Бон рассказывал матери обо всем, что происходило с ним в тот день, как это делал он в детские годы, решал все дела по велению матери, и решения его были справедливыми и умными. И люди, старшие по возрасту и высокие по чинам, обращались к нему весьма осторожно.

Однажды собрались люди для обсуждения смысла конфуцианской литературы. Мнения младшего по возрасту Хон Со Бона были правильными, а не субъективными, и все с уважением относились к нему. Он знал все до мелочей, которых другие не знают, указывал на все их источники, и люди спрашивали: «Каким образом вы так хорошо запоминаете?»

Он скромно ответил: «Всем этим обязан матери. В детские годы мать обучала меня, а за те некоторые строки, которые остаются в памяти, надо сказать спасибо матери: выучил я их под кнутом матери».

Все собравшиеся, послушав его, восхищались глубокими знаниями и кропотливым трудом не только Со Бона, но и его матери. Они знали, что не без причины Хон Со Бон говорил: «Мой труд, чем я занимаюсь, – это сила моей матери. За то, что я успешно продвинулся по служебной лестнице, обязан я моей матери, а не моему труду».

Позже Хон Со Бон был продвинут до должности председателя государственного совета. Оправдалось предсказание бывшего председателя госсовета Хон Сома, сделанное в детские годы Хон Со Бона.

Хон Со Бон не покидал дом, где проживала мать при ее жизни, оставался там, одевался и питался скромно. Опасаясь, как бы не проявилось у него хотя бы случайное высокомерие, исходящее из его должности, Хон Со Бон порой, поглаживая розги, которыми мать хлестала его по икрам, вспоминал о ней.

25. Талантливая поэтесса Хо Рансольхон

Хо Рансольхон – известная поэтесса Кореи XVI века.

С появлением поэтесс на поэтическом поприще Кореи в XVI в. оно начало приобретать своеобразный характер. Типичной представительницей тех времен была Хо Рансольхон.

Родилась она в 1563 г. в Канрыне провинции Канвон любимицей дворянской семьи. Ее настоящее имя Чхо Хи, прозвище – Кёнбон, а Рансольхон – ее псевдоним.

Рансольхон росла в семье художника слова.

Отец Хо Об, более 30 лет находившийся в важнейшей должности гражданского чиновника, был учеником знаменитого философа Со Гён Дока. Два старших брата Хо Сон и Хо Бон, младший брат Хо Гюн были так же художниками слова, пользовавшимися знаменитостью в свое время.

Рансольхон научилась грамоте, как говорится, за плечами своих братьев, но уже в семилетнем возрасте она стала сочинять стихи,

соперничая с братьями, поражала людей и своими задатками художника.

Она вместе со своим младшим братом Хо Гюном была в учениках у известного поэта тех времен Ли Дара. Вместе с Чвэ Гён Чханом и Пэк Гван Хуном Ли Дар пользовался широкой известностью как три кита на поэтическом поприще тех времен. Ли Дар родился в дворянской семье, имел семи пядей во лбу, но по той причине, что он сын от наложницы, не мог продвигаться по служебной лестнице, за что он питал недовольство феодальным обществом.

Хо Гюн, сочувствуя несчастной судьбе своего учителя, стал питать недовольство правящими кругами дворянского происхождения, которые пренебрегали талантливыми людьми, зажимая их в тиски сословной системы. Такое недовольство привело его к созданию романа «Сказание о Хон Гиль Тоне», в котором отражается стремление народа к ликвидации системы дискриминации детей от наложниц и протест его против феодального режима.

Рансольхон, будучи женщиной, рожденной и выросшей в дворянской семье, под влиянием своего учителя Ли Дара стала обращать внимание на социальные проблемы и написала немало произведений, выражающих глубокое сочувствие несчастному положению низших слоев населения.

Воспитанная под влиянием учителя и окруженная вниманием отца и братьев, Рансольхон написала стихи с женственно-нежным чувством. В горниле удушливого феодального общества Рансольхон стремилась находить свой душевный покой в чтении книг и стихотворчестве. Все свои душевные переживания она отражала в стихах.

Обладая непревзойденным талантом и высоким идеалом, она во цвете своего поэтического творчества не могла проявлять весь свой талант, весной 1589 г. ушла из жизни в 27-летнем возрасте.

Жизнь ее была короткой, но ее рукописные тексты стихотворений, говорят, составляли такое огромное количество, что едва не наполнило целую комнату.

Однако в предсмертные минуты она сожгла все тексты стихов, которые она написала на протяжении всей своей жизни и в которые вложила она свою душу. Ее трагический поступок был выражением жгучей обиды и протеста против феодальных оков и пут, которые были

навязаны женщинам обществом того времени.

Хо Рансольхон умерла, но ее стихи передаются и поныне, неизменно вызывая вдохновение у людей.

Ее младший брат Хо Гюн в 37-летнем возрасте был назначен чиновником, курирующим прием посланника из Китая Чжоу Чжифана.

Ему приходилось часто встречаться с китайским посланником в ресторане Пёкчже, что был на подступах к столице. Они проводили время, обмениваясь мнениями, сочиняя стихотворения. Во время таких встреч Чжоу Чжифан восхищался творческим талантом Хо Гюна.

За несколько дней до отъезда посланника в свою страну Хо Гюн вместе с ним проводили время, прогуливаясь на берегу прудка. Чжоу, как-то погруженный в раздумье, обратился к Хо Гюну с просьбой:

– Господин Хо, за эти дни мы с вами проводили время, я заметил, что у вас незаурядный поэтический дар. Не возражаете ли, если я попрошу несколько ваших стихотворений на память о нашей с вами встрече?

От его просьбы Хо Гюн на минуту растерялся, но скоро он, взяв себя в руки, вежливо отказался.

Но последовала просьба. Будучи не в силах отказать в его просьбе, Хо Гюн решил передать ему посмертные произведения своей сестры. К большому счастью, сохранилось у него несколько произведений Рансольхон, которые оставались в родительском доме.

Чжоу Чжифан, читая стихи Рансольхон, не переставал восхищаться, называя каждую их строку жемчужиной поэзии. Узнав, что эти произведения принадлежат перу одной несчастной поэтессы, безвременно скончавшейся, не успев реализовать свои мечты, он выразил неподдельное сожаление. Вернувшись в Китай, Чжоу Чжифан издал «Сборник стихотворений Рансольхон» в 1606 г.

В этот сборник вошло более 200 стихотворений, включая восьмистишие и четверостишие на ханмуне, стихи из пятисложных или семисложных строк и стихи в старинном стиле. Так вышел в свет «Сборник стихотворений Рансольхон» и вызвал широкий резонанс в государстве Мин. Позже в 1692 г. этот сборник был переиздан в Тонрэ, а впоследствии перешел в Японию, где и выдержал несколько изданий.

Заслуга Рансольхон как поэтессы перед историей литературы заключается в том, что она, не замкнувшись в круг одной семьи, обращала

свой взор на униженных, бедных и обнищалых людей, в частности, на женщин и бичевала нецелесообразность феодального общества.

Хотя родилась и росла она в дворянской семье, но с малых лет находилась под влиянием своего учителя и братьев, стала внимательно следить за полной противоречий действительностью того времени, за тяжелой жизнью бедных людей и выражала глубокое сочувствие к ним.

Стихи, включенные в «Сборник стихотворений Рансольхон», красноречиво говорят о прогрессивной настроенности автора.

Ужесточалось грабительство дворян, все росло несчастье и страдания народа, что дало сильный толчок Рансольхон к взлету творческой мысли. В частности, трагическое положение девушек из бедных семей заставляло Рансольхон как женщину, как поэтессу взяться за кисть и выразить в стихах нахлынувшие на нее чувства.

Так были написаны ею стихи «Девушка из бедной семьи», состоящие из 4-х строф.

В первой строфе стихотворения осуждается несправедливость феодального строя, при котором девушка хотя и красива собой, мастерица шитья, прядения и тканья, но никто за нее не хочет сватать по той причине, что она родилась в бедной семье.

Во второй строфе Рансольхон показывает положение бедной девушки, которая всю ночь напролет ткет конопляный холст, но не может накинуть на себя ни одного куска холста и вынуждена полностью отдать дворянам-дармоедам.

Третья строфа посвящена горькой участи одинокой девушки, которая в зимнюю ночь одиноко шьет чужой свадебный наряд. А в последней, четвертой строфе поэтесса разоблачила несправедливость общества, выражая душевные переживания родителей, сетующих о несчастной доле своей дочери, которой приходится денно и нощно ткать конопляный холст, безмолвно перенося холод и голод.

Составляя резкий контраст бедных слоев населения – голодных и раздетых с дворянами – влиятельными и богатыми, поэтесса разоблачает несправедливые социальные противоречия. Ее критический пафос по отношению к действительности все резче звучит в стихах «То, что я видел...» (в 3-ей строфе).

В восточном доме велика сила власти,
Играют свадьбу под громкую музыку.
А в северном шалаше из соломенных матов
Живет впроголодь, бедный и раздетый.

Кроме того, Хо Рансольхон оставила после себя и стихи, отражающие муки тяжелой жизни людей, угнанных на трудовую повинность, такие, как «Муки строителей крепости».

Таким образом, Хо Рансольхон в отличие от других поэтесс сочиняла немало стихов, обращая внимание на социальные проблемы, а также писала и слова к песням о тягостном одиночестве женщин в каморках.

В сборнике песен «Когымгагок» («Старые и современные песни») передается сложенная Рансольхон «Кювонга» («Песня о женской доле»).

Эта песня состоит из 50 строк, в них отражается горькая доля женщин, вынужденных оставаться в одиночестве в пустых комнатах из-за социального неравенства, порожденного феодальным обществом.

Который раз цвела и увядала слива за окном?
Зимой ночь холодна, ветер метет снег сухой.
А летом дни длинны, к чему тут еще дождь затяжной?
Благодатная пора, как весна, колыханье цветов и ивушек!
Вот красы природы! Но душа не тянется к ним.
Осенью, уединившись в комнате, слышу,
Как грустно трещат кузнечики.
С вздохом и слезами думаю думу свою.
Увы! Нелегко и покончить с собой!
Как мне быть!
Тяжкие думы не дают покоя!

Прислонившись к периле, гляжу, куда ушел любимый!
Там травы покрыты росой,
Над ними несутся тучи вечерние.
В зелени бамбуковой рощи грустно слышится птичий гомон.
Сколько горестных судеб на свете?
Найдется ли столь жалкая молодость, как моя?

Может, от тоски по любимой слегу. Доживу ли я свой век?

В «Песне о женской доле» выражается критическое отношение к порочным обычаям феодального общества, требующим уважать мужчин и презирать женщин, правдиво описывается безвыходная доля женщин, полная слез и вздоха, сужденных одной оставаться в пустых комнатах.

Рансольхон оказывала немалое влияние на создание песенной поэзии о женской доле, получившей широкое развитие после XVIII в. Она широко распространялась среди женщин.

Стихи Рансольхон выражают сочувствие несчастному положению женщин труда, обнажают пороки социальной действительности, ее стихи проникнуты пессимистическими настроениями из-за превратностей злополучной судьбы самого автора. Стихи ее в свое время по достоинству занимали первое место в стихотворчестве среди поэтесс.

Писатель XVII в. Ким Ман Чжун не скупился на похвалы, указывая, что если Син Саимдан, мать Рюль Гока, являлась светилом в каллиграфии того времени, то Хо Рансольхон – «светилом среди поэтесс, выросших в семейном кругу». А известный писатель Китая Цао Вэньци, прочитав «Ритуальный текст, посвященный церемонии укладки балки под конек крыши павильона Пэгок при храме «Кванхан», написанный Рансольхон, когда ей было 7 лет, восхищался, говоря, что «при чтении этого текста мне чувствуется, что я, обратившись небожителем, поднимаюсь на павильон Пэгок».

Итак, Хо Рансольхон прожила короткую, но превратную жизнь, но ее перу принадлежит немало лучших стихотворений, и тем самым она внесла свой вклад в развитие поэзии XVI в. на ханмуне.

26. Жена «полководца в красной форме»

В историю Кореи вошло имя Квак Чэ У, получившего известность как «полководец в красной форме» в сражениях против иноземных захватчиков.

Квак Чэ У (1552 – 1617), будучи полководцем народного ополчения, совершил большой подвиг в отражении вражеских войск во время

Имчжинской отечественной войны. Этим он обязан своей жене, г-же Ли, она оказывала ему активную помощь.

Рассказ о г-же Ли, ставшей помощницей Квак Чэ У, долгое время передавался и передается из уст в уста среди людей. Ли была второй женой Квак Чэ У. Первая жена по фамилии Чо, к несчастью, умерла в молодом возрасте по болезни. Ли была женщина добросердечная, сведущая в мирских делах.

Выйдя замуж за Квак Чэ У, внука по материнской линии прославленного большой эрудицией ученого Чо Сика и сына Квак Вора, в свое время пребывавшего в должности губернатора провинции Хванхэ, Ли вначале возлагала большую надежду на своего суженого.

Она знала, что муж не простой ученый с узким кругозором, а настоящий мужчина, выдающаяся личность, обладающая рыцарским духом. Но пройдя несколько дней, она стала разочаровываться в муже. Целый день он вместе с приятелями прогуливал гурьбой, воспевал в стихах красоту природы и устраивал выпивку. Г-жа Ли стала беспокоиться, безмолвно задумываясь о его будущем.

К тому времени окружающий мир был очень неспокоен.

Иноземцы за рекой Туман часто поднимали шумиху, и в королевском дворце вынуждены были мобилизовать войска, а в последнее время островные варвары учащали нашествия с юга. Что надо делать, чтобы обратить увлекающегося весельем и попойкой мужа на правильный путь и чтобы заранее подготовиться к обороне страны на случай, когда страна окажется в опасности? После долгих раздумий ее осенила дельная идея. Каждый день г-жа Ли легла спать среди бела дня.

Новобрачная, все время бездельничая, спала дневным сном. И люди стали сплетничать на нее. Их сплетни дошли до ушей Квак Чэ У. Однажды Квак Чэ У, не стерпев, обратился к спящей днем жене с упреками.

– Где это видано, чтобы молодая женщина спала среди бела дня! Что ты хочешь сотворить из нашей семьи?

А г-жа Ли спокойно ответила:

– Ныне все вокруг тревожно и неспокойно. Не одна наша семья под вопросом. Нагрянут иноземцы на нашу страну, чем же будешь охранять ее: письменным столом или столом с вином и закусками?

Квак Чэ У прощупывал сомнительными глазами лицо жены.

Вправду говоря, Квак Чэ У тоже волновался за судьбу страны. Но считал оборону страны делом королевского дворца и не думал серьезно, что ему делать, если наступит такой критический момент, успокаивал свою скуку только пирушкой и декламированием стихов.

Прочитав душу мужа, жена начала подробно рассказывать мужу:

– Ныне ситуация в стране критическая. И ты тоже обязан научиться искусству верховой езды, уметь обращаться с оружием. Нужно еще помочь всем молодым подготовиться к этому. Но ты будь осторожен, если соберешь молодых и станешь обучать их боевому искусству, можешь попасть под подозрение, что ты затеешь заговоры. Так что надо организовать что-то вроде туре (товарищество по взаимной помощи). Тогда можно помогать друг другу в сельскохозяйственных работах, заниматься игрой в единоборство, игрой с мячом, соколиной охотой, закалять себя физически, обучаться боевому искусству...

Слова жены вразумили Квак Чэ У, и он, ударив кулаком по колену, восхищался дельной идеей. И тут он убедился, что его жена – необыкновенная женщина с незаурядным умом.

Следуя словам жены, Квак Чэ У вскоре стал совместными усилиями молодежи заниматься земледелием, вел охоту верхом на коне, организовал среди нее разные виды спортивных игр по воспитанию мужества и боевого искусства. Причем в строгом порядке проводил подготовку, установил дисциплину, ввел четкую систему премирования и наказания. Со всех окрестностей стекалась молодежь к Квак Чэ У.

А г-жа Ли в свою очередь перестала спать в дневное время и, справляясь с домашними делами и земледелием буквально от зари до зари, помогала мужу в подготовке к боевым действиям.

Г-жа Ли посеяла и вырастила в большом количестве тыкву-горлянку. А когда тыквы стали величиной с кувшин, она покрасила их поверхность смолой лакового дерева и поместила в них разнообразных пчел и змеев: получился так называемая «чертова тыква-горлянка».

Однажды г-жа Ли сшила красную военную форму чхоллик (форма для воина. Верхняя похожа на ритуальный верхний мужской халат с длинными рукавами, а нижняя – в виде юбки) и протянула мужу:

– В древних военных кодексах говорится, что в боях не прочь от

применения тактики заманивания. Эта форма на вид кажется смешной, но будет благоприятна для сплочения наших войск и создания паники во вражеском стане.

Квак Чэ У еще раз восхитился остроумием своей жены.

Спустя несколько лет вторглись враги, и вспыхнула Имчжинская отечественная война. Повсюду организовались народные ополчения и мужественно дрались с противником.

Квак Чэ У первым в провинции Кёнсан организовал народное ополчение из тех молодых людей, которые в мирное время вместе вели подготовку. И г-жа Ли в свою очередь вызвалась на помощь мужу с ранее приготовленными «чертовыми тыквами», отразила врагов, напавших на землю Ирён.

Впоследствии Квак Чэ У каждый раз, когда выступал на полях боев, являлся в красной военной форме, любовно сшитой женой, и наносил ощутимый удар врагам, прославляя себя как «полководец в красной форме».

При помощи г-жи Ли, обладающей пламенным чувством любви к Отечеству и незаурядным умом, Квак Чэ У, замкнувшийся было в глухом захолустье, мог полностью проявлять свою способность и качества как военачальника. И его имя передается в истории страны как «полководец в красной форме», как патриот-полководец ополчения, перед которым трепетал противник.

27. Военный чиновник родом из ноби (раба) Рю Гык Рян и его мать Окхо

На страницах истории суровой Имчжинской отечественной войны, отразившей злейших японских агрессоров и кровью защитившей территорию страны, имеется и Рю Гык Рян, который родом из ноби стал военным чиновником и мужественно сражался против врагов.

Рю Гык Рян родился сыном ноби, он вырос замечательным военным чиновником, этим он был обязан его матери Окхо, ему помогали ее кропотливый труд и верное воспитание. Окхо, мать Рю Гык Ряна, была домашней рабыней у Хон Сома (1504 –1585), бывшего председателем

государственного совета.

В феодальном обществе были казенные и частные ноби. Положение частных ноби, как Окхо, было невыразимо трагическим. Частных ноби продавали, как товары, передавали их в наследство вместе с землей и домом, внося в список наследия. И в случае, когда хозяин по своему усмотрению убьет своего ноби, его не привлекали к уголовной ответственности. Действительно, ноби не считали за людей, считали их хуже собак в дворянских домах.

Такое положение рабства наследовали дети от своих родителей, если одна из их сторон родом из ноби.

Окхо, будучи рабыней в доме влиятельного королевского канцлера, по своей оплошности уронила из руки чарку из яшмы, и чарка разбилась вдрезбеги, ее считали в этом доме семейной драгоценностью. Глаза у нее потемнели. Ей казалось, что не миновать смерти или участи урода: переломят ей одну из рук или ног.

Окхо решила: лучше удрать куда-то далеко, чем умереть от тяжких пыток. И тут же убежала из дому. Она изо всех сил бежала и бежала, и только она подбежала к опушке перевала Чо, где, мол, рыщут звери и куда воры переходят, как вдруг появился перед ней большой тигр. Окхо от испуга тут же потеряла сознание, упала навзничь.

Пришло к ней сознание лишь через несколько дней. В те дни магистр наук Рю, уроженец Пэчхона провинции Хванхэ, жил в провинции Чхунчхон, неожиданно умерла его жена.

Похоронив жену, он вернулся домой поздним вечером. Когда он подошел к воротам дома, он заметил: какая-то женщина лежит в обмороке, как будто мертвая, в разорванной в клочья одежде. Странно было ему, и он внимательно следил за ней: разорванная одежда казалась искусанной каким-то хищным зверем, но ее тело оставалось почти невредимым. Одежда была так сильно разорвана, что нельзя было узнать, кто она, из какого рода.

Добрый магистр наук Рю решил во что бы то ни стало спасти человека, велел членам своей семьи провести ее в комнату. Он пригласил врача, чтобы он помог ей. Прошло несколько дней, она чудом выжила.

Окхо была очень благодарна за искреннюю помощь хозяина. Рю велел ей лечиться дома до тех пор, пока она не выздоровела. Окхо было некуда

идти, и пришлось остаться у него.

Добрая Окхо умело справлялась с домашними делами, и она стала второй женой господина Рю. Позже у них родился сын. Он и был Рю Гык Ряном.

Оттого ли, что он был похож на мать, которая возмужала в испытаниях, его телосложение с самого рождения было крепким и крупным. Но вскоре неожиданно умер магистр наук Рю.

После смерти мужа мать Рю Гык Ряна со своим сыном переехала в Сондо (Кэсон). Мать ни слова не вымолвила сыну о том, что она родом из ноби.

Она не желала, чтобы сын повторил ее трагичную рабскую жизнь, и не знала, что случится с ней, если она окажется пойманной прежним хозяином. Мать надеялась на то, что если Гык Рян вырастет, станет замечательным человеком и совершит большие подвиги для страны, тогда он сможет избавиться от положения рабства. Она решила до тех пор промолчать, чтобы ее прошлое было скрыто мраком неизвестности.

Окхо, стиснув зубы, отдавала всю себя своему сыну. В прошлом, когда она была в услужении в доме председателя государственного совета Хона, постоянно видела, как дворяне воспитывают своих детей, поэтому она, как они, решила сначала обучать своего сына правилам поведения и нравственности, а потом, когда он вырастет, – грамоте. Но Окхо была полной невеждой в грамоте и не могла обучать сына.

И Окхо решила быть в услужении у крупного богача, чтобы сын учился вместе с его детьми. Гык Рян усердно занимался, верный воле матери.

Гык Рян днем ходил в гору за дровами и продавал их на базаре. Когда он возвращался домой после занятий, на деньги, вырученные от продажи дров, покупал любимые мамой вещи. Однажды Гык Ряну пришлось пройти мимо дома в трауре. В этом доме люди не знали, что делать: у них не было денег для погребения. Гык Рян оставил им заготовленные дрова и имевшиеся при себе небольшие деньги, как материальную помощь, и вернулся домой, не упомянув хозяину свое имя. После услышав об этом у друга сына, мать обрадовалась и не скупилась на похвалы: «После твоего рождения не было у меня такого радостного случая, как сегодня».

Мать так поощряла положительные качества сына. Гык Рян отличался от других детей необыкновенной физической силой и рыцарским духом. Порой он затевал и драку, но в большинстве своем он дрался за то, чтобы не давать в обиду других. По этому поводу мать сказала:

– Неплохо, конечно, проявлять рыцарский дух, но если будут учащаться драки, они станут привычкой, а характер становится грубым. Тот, кто умеет сохранять терпение, является более стойким человеком.

Упорный труд и правильное воспитание матери оказывали в дальнейшем большое влияние на подготовку в нем боевого характера и способностей как военного чиновника. Мать Рю Гык Ряна была женщиной доброй и честной души.

В Сондо, где жил Гык Рян с матерью, был так называемый «зловещий домик». В семье хозяина этого домика, как ни странно, каждый год умирал человек, разорялось и его хозяйство. Хозяин дома, решив, что чертово место дома, переселился в другое место, и остался только пустой домик.

Окхо и Гык Рян взяли этот домик почти даром. Как говорится в сказке, не причиняя вред другому, живешь честно, без корысти, то и черт не смеет трогать тебя. Так и получилось. После того, как Гык Рян с матерью переселились туда, у них не было никаких зловещих признаков и дурных слухов.

После переселения в этот домик добрых людей – Гык Рян с матерью был и такой случай. Вблизи от их домика не было колодца. И людям приходилось мириться с большими неудобствами, сходить за водой далеко оттуда. Узнав об этом, Гык Рян решил своими силами вырыть колодец. Он выбрал место колодца во дворе своего дома и начал рыть его.

Гык Рян работал без устали, и вдруг слышалось лязганье: лопата ударилась о что-то твердое. И он, остановив работу, внимательно заглянул вниз. В миг он не поверил своим глазам.

Он, несколько раз растирая глаза, смотрел в оба глаза: это был слиток серебра, Гык Рян был ошеломлен, как громом пораженный.

Люди говорили, что до сих пор этот слиток серебра не нашел своего хозяина и бесчинствовал, поэтому умирали жители этого домика, а теперь нашелся хозяин и беда в этом домике исчезла, точно ветром сдуло.

Однако добрая и честная мать Гык Ряна говорила, что этот слиток

серебра чужой, надо искать хозяина, унесла его в местное ведомство. Тронутое ее добротой и честностью, ведомство обратно вернуло ей слиток серебра. Мать бережно хранила его, думая, когда-нибудь пригодится ей этот слиток.

Рю Гык Рян вырос, окруженный такой сердечной искренностью доброй матери, и наконец выдержал экзамен на чин по военному разряду. Обрадованный, он прибежал к матери, сообщил ей об этом. Однако мать нежданно-негаданно горько всхлипывала.

Чем больше мужал сын и выделялся силой и дарованием, тем горше становилась ее душа. Сколько слез она проливала украдкой от других, сетуя о своем происхождении, она не могла сдержать себя: радость и горесть одновременно нахлынули на нее.

Окхо пришлось признаться перед сыном в том, что она родом из ноби, что она убежала из дома председателя госсовета Хона.

Гык Рян, молча слушая о прошлом матери, нисколько не огорчился, наоборот, успокоил ее, и тут же пошел к председателю госсовета Хону и попросил прощения за то, что он родом из ноби выдержал экзамен на чин.

Хон, глубоко тронутый его воинским характером, откровенностью, честностью и дарованием, не спрашивая о прошлом, относился к нему как к дорогому гостю. Скромный и честный Рю Гык Рян повысился в чинах, вырос доблестным военным чиновником.

В 1592 году, во время Имчжинской отечественной войны, Рю Гык Рян, будучи командиром охранных войск, охранял перевал Чук провинции Кёнсан. Хотя он был командиром, но нисколько не позволял себе самоуправство, делил горе и радость с воинами. Во время сооружения крепости и он нес на спине большой камень. Когда создавались трудности с провиантом для армии, он брал ложку последним, когда все воины кончили еду.

Как раз в это время очень нужен был тот слиток серебра, который был найден в далеком прошлом, когда он рыл колодец. Когда вспыхнула война, приходилось расстаться с матерью, она вложила в дорожные принадлежности слиток серебра, мол, он обязательно пригодится в войне.

Гык Ряну поневоле приходилось взять его с собой, ему было тяжело и неприятно носить его, к тому же он опасался, как бы не возникла из-за него жажда вещей, поэтому он хотел было незаметно бросить его в

колодец, но он не имел права идти против воли матери и хранил его при себе. Этот слиток серебра очень пригодился для восполнения недостатков армейского провианта в сражении на перевале Чук. И все больше сжимала его душу тоска по матери.

В мае того же года японские самураи, заняв Сеул, продвигались к северу. Рю Гык Рян в качестве заместителя командующего участвовал в оборонительном бою у реки Римчжин.

В середине того же месяца враги хотя и достигли южного берега реки Римчжин, но не могли переправиться через реку, остановилось их продвижение на 8 – 9 дней под натиском корейских войск.

Однажды враги делали вид, что они отступают, чтобы заманить наши войска. Обманутый этим, командующий обороны Синхар приказал Рю Гык Ряну форсировать реку, чтобы преследовать врагов.

Рю Гык Рян, сведущий в военной тактике, предугадал, что это вражеская тактика заманивания, и не раз уговаривал: если мы твердо стоим за наши позиции, то противник не посмеет напасть на нас и уйдет оттуда, поэтому прошу отменить чреватый опасностью приказ. Но Синхар стоял на своем, недооценивая противника, потребовал от него безоговорочно выполнить приказ. То же мнение разделял и военный инспектор провинции Хан Ун Ин.

Рю Гык Рян не имел права отказываться от приказа вышестоящего начальника и, полностью вооружившись, форсировал реку.

Получилось все так, как было предугадано: наши войска попали в засаду противника, большинство их либо погибло, либо ранено. А Рю Гык Рян, который, возглавив войска, перешел в наступление, погиб смертью храбрых.

Рю Гык Рян мужественно дрался до последней возможности, сдержал в течение 15 дней наступление противника на рубеже реки Римчжин, тем самым он играл большую роль в выигрыше времени для подготовки корейских воинов к противостоянию противнику.

Последние минуты жизни Рю Гык Ряна вызвали глубокую скорбь у многочисленных воинов и населения и дали серьезный урок прогнившим и бездарным феодальным правителям. Феодальный королевский дворец издал указ посмертно присвоить ему чин заместителя начальника военного приказа. Потомки, выражая глубокую скорбь об утрате

одаренного и непоколебимого Рю Гык Ряна, совершили жертвоприношение в храме Сунчжор в Кэсоне и воздвигли надгробный памятник на том месте холмика, где он жил вместе с матерью.

28. Ли Мэчхан

Ли Мэчхан, уроженка Пуана провинции Чолла, была поэтессой, музыкантшей, получившей широкую известность на поэтическом поприще при феодальной династии Кореи вместе с Хван Чин И из Кэсона и Пуён из Сончхона.

Рано лишилась она родителей и проводила свои детские годы в доме дяди Ли Тхана, сельского канцеляриста. Она была красива собой, по природе своей хорошо пела, особенно замечательно играла на комунго. Она находилась на иждивении у дяди, но усердно занималась наукой и научилась сочинять и стихи.

У нее было особенно много псевдонимов. Ее настоящее имя – Хян Гым, которое дали ей родители. Когда она была кисэн, ее звали «Чхонхян»: «Чхон» – небо, «хян» – аромат. Больше всего ее звали «Мэчхан». «Мэчхан» означает цветок сливы у окна.

Она очень любила цветы сливы, они начинают цветать ранней вьюжной весной, как бы демонстрируя свою морозостойкость. И она много писала и выпускала стихов под именем Ли Мэчхан.

Ли Мэчхан, хотя она была кисэн, но дорожила своей честью больше, чем своей жизнью. Она знала, как себя охранять, и тем, кто ее презирали, не давала пощады. Ли Мэчхан была в свое время широко известной кисэн: она не только замечательно играла на комунго, хорошо писала стихи, но и считала свою честь единственной ценностью. Она любила декламировать стихи. За всю свою жизнь она написала несколько сотен стихов и получила широкую известность среди знаменитых художников слова.

Ли Мэчхан искренне верила, почитала Рю Хи Гёна (1545 – 1637) и обменивалась с ним стихами. Хотя по возрасту он был старше почти на 30 лет, но их отношения были исключительно близкими. Рю Хи Гён обладал поэтической одаренностью, был негодующим против несправедливости,

отличался прямотой. Поэтому он пользовался авторитетом среди людей. Но он был сыном от наложницы и не мог выдвигаться, проводил дни в унынии и грусти. В те времена люди очень любили стихи, которые вызывали у них благородные чувства и эмоции.

Мэчхан считала Рю Хи Гёна, находившегося в сходном с ней положении, родителем, учителем, самым близким человеком, вверяла ему целиком себя.

В один из весенних дней Рю Хи Гён был вынужден уехать в Сеул. С ним Мэчхан рассталась со слезами на глазах, взяв его за руки. В одном из осенних дней того же года она написала стихи, тоскуя по нему.

Когда цветы сливы разлетались, мы с тобой со слезами расстались.
Уже настала пора листопада, думаешь ли и ты обо мне?
Только где-то далеко витает мой одинокий сон.

Не только в этих стихах, но и в стихах «Любимый мой», «Тоскуя по любимому» Ли Мэчхан, оглядываясь на свое прошлое, вспоминала о любимом человеке.

Клялись мы твердо не забывать друг друга.
Любовь наша глубже морей была.
Но ни слуху ни духу о любимом,
И в ночь одиноко тоскую по нему.

Эти стихи своеобразные, в которых правдиво выражается тоска по любимому на основе своих собственных переживаний. И известный художник слова Хо Гюн, один раз встретившись с Ли Мэчхан из Пуана, не мог забывать ее, и он долго вспоминал о ней. Хо Гюн, выдержав испытание в 1594 году, одно время был управляющим грузовыми судами для перевозки зерна.

Тогда Ли Мэчхан перед ним играла на комунго, пела песни, сочиняла стихи и декламировала их. Ознакомившись с ней, Хо Гюн убедился, что Ли Мэчхан отличается от обывательских кисэн, что она не грубая и не легкомысленная, причем незаурядная, и он вместе с ней целый день, выпивая, сочиняли стихи, спрашивали и отвечали ими. Хо

Гюн дружил с ней ненадолго, но она производила на него неизгладимые впечатления.

После возвращения в Сеул Хо Гюн написал ей письмо, в котором он осведомился о ее здоровье. А когда она умерла, сожалел о ее поэтическом даровании и с глубокой скорбью написал траурные стихи. Его письмо и траурные стихи передаются в записках «Сонсобубуго».

Итак, Ли Мэчхан своим незаурядным поэтическим даром производила глубокие впечатления на известных в то время поэтов Рю Хи Гёна, Хо Гюна; ее имя и эпизоды из ее жизни вошли и в их сборники.

Жизнь Ли Мэчхан как кисэн была несчастной. Она никогда не испытывала на себе теплой родительской любви, жизнь ее проходила в водовороте житейских невзгод, не было для нее теплого уголка, где бы она могла найти душевный покой и уют.

Поэтому Ли Мэчхан в своем стихотворении «Вздох сожаления» писала, что она, больная, уже сорок лет прожила в одиночке в четырех стенах, будучи голодной и раздетой, и ни дня не проходило без горя и плача.

В стихотворении «Кольцо» она, бичуя, обличала несправедливую действительность через свою горькую участь, от которой за одну ночь поседели волосы, и через кольцо, которое неплотно прилегало к пальцу от исхудания, как тоскливая душа, высохшая от переживаний.

Эта бедная женщина умерла в 1610 году на 38-м году жизни. Ее смерть наводила на жителей Пуана глубокую скорбь. Она была столь же незаурядной женщиной-красавицей. И в 1635 году, через 25 лет после ее смерти, жители Пуана воздвигли надгробный камень у ее могилы, на котором была надпись о ее жизненном пути. И монах храма Кэам Побун, сожалея, что исчезали ее стихи одни за другими, в 1668 году собрал 58 ее стихов, передававшихся в те времена, и выпустил «Сборник стихов Мэчхан».

«Пупхунское общество поэтов», организованное в районе Пуам в 1845 году, обновило надгробный камень, поставленный у ее могилы.

И будучи поэтессой и музыкантшей, Ли Мэчхан хотя и прожила всю свою жизнь в страданиях и несчастье, оставила в памяти художников слова и в памяти жителей Пуана неизгладимые отпечатки вместе с любимыми ею стихами, песнями и комунго и др.

29. Ке Воль Хян

Ке Воль Хян – известная, патриотически настроенная пхеньянская кисэн, отдавшая свою цветущую молодость борьбе против захватчиков в годы Имчжинской отечественной войны. Она по происхождению была из низшего сословия «подлого люда», принадлежала пхеньянскому ведомству.

Во второй половине июня 1592 года пхеньянская крепость была занята японскими самураями. Ке Воль Хян не успела укрыться в убежище и осталась в крепости. Враги, захватившие крепость Пхеньяна, стали разрушать и сжигать все, что было в Пхеньяне.

Варварские злодеяния противника вызвали у людей крепости Пхеньяна дух сопротивления и твердую решимость воздать ему сторицею.

И Ке Воль Хян не могла равнодушно взирать на страдания Пхеньяна, оказавшегося под пятой врага. Она твердо решила отдать всю себя борьбе за то, чтобы изгнать врагов из крепости Пхеньяна и спасти страну и нацию от нависшей над ними опасности. Воль Хян, находясь в услужении у главаря противника, ждала удобного момента.

До ушей Воль Хян дошел слух о том, что Ким Ын Со (1564 – 1624) назначен замвоеначальником, ведет бои с врагом вне крепости Пхеньяна. Воль Хян имел случай познакомиться с Ын Со еще тогда, когда он приехал в крепость Пхеньяна. Он родом из Рёнгана отличался незаурядной силой, ловкостью, как леопард, и необыкновенной находчивостью, за что он пользовался широкой известностью. Воль Хян глубоко чтила его, прославленного военачальника, а Ким Ын Со очень любил Ке Воль Хян, первоклассную пхеньянскую кисэн.

После оккупации Пхеньяна противником Ким Ын Со мобилизовал воинов в Рёнгане, Кансо, Чынсане и других районах и, заняв позиции недалеко от пхеньянской крепости, каждый день вел вместе с воинами не только военную подготовку, но и военную разведку. Случайно узнав об этом, Воль Хян решила любыми способами сообщить Ким Ын Со о состоянии вражеского лагеря.

Однажды враги, устроив выпивку в беседке Ыльмир, проводили время в развлечениях. Воспользовавшись этим случаем, она запустила за пределы крепости бумажного змея с запиской о снаряжении и

расположении противника в крепости. Эти данные, посланные Воль Хян с риском для жизни, оказывали большую помощь корейским войскам, проводившим подготовку к боям за возвращение пхеньянской крепости. В январе 1593 года наши войска решили совершить нападение на противника, чтобы вернуть себе крепость Пхеньяна.

Чтобы тщательнее вести операцию по возврату пхеньяской крепости, Ким Ын Со один проник в крепость, чтобы непосредственно разузнать обстановку в стане противника. В глубокую ночь он явился к Ке Воль Хян. Неожиданное его появление не на шутку удивило, в то же время обрадовало ее. Она, взяв его за руку, спросила:

– С какой стати вы, уважаемый полководец, пришли в такое опасное место?

– Воль Хян! Пришел я по срочному делу обсудить с тобой. Ты, конечно, кисэн, но кореянка. Не может быть тебе равнодушной государственному делу, и как же забыть нашу старую дружбу и взаимную симпатию!

Воль Хян знала, в чем дело. В ту ночь Ким Ын Со пришел, чтобы обезопасить план возврата пхеньянской крепости, для этого он решил ликвидировать главаря противника и вызвать панику в стане врага. Они обсудили, как выполнить этот план.

Убить главаря противника было делом не из легких, делом, связанным с риском для жизни. Тот был крайне осмотрителен в своих действиях, и на четырех сторонах своей спальни постоянно были опущены сетки от комаров, в их углах вывешены колокольчики, и чуть прикоснешься к ним, раздавался звон. В комнате натянуты двойные тенты, а внутри них расставлены большие и малые ширмы. Среди них находилась деревянная кровать, где он спал. А у изголовья его стоял большой меч, а у ног – острый кинжал. Но и это не давало ему покоя, он спал, покрыв все своё тело кольчугой. Поэтому удар мечом был бесполезным.

Но Ке Воль Хян ничто не страшило. Она была готова отдать себя в интересах страны. В день, назначенный вместе с Ким Ын Со, Воль Хян допоздна ночи угощала главоря водкой. В этот день, обманутый ее хитростью, он был пьян вдребезги. У него глаза постепенно соловели, слипались от водки, и спустя некоторое время он заснул глубоким сном.

Воспользовавшись этим случаем, Ке Воль Хян, бесшумно поднявшись с места, обвязала ватными комками колокольчики так, чтобы

не раздавался их звон, и тут же выбежала из комнаты к Ким Ын Со. Получив весть от Воль Хян, Ким Ын Со прибежал к командному пункту вражеского вожака. Он, собравшись с духом и взяв в руки большой меч, со всей силой ударил им по шее главаря противника, его голова свалилась с кровати. Ким Ын Со, засунув меч за пояс и взяв Воль Хян за руку, выбежал из комнаты.

Когда они бежали в лес на сопке Моран, в сторону северной крепости, враги, заметив их, пустились в погоню за ними. Противник поспешно гнался по пятам. Смертельно усталая, Воль Хян не могла бежать дальше. Их настиг критический момент.

Воль Хян обратилась к Ын Со:

– Если мы так пойдем дальше, может, оба погибнем. Я мечтала снова встретиться с тобой, любить только тебя. Но положение критическое. Не хочу умереть в руках врага, а хочу умереть от твоего меча.

Заметив, что Ын Со не может поднять меч, Воль Хян вонзила кинжалом себе в шею. Хлестала кровь из раны. Обращаясь к небу, Ким Ын Со тяжело вздыхал о ней. Отбиваясь от нападавших вражеских воинов, ему удалось выбраться через стену из крепости.

Хотя Ке Воль Хян погибла, но дух ее, без колебания отдавшей свою жизнь священной борьбе за отражение злостных врагов, оставался жив, вдохновлял воинов на борьбу за возвращение пхеньянской крепости.

После убийства из-за угла вражеского вожака создалась паника в стане противника. Пользуясь этим случаем, Ким Ын Со удалось вернуть себе пхеньянскую крепость.

Позже феодальное правительство Кореи посмертно присвоило Ке Воль Хян один из разрядов чина. Жители Пхеньяна построили родовую молельню «Ырёльса» в память Ке Воль Хян, внесшей большой вклад в отражение противника, чтобы передавать из поколения в поколение патриотическую самоотверженность Ке Воль Хян, которая без колебания отдала свою жизнь в интересах своей страны.

Кроме того, то место, где она жила, передается под названием «Вольхянского квартала». В этом квартале воздвигнут памятник в ее честь.

Так, имя пхеньянской кисэн Ке Воль Хян, отдавшей свою жизнь за правое дело, вместе с Имчжинской отечественной войной оставило в истории глубокий отпечаток.

30. Мать писателя Ким Ман Чжуна

Г-жа Юн – мать Ким Ман Чжуна (1637 – 1692), известного писателя XVII в.

Ким Ман Чжун написал роман на родном языке «Куунмон» («Сон о девяти грядах облаков») и стал известным писателем. Этим он обязан плодотворному труду матери г-жи Юн.

Родилась г-жа Юн в семье знатного рода, который из поколения в поколение служил на чиновной службе. Ее прапрадед Юн Ду Су и прадед Юн Бан были высокопоставленными чиновниками, они были председателем государственного совета, являвшимся высшей должностью чиновника в стране, а ее дедушка Юн Син Чжи был зятем короля Сончжо и известным художником слова.

Г-жа Юн родилась в 1617 году единственной дочерью Юн Чи, начальника приказа, и ее воспитание взяла на себя ее бабушка Чонхе, дочь короля Сончжо от наложницы. Поэтому г-жа Юн усвоила все правила этикета, которые следовало соблюдать родовитой дворянской семье, отличалась и определенной эрудицией.

В 14 лет она вышла замуж за Ким Ик Кёма, внука Ким Чан Сэна, получившего широкую известность как ученика Рюль Гока и как конфуцианского ученого.

В году Пёнчжа (1636), когда цинская династия предложила Корее унизительные переговоры о мире, Ким Ик Кём написал письмо королю, в котором выразил решительный протест против этого предложения, а в следующем году он пошел на поле брани на остров Канхва, где он сражался против захватчиков. А когда пала Намхансанская крепость, он вместе с Ким Сан Ёном сжег пороховое хранилище и на 23-м году жизни погиб смертью храбрых.

Во время гибели Ким Ик Кёма г-жа Юн находилась в состоянии беременности. После гибели мужа она с 5-летним старшим сыном Ман Ги выбралась с острова Канхва и пошла в Пхундок, в дом своих родителей, где она родила второго сына Ман Чжуна. С тех пор изменилась судьба г-жи Юн. Как мы знаем, она родилась и выросла в богатой знатной семье, но до тех пор, пока она не прожила свой век – до 73 лет, ей приходилось

перенести всякие муки и страдания, воспитывая своих детей.

В народе говорят: женщина – слабого пола, но мать сильна. Г-жа Юн отличалась стойкостью и непоколебимостью.

Смятения и трудности XVII в. сделали г-жу Юн, жившую без горя и забот, обладательницей твердой воли. Местные жители всячески утешали ее, оставшуюся без мужа, но она нисколько не выдавала себя, не показывала перед ними своих слез.

Имчжинская и Пёнчжаская войны вконец разорили жизнь народа, вскоре покинули свет и ее родители, и семейное положение стало невыразимо тяжелым. Несмотря на это, г-жа Юн с беззаветной верностью и твердой волей справлялась с домашним хозяйством, воспитывая своих детей.

Все беднела семья, и она сама ткала холст, занималась вышиванием и кое-как сводила концы с концами. Но она с невозмутимым видом относилась к сыновьям, чтобы они не беспокоились о семейном положении. Она опасалась, как бы не повлияла бедность семьи на их учение. Благодаря кропотливому труду матери возмужали и вырастали братья Ким Ман Чжуна.

Г-жа Юн была скромна, бескорыстна и чиста душой. С тех пор, как она лишилась мужа, постоянно носила белую одежду, не желала одеваться в роскошную. У нее ничего не изменилось и тогда, когда сыновья выросли, стали чиновниками, и семейная жизнь становилась беззаботной.

В будни сыновья решили накрыть изысканный и обильный стол в честь матери, но она не разрешала этого делать. Только тогда, когда сын выдержал экзамен на чин, разрешала она накрыть стол, радуясь, что это, мол, знаменательное событие не только для нашей семьи, но и для нашей улицы.

Г-жа Юн не изменила своего отношения к жизни и тогда, когда старшая дочь Ман Ги стала женой короля Сукчжон (годы правления – 1675 – 1720). Наоборот, она, вызвав к себе старшего сына, уговаривала его быть скромнее и осмотрительнее, чтобы он как родственник короля по линии его жены не давал другим пищу для сплетен.

Г-жа Юн иногда посещала внучку, ставшую женой короля, тогда рассказывала ей о добрых женах королей древних времен, чтобы внучка следовала их примерам, но никогда не обращалась к ней с личной просьбой. К большому несчастью, внучка, будучи королевой, умерла на 17-м году жизни, государство решило передать госпоже Юн различные

драгоценности, которыми пользовалась внучка. Но г-жа Юн не брала их, какими бы они ни были драгоценными, а возвращала их: она, мол, не имеет права взять их, ей не к лицу такие ценности. Бескорыстностью г-жи Юн был тронут и король.

Так г-жа Юн не стремилась к личной наживе, была бескорыстной женщиной, сильной духом и волей и образованной. Такие качества г-жи Юн оказывали благотворное влияние на сыновей, служили подспорьем, чтобы они позже, когда поступят на чиновную службу, полную превратностей, не сгибая своей воли, справлялись с делами справедливо, без угрызения совести.

Г-жа Юн как мать любила своих детей, вырастила их способными чиновниками. Она была доброго нрава, не чаяла души в детях, отдавала все силы на обучение их наукам.

Она с детства обладала обширными знаниями по истории и литературе, и сама обучала сыновей «Фундаментальным наукам», «Краткой истории» и «Стихам танских времен». Поскольку она брала на себя обучение детей, очень любила их, но весьма строгой была ее требовательность к изучению наук. Когда они ленятся учиться или совершают проступки, она подвергала наказаниям, чтобы они поняли свою вину.

Позже об этом вспоминал Ким Ман Чжун:

«Мать со слезами дала нам мучительно больное наставление: Ваш отец ушел из жизни, оставив вас на мое попечение, но что за безобразие у вас? Если вы так ведете себя, с каким лицом явлюсь я к вашему отцу в потустороннем мире? Лучше умереть, чем жить неучем».

Действительно велика была забота матери об успеваемости сыновей. В то время очень трудно было доставать книги, так как недавно была война.

Мать обменяла на зерно такие книги, как «Менцзы», «Чжунюн» (Учение о Середине, название 3-й книги конфуцианского четверокнижия) и др. «Сказание о господине Чжа» было многотомное, и сын не осмеливался покупать его. Мать, учитывая состояние сына, купила его на деньги, вырученные от продажи шелка, который она сама ткала на домашнем ткацком станке.

Кроме того, она попросила соседа, канцеляриста королевской палаты ученых, выдать во временное пользование «четверокнижие» (первая часть конфуцианского канона) и «Сигёньонхэ» (корейские аннотации первой

книги конфуцианского Пятикнижия), хранящиеся в королевской палате ученых, и переписала их для сына.

Она потребовала от сыновей не только изучать древние конфуцианские тексты, но и медицину и другие области наук, чтобы они расширили свой кругозор. Следуя воле матери, двое сыновей усердно занимались науками.

Когда они выросли, им велели учиться у Ким Ик Хи, старшего брата отца. По его словам, они обладали замечательной памятью, с большой усидчивостью относились к наукам, оригинален был и их способ усвоения новых знаний. Судя по ним, он восхищался исключительностью методов обучения г-жи Юн и ее большой эрудицией в конфуцианских текстах.

Воспитание детей у г-жи Юн не изменялось позже и по отношению к внукам. И на старости лет она занималась урывками воспитанием внуков. Такой ее кропотливый труд принес свои плоды.

Старший сын Ман Ги выдержал экзамен на чин в 1653 году, когда ему исполнился 21 год, и стал начальником военного приказа, совмещал должность третьего ранга (высшая должность в королевской палате ученых и секретариате короля). И Ман Чжун в 1665 году выдержал экзамен на звание магистра наук и, продвигаясь по служебной лестнице, добрался до должности третьего ранга в королевской палате ученых и секретариате короля, а затем до должности начальника приказа.

Самая большая заслуга г-жи Юн состоит в том, что она оказывала большое влияние на создание Ким Ман Чжуном известного романа «Сон о девяти грядах облаков». Г-жа Юн вообще любила книги. И на старости лет она больше увлекалась чтением книг, особенно много читала политические истории предыдущих поколений и книги, посвященные наставлениям и поведениям известных верноподданных. Порой она зачитывалась до глубокой ночи, часто пересказывала детям содержание прочитанных книг.

Ман Чжун, рожденный после смерти отца, всю свою душу и любовь вкладывал в почтительное отношение к матери вместе с тоской по отцу, которого он ни разу не видел. Поскольку мать любила сказки и книги, Ким Ман Чжун доставал специально для нее книги по древней истории и интересные сказки, он старался доставать их и во время зарубежных поездок.

После официальной работы он постоянно находился рядом с матерью,

читал ей древние книги и сказки, чтобы она не томилась от скуки. Об этом Ким Ман Чжун написал в своей книге «Жизнеописание Сопхо» (Сопхо – псевдоним Ким Ман Чжуна): «Мать любила читать книги, и я доставал для нее редкие древние книги и новеллистические произведения, денно и нощно рассказывал я ей об их содержании. Тогда радовались все собравшиеся люди». Судя по этому, нетрудно догадаться, какое большое влияние оказывала мать на Ким Ман Чжуна, чтобы он имел правильное понимание о прозаической литературе.

Передается, что Ким Ман Чжун написал роман «Сон о девяти грядах облаков» для утешения матери.

В 1687 году Ман Чжун из-за своего непоколебимого характера впал в немилость к королю Сукчжону и был выслан в уезд Сончхон провинции Пхёнъан.

Сверх того, весной того же года умер его старший брат Ман Ги, поэтому старой матери не было конца горести и страданиям. Но она, выйдя и за крепость, провожала уходящего сына, утешая его: «В древности и честные люди не могли избежать ссылки. Находясь в ссылке, береги здоровье, не думай обо мне».

Весной следующего года Ким Ман Чжун отбыл ссылку. Но не пройдя и двух месяцев, он пожаловался на короля Сукчжона за то, что он, изгнав добрую и честную королеву Мин, пригласил на ее место свою наложницу Чан. За эту жалобу Ман Чжун опять впал в немилость к королю, и снова был приговорен к ссылке.

В 1689 году Ман Чжуна отправили в ссылку на берег Южного моря, вместе с ним одновременно сослали трех его племянников, но в разные места. Не было конца горя г-жи Юн, отправляющей в ссылку сразу четверых – одного сына и трех внуков. Как мы знаем, она не проявляла высокомерия и тогда, когда на ее долю выпало богатство, знатность и власть. И на этот раз, несмотря на то, что ее застигла неожиданная беда, она провожала их со спокойным и невозмутимым видом.

На уединенном месте ссылки, одиноком и унылом, Ман Чжун ни на минуту не забыл о матери и, рисуя перед глазами ее образ, написал ряд стихов. Но он не находил своего удовлетворения только в этом. Глубоко почтительный к матери, Ман Чжун думал, как доставить радость одинокой старой матери, и решил написать книгу с интересными

сказками, которые с увлечением могла бы прочесть мать. Он вспомнил слова матери, когда-то она, прочитав «Самиингок» («Песня о тоске по красавице), написанную Чон Чхором (1536 – 1593) на родном языке, сказала: хорошо было бы, если бы написать такую книгу в повествовательном стиле, то она утешала бы женщин в горе и тоске. И был написан роман «Куунмон».

Ким Ман Чжун, узнав через слова матери заветные желания и просьбу женщин, написал это многоплановое произведение из 53 глав не на трудных китайских иероглифах, а на доходчивом родном языке, причем в повествовательном стиле.

Представители последующих поколений писали об этом: «Передается, что во время ссылки Сопхо (Ман Чжун) написал «Куунмон» за одну ночь, чтобы утешить свою мать. Главное содержание романа: богатство, знатность и слава – все это, по его словам, не что иное, как весенний сон. Говоря по существу, он написал его, чтобы снять беспокойство матери и утешить ее».

В романе оптимистически показано стремление людей избавиться от феодальной кабалы, сковывавшей их свободную жизнь, поэтому многие с увлечением читали его.

С выходом в свет этого произведения Ким Ман Чжун стал широко известным лицом. Он внес большой вклад в развитие прозаической литературы Кореи, обобщив успехи прозы на родном языке, которая шла по пути нового развития в XVII в.

Но мать г-жа Юн слегла в постель, ушла из жизни в 1689 году на 73-м году жизни, не успев прочесть роман, посвященный сыном матери.

На уединенном берегу Южного моря Ман Чжун встретил весть о смерти матери, но он был обречен на участь быть непочтительным к матери: он не мог посетить мать. Проглатывая горькую обиду, Ман Чжун начал писать о жизни своей любимой и уважаемой матери.

Это и было «Описание жизни любимой г-жи Юн». Он закончил эпилог этого описания следующей фразой: «Август года кёнъо (1690). Проливая горькие слезы, написал свою повесть Ман Чжун, недостойный и одинокий сын».

Спустя 2 года 56-летний Ким Ман Чжун, не успев отбыть ссылку, тихо ушел из жизни.

Как указано выше, Ким Ман Чжун, написав роман на родном языке, отражавший веление времени, оставил свое имя в памяти последующих поколений. Этим он обязан беззаветной любви г-жи Юн к своему сыну и ее глубоким знаниям и большому влиянию ее на создание романа.

31. Жена Ко дорёна

Г-жа Пак была замечательной женщиной. При короле Сукчжоне она вышла замуж за парня, работавшего по найму, и вдохновляла своего мужа на достижение его цели.

Она была дочь Пака, начальника местного присутствия одного из поселков уезда Корён провинции Кёнсан. Пак рано лишился жены, жил незавидным вдовцом, не было у него сколько-нибудь порядочного имущества. У него была только умная дочь.

Г-жа Пак была умная, сообразительная и проницательная, умела разбираться в людях. Но из-за бедности семьи ее никто не взял замуж, вот она и перезрела.

В одном поселке поблизости от ее дома жил наемный работник, парень Ко Ю. Он был потомком Ко Гён Мёна, бывшего командиром народного ополчения в годы Имчжинской отечественной войны. Ко Ю рано лишился родителей и, покинув родной край Кванчжу, стал скитаться по белу свету и наконец осел в этом поселке. Он был неучем, ни аза не знал, но был трудолюбив и добр, и соседи звали его не по настоящему имени, а по ласкательному просто Ко дорёном (дорён – обращение к неженатому человеку).

Однажды Ко пришел к начальнику присутствия Паку и предложил ему сыграть в шашки. Пак согласился. Ко предложил ему заключить пари.

– Господин начальник, давайте сделаем так: если я проиграю пари, то бесплатно проработаю у вас целый год, а вы проиграете, возьмите меня в зятья».

Начальник присутствия не на шутку рассердился, рывком отодвинул шашечную доску.

– Ах, ты мерзавец, брось чепуху нести?

Сконфуженный Ко ушел домой. Дочь следила за этим. Когда отец

вошел в комнату, она вежливо обратилась к нему:

– Отец, не сердитесь на него. Сейчас этот молодой человек Ко – чернорабочий, но он человек толковый, все хвалят его. Видать, у него есть большое будущее. Если возьмешь его в зятья, может быть, судьба улыбнется нашей семье. Я думаю, нет тут ничего неблагоразумного.

Отец еще пуще рассердился, вышел из комнаты, не сказав ни слова. Узнали об этом сельчане. Они пришли к нему с водкой, уговаривали его, чтобы он выдал дочь замуж за молодого человека Ко. И волей-неволей ему пришлось согласиться.

И состоялось бракосочетание дочери господина Пака и наемного работника Ко Ю. Наступила первая брачная ночь.

Пак, оправившись, серьезно обратилась к мужу:

– На лице у тебя все написано, что ты долго не будешь мыкать горе, тем более, что ты ученого рода. Ты же взрослый, но ни аза не знаешь и очернишь честь своей семьи. Если ты не против, давайте договоримся со мной сроком на 10 лет так: я буду каждый день ткать холст и вести домашнее хозяйство, а ты немедленно уйдешь из дома учиться. Постигнешь науки и выдержишь экзамен на чин, встретимся снова. И тебе, и мне, конечно, будет тяжело на душе. Но твердо решившись, договоримся не встречаться за 10 лет. Как ты думаешь?

Ко хотя и был тронут поучительным наставлением жены, но он был не уверен в своем будущем и ответил:

– Слова твои действительно похвальны. Но ведь нельзя же сказать сейчас, улыбнется ли мне такая судьба.

– Нет, издавна говорят: тот, кто твердо решился, добьется своего. Если ты постараешься за все 10 лет, как если бы это был один день, не будет ничего недостижимого.

Госпожа Пак таким образом еще раз воодушевила мужа. Затем она, вынув из сундука два рулона холста, дала ему, чтобы они пригодились для ученья. Ко Ю, растроганный вдохновляющими словами и стараниями своей жены, решил последовать ее совету.

Так прошла первая брачная ночь. В следующий день с первым утренним пением петуха они расстались. Муж отправился в далекую дорогу с одним узлом за спиной, а жена провожала его глазами, полными доверия и надежд.

Нелегко было на душе молодой женщины, только что обзаведшейся семьей, отправить мужа в дальние края и жить в течение 10 лет в одиночестве своими силами. Так она, решительная и волевая, отправила своего мужа на достижение своей цели.

Верная своему слову, данному мужу, она одна успешно вела домашнее хозяйство. Пройдя немного времени после ухода мужа, умер ее отец. Г-жа Пак осталась в полном одиночестве, но она денно и нощно прилежно трудилась, научилась, как умножить домашнее состояние, и ей удалось накопить богатства.

У нее появился большой дом под черепичной крышей: было в нем более ста комнат, а в комнатах были сложены груды зерна, и она стала самой богатой в селе и, имея огромное богатство, помогала бедным крестьянским дворам, их было более ста, поэтому поблизости не было человека, который не знал бы жену Ко дорёна.

Она отменно воспитывала и своего сына, отпрыска Ко Ю. Незаметно прошло 10 лет, договоренные с мужем, и она решила разузнать, где он сейчас.

В один из таких дней прохожий нищий вошел через ворота во двор просить милостыню. На нем был грязный в заплатах халат, на голове – старая шляпа. Г-жа Пак подглянула в дверную щель на улицу: Боже мой! Это был Ко! Она тут же позвала мальчика-побегушку провести его в комнату. Ко и его жена, обрадованные, взяв друг друга за руку, всхлипывали.

Через некоторое время заговорил Ко Ю.

– После ухода из дома я шел, куда глаза глядят. К несчастью, по дороге наткнулся на грабителей, они забрали у меня узел с вещами. И приходилось с пустыми руками искать школы, но все качали головой, и у меня не было другого выхода, кроме как скитаться по белу свету и жить подаяниями. Мне стыдно было показаться тебе в глаза, но прошло уже условленное 10 лет, и пришлось возвратиться домой в таком же нищенском виде. Ты же сдержала данное мне слово, а я как нищий скитался по чужим углам, и мне не поднять голову перед тобой.

Г-жа Пак, мило улыбаясь, сказала: «На роду написано, того не обойдешь. У меня сейчас тысячи сок зерна. Этим нам на всю жизнь можно жить в довольстве, ни в чем не нуждаясь: ни в питании, ни в одежде. Чего еще нам надо? Прошу не беспокоиться».

Она велела накрыть стол. Тогда Ко Ю предложил ей вынести стол на улицу: там ждет его свита. Г-жа Пак велела слугам так и сделать.

Через некоторое время раздалась музыка, дружно собрались люди в форме чиновника и отвесила г-же Пак низкий поклон. Все сельчане, не зная, в чем дело, шушукались, недоумевая. Г-жа Пак, улыбаясь, обратилась к Ко Ю:

– Я уже знала, что вы вернулись в чине. Почему вы обманываете меня, выдавая себя за нищего?

Восхищенный смекалкой г-жи Пак, Ко Ю громко расхохотался. Он, переодевшись в форму чиновника, вышел в гостиную, ему отвесили поклон подчиненные.

В ту ночь г-жа Пак и Ко Ю на радостях вспоминали о первой брачной ночи, обменивались чувством тоски, накопившимся за 10 лет. Ко Ю рассказал жене все о том, что с ним произошло за эти годы. Он продал два рулона конопляного холста за десятки лянов (старая денежная единица), скитался по незнакомым улицам, дошел до уезда Хапчхон, где встретился с добрым стариком, учителем частной школы, вместе с детьми выучил тысячу иероглифов, потом пошел в буддийский храм Хэин, где питаясь чашкой риса из 10 ложек, освоил стихотворчество и каллиграфию и, наконец, сдал экзамен на чин, вошел в милость у короля, назначен начальником уезда Корён и возвратился домой, став чиновником...

Ко Ю добавил, что велика ее заслуга, без нее не мог бы и помыслить о сегодняшней удаче. Он сказал, что всю жизнь помнить будет ее заслугу, и выразил ей благодарность за это. В следующий день г-жа Пак велела зарезать корову, изготовить водку. И устроить пир горой, пригласила на пир всех окрестных сельчан – от мала до велика, во дворе она, сложив груды денег и зерна, раздала их беднякам.

Прошло немного времени после своего назначения, Ко Ю успешно справлялся со своими делами, и его имя дошло до королевского двора. Затем он был назначен губернатором провинции Кёнсан, а позже он был выдвинут на должность заместителя начальника приказа.

Бывший наемный работник, который скитался по белу свету, мог продвинуться по служебной лестнице благодаря своей доброй и умной жене.

Интересный рассказ о г-же Пак вошел в старинную книгу «Кымге пхильдам» и передается и поныне из уст в уста.

32. Поэтесса Со Рёнсугак

Со Рёнсугак (Рёнсугак – псевдоним) была замечательной наставницей своих детей. Она находилась под влиянием школы сирхак («За реальные науки»), обладала большой эрудицией по разным областям наук.

Со была также поэтессой, представительницей конца XVIII – начала XIX вв.

Она родилась дочерью Со Хён Су (1725 – 1778), находившегося в 1753 г. в должности губернатора. XVIII в., когда она родилась, характеризовался периодом бурного развития идейного течения школы сирхак, выступавшей за изучение реальных наук, необходимых для укрепления мощи страны во всех областях: политической, экономической, культурной и др. В этот период прогрессивные и совестливые люди прямо или косвенно проявляли интерес к идейному течению школы сирхак или находились под ее влиянием.

Со еще в детстве научилась грамоте в своем семейном кругу. Она не ограничивалась изучением конфуцианских канонов и исторических очерков, а стремилась иметь широкий кругозор, охватывающий астрономию, медицину и все другие области наук, необходимые для реальной жизни. Особенно она проявляла глубокий интерес к трудам мыслителей сирхак Ли Ик (псевдоним – Сонхо), Хон Дэ Ён (псевдоним – Тамхон), Пак Чи Вон (псевдоним – Ёнам) и др. Впоследствии эти знания послужили для нее ценным подспорьем для обучения детей.

Со вышла замуж за Хон Ин Мо (1755 – 1812). У нее родились трое сыновей: Сок Чжу, Киль Чжу, Хён Чжу и несколько дочерей. Вырастали дети, и она стала сама учить их. Г-жа Со постоянно говорила детям, что наука, если она не находит своего применения, то не имеет никакого значения. Она всегда предостерегала детей от механического зазубривания положений и доктрины старых классиков и направляла их на то, чтобы они с правильным пониманием относились к реальным проблемам того времени и прогрессивной науке и технике, прилагали все усилия к их освоению. А в свободное от детей время и она старалась постичь новые науки.

У нее была оригинальная методика обучения детей. Все трое ее

сыновей отличались своей одаренностью. Начинаешь с азов, понимали до ижицы, но мать обращалась к детям строго-настрого, чтобы они никогда не зазнавались. Каждое утро, проверяя обученные знания, она требовала, чтобы дети выучили наизусть не только обученные накануне материалы, но и весь пройденный объем знаний, заставляла им давать комментарии по важным моментам.

Она задавала каждый день один и тот же вопрос, так повторялся и вчера, и сегодня, и на следующий день. Если ответ окажется одним и тем же, то последовал упрек матери за нерадивость, а когда по каждому вопросу последует более удовлетворительный ответ, чем вчерашний, то обязательно похвалила их за глубокое изучение одного и того же вопроса. Такой ее метод обучения способствовал дальнейшему развитию лучших задатков детей, и они превосходили своим умом детей других семей.

Среди детей первый сын Хон Сок Чжу как никто другой любил читать книги. При чтении каждой строки он старался уяснить, принесет ли она пользу или вред развитию страны.

Был такой случай, когда Сок Чжу было 6 лет. Однажды к вечеру исчез Сок Чжу. Вся семья всполошилась и вышла на улицу искать пропавшего ребенка, исходила все переулочки, но безрезультатно. Изрядно усталые, вернулись домой, на авось стали искать его еще раз в доме и вокруг него. Но нежданно-негаданно его нашли в заднем дворе. Всем на удивление 6-летний мальчик сидел там под лунным светом и зачитывался книгой, не замечая, как проходит время.

Уже сызмальства проявлявший такие наклонности, Сок Чжу впоследствии стал знаменитым человеком, что было бы немыслимо в отрыве от правильного обучения матери Со Рёнсугак. Благодаря обучению прогрессивным наукам и строгим наставлениям г-жи Со ее дети выросли достойными людьми.

Все три сына стали известными эрудитами, прославлявшими свой век. Первый стал политиком, второй – ученым, а третий – зятем короля.

В 1795 г. Хон Сок Чжу выдержал экзамен на государственную должность по гражданскому разряду и занял пост судьи совещательного органа при государственном совете, а впоследствии продвинулся на высокий чин, на должность первого заседателя (заместителя)

председателя государственного совета. Он всегда справедливыми словами поддерживал короля и ни шагу не отступил от несправедливого дела. В 1815 г. всю страну охватил всеобщий голод, и только в провинциях Кёнги, Кёнсан, Чхунчхон и Чолла число голодающих превысило 5 млн. человек. Сок Чжу, находившийся в это время в должности губернатора провинции Чхунчхон, стремясь спасти население от беды, запретил экспроприацию ненасытными феодалами крестьянских земель и тем самым снискал себе доверие народа.

Третий сын Хён Чжу выдержал экзамен на государственную должность по гражданскому разряду и вскоре был взят королем в зятья. Г-жа Со предостерегала Хён Чжу от опасности, как бы он не утопал в роскоши, не позволил себе высокомерие, и требовала от него еще усерднее постигать науки и вести скромный образ жизни.

Мать была не очень рада успешному продвижению обоих сыновей по служебной лестнице. Она учила их тому, что науки должны способствовать духовному совершенствованию самих себя, а не должны служить подспорьем для продвижения по службе и приобретения власти.

Следуя воле матери, второй сын Киль Чжу отказался сдать экзамен на чин, с головой ушел в изучение математики. Он в свое время опубликовал книги «Новые теории по геометрии» и «Общий трактат о тайнах природы» и тем самым развил дальше теорию Хон Дэ Ёна. Он также углубился в изучение истории культуры и написал книги, в которых он резко и язвительно высмеивал и бичевал общество того времени, как в «Жехэйском дневнике» Пак Чи Вона. Он поддерживал дружбу с мыслителями школы сирхак Ли Мён Бэком, Со Ю Гу, что помогало ему твердо стоять на позициях школы сирхак.

Не только сыновья, но и вторая дочь Хон Вон Чжу тоже пользовалась известностью как поэтесса.

Итак, Со Рёнсугак была не только любящей матерью детей, но и лучшим педагогом, которая, обратив свой взор на прогрессивные устремления современной ей эпохи, своими глубокими знаниями и строгой требовательностью как наставницы воспитывала и обучала детей, чтобы они добились своей цели.

Со Рёнсугак также была и поэтессой, которая написала немало

стихотворений. В «Сборнике стихотворений Рёнсугак» (том 1) помещено 36 ее произведений. В те времена эти стихи были оценены как шедевры.

Стихи Рёнсугак характерны тем, что неуемная тоска по родине, находящейся вдали от нее, сливается в гармонию с красотой природы и женственно-нежным чувством.

Родной край является для всех заветным местечком, вызывающим воспоминание о любимом детстве. Такая тоска по родному краю особенно мучительна для тех, кто покинули его.

Для женщин, вышедших замуж в отдаленные края, покинув свой родимый дом, тоска по родине была неразрывно связана с незабываемым воспоминанием о своих родителях и братьях, оставшихся на родине. И Со Рёнсугак не является исключением. Выйдя замуж, она поехала вместе с мужем на далекий север, где она родила детей и жила без забот и горя, но с течением времени больно душила ее неизбывная тоска по родине, куда ей нельзя побывать.

В своих стихотворениях «Весна на исходе» и «Воспевая осень» она выражает такую тоску по родным краям нежным и глубоко лирическим тоном в сочетании с описанием красоты весны и унылого осеннего пейзажа.

Соловьи в лесу ясную погоду возвещают,
Цветы разные красоту весне придают;
Ивы в тумане зеленеют листвой буйной,
Ярко светятся омытые моросью лепестки.
Куда ни глянь – нет и следов
Облаков плывущих и вод текущих.
А в роще бамбуковой шумит ветерок.
Стою на вышине и гляжу вдаль,
Мучит меня тоска по родине.

x x x

Лунным светом залит теремок,
Роща покрыта холодным инеем.
Еще гуще стала осенняя прохлада,
И звезды бросают холодные тени,

И тени от деревьев старых наводят скуку.

Обращаюсь седой головой в южную даль,
Но не позабыть трех лет супружеской жизни на севере.
Лишь освещает пустые стены мигающий свет светильника.
Откуда-то доносятся удары валика на крыльях ветра.

Помимо этих произведений, перу Рёнсугак принадлежат такие стихотворения, как «Ясная ночь», «Морозная ночь», «Молодой месяц», «Светлячок». В них живым и изящным почерком воспеваются покрытый ночной тьмой лес, сумеречное небо, пролетающая птица, серп луны на краю облака и другие явления природы.

Рёнсугак также написала стихи, отражающие пожелания матери, чтобы дети, о которых она не чаяла души, выросли верными делу страны. Примером тому служат стихи «Сыну, отправляющемуся в Пекин». В них особенной живостью выражаются сокровенные чувства матери, которая не отпускает руки сына, отправляющегося в далекий Пекин, а также подчеркивается настоятельная просьба матери не думать о своем доме, о жене и детях, отменно выполнять государственное дело, быть всегда предусмотрителен в своих поступках, ценить и чтить добродетель, трудиться над собой.

Со Рёнсугак, будучи замечательной наставницей и поэтессой, умерла в 1823 году, на 71-м году жизни.

33. Женщина-ученый Ли Бинхогак

Под влиянием возникшего в середине XVII в. идейного течения школы сирхак не только в XVIII в., но и в X1X столетии утвердилась общественная атмосфера изучения не пустой догмы, а реальных проблем, выдвигавшихся в практической жизни, а также прикладных знаний науки и техники, истории и культуры.

Прогрессивным идеям школы сирхак сочувствовали не только ученые дворянского происхождения, но и женщины, сидевшие в четырех стенах. И среди представительниц женского пола из дворянских семей,

овладевших определенными знаниями, зарождались тенденции записать вопросы, практически необходимые для женщин в их повседневной жизни.

Одной из таких представительниц являлась г-жа Ли Бинхогак. Она, жена Со Ю Бона, была женщиной-ученым. За все годы своей жизни она написала «Серию книг для домохозяек», «Необходимые для женщин знания», «Толкование поэзии на родном языке» и др.

В начале XIX в. Ли Бинхогак опубликовала «Серию книг для домохозяек», в которой она излагала в совокупности элементарные бытовые знания, необходимые для женщин в повседневной жизни. Эта однотомная книга не была издана сразу. Она вышла в свет лишь в 1869 г. на гравированных досках, передается оно и поныне.

Основное содержание книги Ли Бинхогак состоит из таких разделов, как рецепты на лекарства, приготовление соевого соуса и уксусной кислоты, гарниры к рису, рыба и мясо, лечебные и прочие блюда, способ окрашивания ткани, способ отбивания разноцветных шелковых тканей, способ стирки и др. Они написаны на доступном для женщин родном языке.

Книга страдает и своими ограниченностями: в ней отражены интересы господствующего класса в феодальном обществе, но имеются и положительные стороны: в ней выражены тенденции к возникшим в те времена идейным течениям школы сирхак, а также книга написана на общедоступном родном языке.

В этой книге встречаются повседневно используемые женщинами бытовые слова и языковые особенности, характерные в разговорной речи женщин в XIX в.

«Необходимые для женщин знания» также являются книгой, дающей разные элементарные знания, необходимые для женщин в повседневной жизни.

Ли Бинхогак также обладала глубокими знаниями о поэзии и языкознании, написала книгу «Толкование поэзии на родном языке», в которой дана на родном языке аннотация на поэзию на иероглифах.

Появление такой женщины-ученого, как Ли Бинхогак, было исключительно редким случаем не только в период феодальной династии Кореи, но и во весь период существования феодального общества.

34. Поэтесса Ким Самидан

Ким Самидан – одна из талантливых поэтесс XVIII в. Поныне передаются более 10 стихотворений, написанных ею. Самобытность ее стихотворений состоит в том, что она жизненно и эмоционально воспевала красоту и прелесть весны, когда расцветают цветы и прилетают к ним пчелы и мотыльки, и тихого пейзажа села, откуда раздается переливчатый звук пастушьей дудки и песня дровосека. Ее перу принадлежат «Пастушья дудка», «Срывая цветы», «Грушевые цветы», «Благоухание весны» и другие стихотворения.

Прочитаешь их, предстают перед глазами, как в картине, красота и прелесть природы. В стихотворении «Грушевые цветы» поэтесса воспевает природу:

Ой, как красивы цветы груши. Не расцвели ли они для меня?
Не вернулся еще мой любимый, а весна уже на дворе.
Парами прилетают ласточки гнездиться под навесом,
Озаренные лучами весеннего солнца.

В этом стихотворении во всей полноте описаны расцветшие груши и прилетающие четами под навес озаренные лучами ласточки, т. е. обычный и будничный весенний пейзаж и тонкие эмоции женщины, чувствующей дыхание весны, пришедшей на смену холодной зиме.

Ким Самидан написала также стихи, отражающие свою большую надежду и горячую любовь к своему мужу Ха Уку. Типичными из таких произведений являются стихи «К мужу», «Луна на осеннем ночном небе», «За окном уже темнеет», «Песня о глубокой ночи» и др. В этих стихах она изливает свою горечь разлуки с мужем и душевную тоску по нему и просит его не беспокоиться о семье: мужчина всегда должен быть занят государственным делом.

Стихи Ким Самидан на тему любовной тоски характеризуются не состраданием и жалобой на любимого мужа, а горячей любовью к нему и задушевным утешением. Об этом хорошо повествуется в стихах «Луна на осеннем ночном небе».

Луна одна светит двум краям,
Но мы живем вдали друг от друга.
Будь я светом лунным,
Озарил бы ночами моего любимого.

Глубокой ночью вошла луна полная
И тихо вливает в окошко свет свой.
Не наводи ты на любимого тоску по родине,
Он одинокий в столице живет.

Таким образом, Ким Самидан была одной из поэтесс, которая написала много стихов на разные темы и выделялась своими стихами на поэтическом поприще XVIII в.

35. Кан Чонъильдан

Кан Чонъильдан была талантливой поэтессой и каллиграфом конца XVIII – начала XIX вв. Она была потомком Кан Хи Мэна, титана поэзии XV в., дочерью Кан Чэ Су и супругой Юн Гван Ёна.

Она была степенной и тихой женщиной. Чонъильдан – это ее псевдоним, отражающий ее стремление тихо и честно хранить свою совесть. («Чонъ» означает по-корейски «тишина», «иль» – «единственный», «дан» – «дом»).

Кан, будучи почтительной снохой, дорожила нравственным этикетом и со всей искренностью чтила старую свекровь, любила своих детей и была верной женой мужа. Вообще, в старом феодальном обществе замужняя жизнь для женщин была такой мучительной и горькой, что появилась даже песня: «Перец горек, но горше перца быть замужем», «Проживешь 3 года в немоте, 3 года в слепоте, 3 года в глухоте. Пройдешь так 9 лет, станешь седой старухой».

Но с Кан было иначе: пристойная и тихая, она аккуратно вела домашние дела, со всей нежностью и скрупулезностью заботилась о членах семьи и честно выполняла все свои обязанности в семье, и семья всегда была в дружбе и согласии.

Ее свекровь г-жа Чон также была порядочной женщиной, она хорошо писала стихи, отличалась интеллектуальностью. Г-жа Чон гордилась своей умной снохой, наделенной на редкость женственной натурой, и любила ее как свою родную дочь. Все соседи завидовали таким дружным отношениям между свекровью и снохой. Г-жа Кан была внешне тихая, но упорная и энергичная женщина. С детства она старалась научиться не только женским занятиям, но и стихотворчеству и каллиграфии. Будучи замужем, не прекращала писать стихи и заниматься каллиграфией. Так, за всю свою жизнь она написала многочисленные стихи. По данным «Тонгукхобо» («Исторические очерки Кореи»), сборников ее стихов составило 10 томов.

Сборники стихов Чонъильдан характерны множеством таких стихов, в которых дается скрытый намек на социальные и моральные притеснения, навязанные женщинам средневековья, со всей тонкостью выражается воля женщин, несмотря на это, хранить свою честь и совесть и развивать их. Типичными являются стихи «Одиноко сидя в ночное время», в котором хорошо показан подобный душевный мир Чонъильдан.

Глубокая ночь, все вокруг замерло.
Только луна заливает светом пустой двор.
Чище стала душа моя словно вымытая.
Будто обнажилась она во всей чистоте.

Кан Чонъильдан также написала стихи, выражающие свою волю аккуратно вести семейное хозяйство и честно выполнять все свои обязанности как сноха, как жена и как мать, и показала их свекрови. Это был на редкость встречающийся случай по тем временам в феодальном обществе. Типичным произведением на эту тему являются стихи «Посвящаются уважаемой свекрови».

Так Кан Чонъильдан, будучи женщиной, обремененной семейными делами, поддерживая дружбу в семье, написала многочисленные стихи. Она умерла в 1832 на 61-м году жизни.

Как только умерла Чонъильдан, известный в то время художник слова Хон Чик Пхир написал надпись на траурном полотнище и надгробную надпись, а Сон Чхи Гю написал послесловие к сборнику произведений

Кан Чонъильдан.

Хотя Чонъильдан отличалась своим незаурядным поэтическим даром, получила широкую известность среди писателей и снискала и признание общественности, но, к сожалению, прижизненные произведения и рукописи почти не дошли до нас, кроме однотомного сборника «Рукописное наследие Чонъльдан», в котором помещено более 30 стихотворений.

В «Хэдонмёнгапхильбо» («Сборник почерков знаменитых каллиграфов Кореи») и других старых литературных памятниках сохраняются подлинные почерки Чонъильдан.

Почерк кисти Кан Чонъильдан характеризуется равномерностью и изящностью черт букв, в них ощущается в целом стабильность почерка.

Кан Чонъильдан отличалась вежливостью и высокой нравственностью. Она была глубоко почтительна к родителям мужа. Будучи поэтессой и каллиграфом, она оставила за собой неизгладимый отпечаток в истории страны.

36. Поэтесса Ким Гым Вон

Ким Гым Вон – известная поэтесса, развертывавшая свою деятельность в период правления короля Хончжона (годы правления 1835 – 1849 гг.).

Первая половина Х1Х в. была характерна началом распада феодального общества, просуществовавшего на протяжении длительного исторического периода. В этот период среди женщин, сидевших в четырех стенах под гнетом старых феодальных нравов, требующих уважать мужчин и презирать женщин, усиливались тенденции к свободной жизни и стремление избавиться от личных стеснений.

Ким Гым Вон принадлежала к числу таких женщин. Мечта ее была жить и женщинам свободной жизнью в мире, выйдя за рамки феодальных семей. Об этом она писала в «Ходонсоракки»: «И женщина человек, но она, зарыв себя в глубину дворца или в унылую комнату, не может свободно выходить на улицу. Это равнозначно томиться в темнице без вины виноватой. Близко за воротами цветут цветы, восходит луна,

находятся прекрасные горы и реки, но не вправе свободно любоваться ими и прогуливаться на их лоне. Это же не притеснение ли той малейшей надежды, которой могла бы она наслаждаться? И пожелания родителей остаются лишь мечтой скромных женщин, и самооценка женщины тоже остается такой же никчемной. Где же найти такое черствое отношение к женщине!»

Это были досадные сетования на свою судьбу, на то, что она родилась женщиной, это и было извержение проклятий на несправедливое феодальное общество, притесняющее свободную деятельность женщины.

Ким Гым Вон, женщина широкой и свободолюбивой натуры, наконец, решила выйти из своих ворот на свободу и ознакомиться с мирскими делами. С тех пор она повсюду, где бы она ни была, написала в стихах свои переживания.

В 14 лет она, переодевшись в мужскую одежду, пошла любоваться известными горами и прекрасными реками. Она прежде всего побывала в горах Кымган, достопримечательностях провинции Канвон. Теплой весной, когда во всей красе оживает все сущее на Земле, ей довелось посетить живописнейшие горы Кымган, куда хочется хоть разок побывать всем, кто родился на этом свете. Радости и восторгу ей не было конца.

В горах Кымган, куда ни пойдешь, всюду радует глаз неповторимая красота пейзажа, куда ни глянь – великолепный вид: причудливые скалы, пленительная прелесть природы. Из ее уст сами выливались один за другим восторженные строки стихов.

Захожу я в чудесный уголок. Какие красы!
Цветут цветы, птицы щебечут. Как жаль дней бесцельно ушедших!
Красива роща, как в картине, озаренная весенним солнцем.
Журчат ручьи. О как свежо на душе!

Это одна из строф в стихотворении «Захожу я в горы Кымган».чем дальше пойдешь, тем великолепнее была красота и прелесть гор Кымган, манящих к себе своими новыми видами, тем горше было ушедшее прошлое, когда она сидела одна в четырех стенах.

Она посещала памятники старины, хранящие следы предков, бывала в древнем буддийском храме Чоньян во Внутреннем Кымгане. Когда она

подходила к опушке горы, перед глазами открылись величественное зрелище, вид беседки Хольсон, стоящей на головокружительной высоте. Эта беседка издавна известна как наилучшее место, откуда можно любоваться красотой Внутреннего Кымгана. Обращая взор на беседку, она сочиняла новые стихи.

Высока беседка Хольсон над ущельем.
Подойдешь к подножью горы – красота, как на картинке.
Куда я ни обращаю взор, всюду непревзойденная прелесть!
Все 12 тысяч пиков точно лотосы в цвету.

Она, пребывая несколько месяцев в горах Кымган, осматривала очаровательный пейзаж и известные памятники старины. Там, где она ни бывала, писала золотые стихи.

После этого Гым Вон посещала разные уезды провинции Чхунчхон. В дни пребывания она, вдыхая благоухание от повсеместно раскинувшихся гор и рек, с высокой гордостью воспевала красоту родной природы.

Из родного края Вончжу Ким Гым Вон направилась в Сеул, решила во что бы то ни стало осмотреть Сеул. Прибыв в Сеул, она написала стихи «Взирая на Сеул», а через несколько дней, после осмотра города – стихи «Впервые осмотрела Сеул».

Сеул для Гым Вон был незнакомым городом, но он стал для нее незабываемым любимым городом. Здесь она завязала необыкновенное знакомство с Ким Док Хи, находившемся на должности заместителя начальника приказа. Подобно тому, как цветок цветет и плодоносит, их любовь все процветала, они становились неразлучными и обзаводились семьей.

С тех пор Ким Гым Вон начала общаться в Сеуле с поэтами и написала еще больше стихов. На берегу реки Хан у Рёнсана в Сеуле была беседка Самхо. Она с мужем часто бывала в этой беседке.

Беспредельно прекрасными были виды берегов реки Хан. Раскинулись на десятки ли синие волны, над речными берегами туман с изморосью окутал сливные цветы и плакучие ивы, местами на дамбе возвышаются беседки, будто готовые взлететь в воздух. На синие волны опускаются белые речные чайки, и там и тут раздаются звонкие песни гребцов.

Действительно радовала глаз бесподобная красота природы. Она охотно посвящала ненаглядной красоте берегов реки Хан стихи «Песня гребцов у Рёнсана», «Изморось», «На беседке у озера», в этих стихах она воспевала красоту природы, которой она любовалась на беседке Самхо на берегу реки Хан. Она приглашала на эту беседку и известных поэтесс-ровесниц. И по ее приглашению в 1847 году собирались на этой беседке Ун Чхо (Пуён), Чук Со, Гён Сан, Кён Чхун и другие. Они были известными поэтессами-современницами Гым Вон, с ними она ознакомилась во время прогулки по известным горам и рекам.

В весенние дни, когда наперебой процветали цветы, поэтессы громко воспевали на живописной беседке Самхо прекрасную природу нашей родины, где повсюду манит людей бесподобная красота природы. Они любовно воспоминали о родных горах и реках, где они родились и выросли, и, любуясь живописными местами на берегу реки Хан, воспевали скромную жизнь женщин и мир их любви.

Типичным произведением, написанным в ту пору Ким Гым Вон, является «Вместе с Ун Чхо, Кён Сан, Чук Со и Кён Чхун на беседке Самхо у Рёнсана» (5 строф). Из них ниже следует две строфы:

Беседка эта придает красоту местности Рёнсана.
То поднимаясь, то спускаясь, любуюсь ею.
Весенние травы на берегу реки как расстеленный ковер шелковый.
А вода, озаренная, светится блеском золотым.

Клубится дым над избами, заслоняя парусник.
Над цветущим берегом реки льются трели свирельные.
Можно ли налюбоваться всеми видами красоты?
Прислонившись к перилле, перелагаю их на полотно.

Творческий сбор поэтесс на этой беседке был единственным в истории «обществом поэтесс».

В период династии Ли с XVIII в. поэты родом простолюдинов хотя и имели семи пядей во лбу, подвергалась многочисленным ограничениям по их происхождению. Но они, объединившись в свои круги, организовали «Общество поэтов», выпускали сборник произведений, что было своего

рода тенденцией среди таких поэтов.

К подобному роду обществ относилось и «Общество поэтесс», организованное Ким Гым Воном на беседке Самхо.

Те женщины, все без исключения, обладали незаурядным по тем временам поэтическим даром, но они по происхождению были от наложниц, подвергавшихся оскорблениям и унижениям со стороны дворян. Такой же была Гым Вон. И Ун Чхо, будучи кисэн в уезде Сончхоне, стала наложницей у Ким Ри Яна, а Чук Со тоже, будучи дочерью от наложницы, стала наложницей у Со Ги Бо. Такая общность их положения заставила их дружить друг с другом, их общее стремление избавиться от мирских пут привело к прогулке по известным горам и рекам, в конечном счете, к образованию и «Общества поэтесс». В этом смысле творческая деятельность Ким Гым Вон на беседке Самхо в Сеуле имела особое значение.

Когда Ким Док Хи был назначен правителем уезда Ичжу, она вместе с ним поехала в Ичжу, где она провела несколько лет. Красота природы пограничного уезда Ичжу была пленительной. Когда муж приехал на место своего назначения, была как раз весенняя пора. Пленялись красы природы – северного пограничного района. Привлекали к себе внимание Гым Вона не только природа ичжуского района, но и обычай местных жителей.

Особенно своеобразным был наряд кисэн этого уезда: на головах у них войлочные колпаки (их обычно носили воины), на них верхние длинные халаты с короткими рукавами (закрывающие женщин с голов до ног, они одевались в них при выходе на улицу). Раздавались звуки горна. Они прыжком садились на серебристое седло, укрепленное на спине лошади, и тронулись, шли парами, ведя за собой своих хозяев. Все это напоминало шествие воинов. Ичжу был уездом северо-западного пограничного района, поэтому особое внимание уделяли военному делу. И шествие кисэн, встречающих новоназначенного правителя уезда, видимо, напоминало шествие воинов.

С удивлением смотрела Гым Вон на это необыкновенное зрелище. Вечером того дня она, поднявшись на балкон на беседке Мансин, находившейся в крепости Ичжу, и вспоминая увиденное днем, написала стихи. Это и есть «На беседке Мансин».

Нет краше этой беседки в крае приграничном –
Приникла к лону реки Амнок темно-зеленая сопка Маи.
И шесть дорог разветвленных в дальнюю гавань ведут.
Тысячи высоких гор на защите западного уезда стоят.
И старое дерево на песчаном берегу долгие годы, как щит, стоит.
Предвещают про осень кучевые облака и густой туман.
Прислонившись к периле, любуюсь я факелами.
Мирно пылают они над рекой – не спокойствие ли в краях?

Когда она вернулась во внутреннее здание местного присутствия, во дворе присутствия шла в разгаре игра кисэн в искусство воина. Одна из кисэн с двумя мечами в руках танцевала на коне, и ее ритмичные движения напоминали летающую на небе ласточку.

Это было действительно прекрасное зрелище, оно исходило из обычаев местных жителей, говорящих об их воинском духе, сражавшихся с иноземными захватчиками в защиту своего края. Гым Вон переложила это зрелище в стихи. Итак она и в уезде Ичжу перелагала в свои стихи то, что она видела и испытывала на себе.

Осенью того же года она участвовала в церемонии открытия рынка, проходившей в павильоне Тхонгун для внешнеторгового обмена с государством Цин. Такая церемония начинается после затемнения местности. Раздается музыка, танцуют кисэн, стреляют из пушек, дуют в трубы, чтобы воины, занявшие боевые позиции на берегу реки Амнок, подняли над головами факелы.

Когда Гым Вон поднялась на павильон Тхонгун, заиграл секстет корейских музыкальных инструментов. Их звуки напоминали песни небожительниц, раздаваемые с небес, выходят парами кисэн–красавицы и танцуют в такт музыке. Все громче звучат песни, ускоряются темпы музыки и танца, вдруг гремит пушечный залп, трубят горны, на правой и левой сторонах появляются факелы. Вслед за ними воины, занявшие позиции на берегу реки Амнок, одновременно поднимают факелы. Казалось, на ночном небе светятся мириады звезд, в чистую водную гладь падают красные цветы. Это было действительно пленительное зрелище.

Гым Вон, собравшись с духом, сочиняла стихи. Это и являются широко известные стихи «На павильоне Тхонгун».

Как видно выше, Ким Гым Вон не могла обращать свое внимание на острые злободневные общественные проблемы и писать стихи на их темы, но она отличалась от обычных поэтесс, которые, тяжело вздыхая в четырех стенах, сетовали на свою судьбу и, тоскуя по любимому, мечтали о несбыточной любви. Она была талантливой поэтессой, которая стремилась к свободной человеческой жизни, умела с места импровизировать стихи, была организатором, представительницей первого в Корее «Общества поэтесс».

37. Пуён, широко известная поэтическим талантом

Пуён была известная кисэн из Сончхона. Ее настоящее имя – Ун Чхо. Отличалась она своей красотой, славилась как лучшая певица и танцорка, к тому же хорошо писала стихи, и имя ее было широко известно и в Сеуле. Хотя Пуён принадлежала к самому презираемому сословию кисэн, но люди по достоинству называли ее природным талантом, воплощающим в себе красоту гор и рек Сончхона.

Ун Чхо по праву считалась одной из талантливейших в Корее поэтесс первой половины Х1Х в. Родом она была из Сончхона, где родилась и выросла.

Сончхон издревле славилась не только красотой природы и табаководством, но и множеством знаменитых кисэн. И здесь она, общаясь с людьми, писала много стихотворений под псевдонимом «Пуён». А когда ее поэтический дар приобрел широкую известность, ей стало неловко от похвал. Признаваясь, что она не достоина тягаться с поэтессой Хо Рансольхон, прилагала свои усилия к повышению своего творческого мастерства.

Покинув Сончхон, она колесила по разным краям, любуясь красотой природы страны, заодно заводила в Пхеньяне и Сеуле знакомство со многими известными к тому времени кисэн и поэтессами. Тем временем она случайно познакомилась с Ким Ри Яном (1755 – 1845), с кем и связала свою судьбу. Она бросила быть кисэн и с головой ушла в стихотворчество. Дальнейшее развитие получили ее творческие способности. Стихотворения, написанные в последние годы ее жизни,

были в зените славы среди поэтесс Кореи.

После того, как Пуён бросила быть кисэн, она вместо шитья бралась за книги, а вместо разведения шелкопряда – за перо и, в конечном счете, она совершенствовала себя как поэтесса. Вышел в свет «Сборник стихотворений Пуён», в него вошло более 300 стихотворений.

Пуён писала много стихов на разные темы, например, стихи, воспевающие красоту гор и рек родной страны и отражающие тоску по родному краю, стихи, сетующие на свою горькую судьбу, и стихи, посвященные любви к своему любимому и т. д.

Среди них стихи «Тоска по родине» правдиво и безыскусственно отражают душевные переживания женщины, которая под весенним дождем тоскует на чужбине по родному краю.

От ночного дождя
Разлилась река.
Но стоит на ней парус одинокий.
Куда он – вдаль ли пойдет?

На родине моей, может,
Весна в полном разгаре.
Но я сижу с безутешной тоскою
На краю дали поднебесной!

Пуён часто путешествовала по дальним краям. И каждый раз она испытывала гнетущую тоску по цветущему родному краю – Сончхону и перелагала свои чувства в стихи. Побывая на горах Мёхян и в других достопримечательностях, Пуён переложила красоту природы в такие стихи, как «На горах Мёхян», «Поздней весной», «Слива» и др.

В художественном отношении стихи Пуён достигли зенита славы среди поэтесс средневековья. Незаурядность ее творческого мастерства находило свое концентрированное выражение в умелом использовании метафоры.

Типичным примером тому служит стихотворение «Под шумом дождя в павильоне Пуён».

Тысячи бусинок
По хрустальной глади.
Все как одна круглые,
Не сотворение ли пилюлек феями!

Поистине яркой метафорой является сравнение падающих с неба дождевых капелек с тысячами бусинок и шарообразных пилюлек.

То же самое можно сказать о строках из других стихотворений: «Заботы у человека как утренний туман, исчезают, но появляются они снова, А время как вода утечет, не останется и следа». «Как ни гордишься своим великодушием, не сравнишь с чистотой орхидеи. Как ни светла душа, не сравнишь с корнем лотоса» и др. Яркость метафоры усиливает выразительность стихов.

Пуён так же применяла в своем стихотворчестве разные формы стихосложения. В зависимости от предметов описания и мотивов стихотворчества она применяла и короткую форму строфы, и длинную, а иногда среднюю формы стихосложения, отвечающие содержанию стихов или моменту их сложения.

Стихи Пуён характеризуются глубоким лиризмом. Люди с увлечением читали ее стихи потому, что жизнь простой женщины воспроизводилась в них с глубоким лиризмом и правдивостью. Таким образом ее стихи, отличающиеся яркостью метафоры, умелым применением разных форм сопоставления в стихосложении и высоким пафосом лиризма, достигла весьма высокой степени художественного совершенства.

Такие творческие приемы Пуён находят комплексное воплощение в стихотворении «Пирамидальные строфы стихов», которое считается типичным произведением Пуён. Оно отличается оригинальностью формы стихосложения и применением разных средств выразительности.

Расставшись,
Думаю думушку.

Дорога такая далекая
И ни слуху ни духу о нем.

Мысли мои витают где-то далеко,
Но я остаюсь здесь одна-одиношенька.

От слез обмокли платок и расческа.
К чему мне кольцо из нефрита и веер?

Звенит ночью колокол в павильоне Эрён.
Светит луна ясная над павильоном Рёнгван.

Встаю с постели одинокой после мимолетного сна,
И гляжу на облака, тяжело вздыхая от горечи разлуки.

Считаю дни по пальцам, придет ли он в день радостный?
С рассветом письма читать перестала, лью слезы, облокотившись

Денно, нощно жду не дождусь, тоскуя по тебе, но ты такой бездушный.
Не вернулся и вчера, и сегодня, и остаюсь я одна обманутой.

Придешь ли ты верхом на коне, когда высохнет река Тэдон?
Приплывешь ли на ладьи, когда равнина Ранрим станет рекой?

Легко расстаться, но встречаться трудно, неужели так устроен мир.
Дни блаженства прошли, выпала доля несчастная, не воля ли небесная?

38. Поэтесса Чвэ Сонсольдан

Чвэ Сонсольдан – талантливая поэтесса последнего периода существования феодального общества. Она написала 50 стихов на родном языке и получила широкую известность своими лучшими произведениями, бичующими действительность современного ей общества, следуя велению времени.

Сонсольдан родилась в 1855 году в Кимчхоне провинции Северный Кёнсан старшей дочерью Чвэ Чхан Хвана, конфуцианского ученого,

жившего затворником. Ее дальним прародителем является Чвэ Ён Гён, ставший жертвой грызни между политическими группировками в конце XVI в., а прадед ее, пребывавший в не очень значимой должности, отвечающей за питание воинов, был приговорен к тюремному заключению по обвинению в связи с повстанцами во время крестьянской войны провинции Пхёнъан в 1811 г. и умер в застенках. Дед у нее тоже по этому делу был сослан в Кобу провинции Северный Чолла, где и умер. Родственники по материнской линии также подвергались гонениям со стороны феодального правительства за участие в крестьянской войне провинции Пхёнъан.

Рожденная в такой семейной обстановке, Сонсольдан еще сызмальства приходилось жить в постоянной тревоге и слезах. Она рано лишилась отца и вынуждена была играть роль старшего сына в семье без сыновей.

Проживая вместе с одинокой матерью, Сонсольдан стала питать досаду и недовольство современным ей обществом, обрушивавшим на ее семью только бедствия и страдания. Она, отказавшись выйти замуж, едва сводила концы с концами шитьем по найму, пыталась обзаводиться обедневшим домашним хозяйством. Но, будучи женщиной, она никак не могла осуществить свою мечту, выполнить свой долг перед матерью.

Жалуясь на свою судьбу, что не родилась мужчиной, она урывками училась грамоте, а в свободное от домашних хлопот время освоила поэзию и в конце концов она, взяв кисть, могла писать стихи, в которых выражала гнев и возмущение несчастной женщины, повышала свой голос справедливости и протеста против современной ей эпохи.

Она назвала себя «Сонсоль», что означает вечнозеленую сосну и белый снег.

Найдешь ли еще такой, как ты, сосна вечнозеленая,
Среди растений всех видов и родов?
Сияют белизной снега
Луна и облака на небе.
Сочетаешь два слова сосна вечнозеленая и белый снег,
Получится «Сонсоль».

Как воспевала себя в строках песни, сосна, гордящаяся своей зеленью в белоснежном покрове, служит образцом для нее, чему она хотела подражать. Она в своих стихах изображала сосну как настоящего «мужчину», как «пламенного патриота» и как «верноподданного». И она, хотя и женщина, решила следовать его примеру из-за того, что она находилась в несчастном положении.

Итак, Сонсольдан, хотя и родилась женщиной, была полна решимости жить твердо, как вечнозеленая сосна в белом снегу, проложить путь себе и посвятить свою жизнь делу родной страны.

Сонсольдан прожила все 60 лет в мире поэзии, оставаясь незамужней женщиной. Подобно вечнозеленой сосне, она со своим непоколебимым духом и твердой волей стремилась к справедливости, прокладывая путь к жизни. Она испытывала на себе реалии современного ей общества и старалась переложить их в стихи с новой точкой зрения.

Стихотворения, помещенные в «Сборнике произведений Сонсольдан», красноречиво говорят о чуткости и прогрессивности духовного мира автора, воплотившего в себе веление времени избавиться от обреченного на гибель феодального общества и устремиться к новому, более современному. Произведения также как нельзя лучше показывают положительные стороны ее творчества.

В отличие от своих предшественниц, поэтесс, которые, замкнувшись в семейном кругу, сетовали на свою горькую долю или охвачены любовной тоской, Сонсольдан зорко следила за пороками феодального общества, обнажавшимися в последний период его существования, подвергала критике современную ей действительность, сочувствовала новому и правде, жаждала справедливого общества.

Такой ее идейно-духовный мир выражается, в частности, в том, что она сочувствовала трагической жизни голодных, раздетых и страдающих крестьян, являвшихся объектом жестокой эксплуатации и грабительства со стороны феодальных чиновников и помещиков.

Типичным примером тому служат стихи «Крестьяне, занятые прополкой в летний зной», в которых она простыми поэтическими выражениями правдиво изображает несчастное положение крестьян: они работают до седьмого пота в самый летний зной на широких поливных рисовых полях, орудуя затупленными мотыгами, хотя настало обеденное

время, но не было у них человека, который приносил бы им обед.

А в стихотворении «Картина крестьянского дома» с женственно тонким чутьем живо описывает участь ребенка, который должен резвиться в объятиях родителей, но вынужден весь день, плача, отгонять птиц, налетающих на зерновые колосья. В образе ребенка автор выражает свою досаду от современного ей общества, порождающего такую действитель- ность, которая не дает детям беззаботно резвиться, не доставляет им радость. Сонсольдан, идя дальше, критикует действительность последнего периода феодального общества, в котором царил всеобщий хаос и беспорядок, и жаждет нового, светлого мира.

В стихотворении «Декламирую в темную ночь» она сопоставляет действительность современного ей общества с темной ночью, в которой не видно все сущее на земле, а свое душевное стремление к светлому миру – с ясной луной. В своих строках писала: «...Когда же взойдет полная луна, ясно освещающая все сущее на земле?..» А в стихотворении «Песня о правде и неправде» резко критикует действительность тогдашнего общества, которое загрязнено грызнями между политическими группировками и в котором царит полная неразбериха и невозможно различать добро от зла, положительное от отрицательного.

Сонсольдан также стремилась избавиться от социального неравенства между женщинами и мужчинами и свободно участвовать и женщинам в социальной жизни наравне с мужчинами.

Сонсольдан мечтала побывать в горах Кымган, осуществила свою мечту через 10 лет. Будучи женщиной, она осмелилась подняться на беседку Рынпха. Увидев ее, изрядно удивились монахи из храма Пхёхун. Она обратилась к ним со стихами: «Монахи из храма, вы не смейте смеяться надо мной. Дозволено ли только мужчинам совершать такую поездку?» Представляя горькую долю женщин, не имеющих права вдоволь наслаждаться и красотой цветущей весны, избавившись от оков семей и мужчин, она выражала свой протест против укоренившихся феодальных предрассудков, требующих уважать мужчин и презирать женщин. Итак, Сонсольдан, подвергая критике действительность разваливающегося феодального общества, воспевала свое стремление к новому времени.

Сонсольдан написала 50 лучших стихотворений на родном языке и

тем самым сделала весомый вклад в развитие поэзии средних веков в Корее, посвященной женщинам.

Перу Сонсольдан принадлежат замечательные произведения каса (один из жанров корейской классической поэзии). Ее стихотворения каса на родном языке отличаются не только воспеванием красоты природы и описанием своих переживаний, но и рядом стихотворных произведений в форме каса о путешествиях, показывающих черты последнего периода феодального общества.

Она, сильно тяготевшая к цивилизации нового времени, поехала в тогдашнюю столицу Ханян, осмотрела зоопарк, ботанический сад, музеи и др. и написала каса «Путешествия по крепости Ханян», в которых правдиво описала картину Ханяна. Это показывает, что в отличие от поэтесс предыдущих времен Сонсольдан, выйдя за рамки личных женственных эмоций, уделяла большое внимание велению времени и реальной жизни.

Сонсольдан, применяя разные творческие приемы, писала каса на высоком уровне и как нельзя лучше показывала свой поэтический талант.

В «Подсолнечнике», «Светлой луне», «Зеленой сосне», «Белом снегу» и многих других стихотворных произведениях она, умело применяя простые бытовые слова, отчетливо выражала их идейность и содержание и придавала строкам образность и вдохновенность путем умелого употребления приемов подчеркивания и повторения, формы «вопросы и ответы» и сопоставления.

Поистине Сонсольдан, будучи поэтессой, можно сказать, открыла новые горизонты в стихотворчестве на родном языке. 50 каса, созданные ею на родном языке, еще больше обогащали наследие средневековой поэзии, посвященной женщинам. Они служат ценным подспорьем для изучения пути развития к творчеству нового времени.

Сотни стихотворений, написанные ею за всю свою жизнь, внесли весомый вклад в развитие творчества поэтесс в последний период средневековья в Корее.

39. Ли Гван Рин, героиня Корейской Армии независимости

Антияпонский борец, патриотка Ли Гван Рин (настоящее имя Ли Чан Чхон) родилась в уезде Сакчжу провинции Северный Пхёнъан в семье среднего достатка. В то время ее отец имел несколько гектаров земли и лесов, жил в доме из комнат в 10 кан, был крестьянином, сам обрабатывающим свою землю.

Когда Ли Гван Рин было 12 лет, умерла ее мать. Семейное положение не позволяло ей учиться в школе. Справив 3-летний траур по своей жене, ее отец вторично женился. Новая жена была 16-летней девушкой, она была всего на 2 года старше Ли Гван Рин.

Отец Ли Гван Рин, закореневший в феодальных предрассудках, не думал посылать дочь в школу, несмотря на то, что ей уже 15 лет, а думал только найти ей подходящего жениха и выдать ее замуж. Гван Рин всегда была недовольна отцом. Она завидовала подругам, ходящим в школу, и постоянно приставала к отцу с просьбой послать ее в школу. Но ее просьба каждый раз оставалась втуне.

Чаша терпения переполнилась у Гван Рин, и вот в свои 15 лет она убежала из дома. Когда отца не было дома, она тайком пошла на реку Амнок и, оставив у лунки платье и обувь, скрылась из виду, чтобы ее считали утонувшей в лунку и не стали искать. Она ушла прямо в Ичжу. Там она при помощи дальнего родственника поступила в Янсильскую среднюю школу, и сбылось ее заветное желание учиться. Училась она около полугода спокойно и беззаботно, а осенью написала отцу письмо, а отец проводил все это время в слезах, считая, что дочь утонула в реке. Обрадованный вестью от дочери, он тут же направился в Ичжу. Встретив дочь через полгода, отец радовался, словно дочь воскресла из мертвой. И сказал ей:

– Теперь я не буду мешать тебе учиться. Пиши мне в любое время, когда тебе что-нибудь понадобиться.

Дав ей солидную сумму денег за обучение, возвратился отец домой.

С тех пор Ли Гван Рин с головой ушла в учебу, не беспокоясь о плате за обучение. Она стала отличницей, самой примерной ученицей.

Администрация Янсильской школы рекомендовала ее в отделение домашнего искусства Пхеньянского женского колледжа. Продолжая учебу в колледже год, другой, она оказалась под влиянием Корейского национального общества (подпольная антияпонская организация), действовавшего в районе Пхеньяна.

Ли Гван Рин посчастливилось непосредственно встретиться с непоколебимым антияпонским революционером Ким Хен Чжиком (организатор Корейского национального общества). Ее привлекали его личные качества и широкий кругозор. Она клялась под его руководством стать на борьбу за независимость Кореи. В августе 1917 г. под ручательством Ким Хен Чжика она вступила в Корейское национальное общество. С тех пор она, будучи достойным членом Корейского национального общества и руководствуясь его идеями «чивон», стала активно действовать для их осуществления.

Она вела активную подпольную деятельность по сплочению патриотически настроенных учащихся Пхеньянского женского колледжа, Сунсильской средней школы, Сунъиской женской школы и Квансонского колледжа. Когда по делу «Корейского национального общества» Ким Хен Чжик один год находился в тюремных застенках с осени 1917 г., Ли Гван Рин чуть ли не каждый день посещала тюрьму, держала с ним связь, действовала по его распоряжениям.

К тому времени, когда были живучи еще феодальные предрассудки, посещать тюрьму, будучи девушкой, тем более встречаться с политзаключенным было непростым делом. Если это будет предано гласности, то ей не выйти замуж. Так был устроен мир. Но, невзирая ни на какую опасность, она оказывала ему всяческую помощь. И тюремщики, между прочим, подавленные ее невозмутимым видом и изысканным обликом, относились к ней с особой осторожностью.

1 марта 1919 г. вспыхнуло Первомартовское народное восстание. Это было взрывом накопившегося годами гнева и возмущения корейской нации, которая, подвергаясь неимоверным унижениям и оскорблениям со стороны японских империалистов, томилась под гнетом десятилетнего варварского «сабельного режима».

В Пхеньяне главную роль в антияпонской демонстрации, проходившей под лозунгом «Да здравствует независимость!», играли

патриотически настроенные учащиеся Сунсильской средней школы, находившиеся под революционным влиянием Ким Хен Чжика. В те дни Ли Гван Рин мужественно шла во главе демонстрантов. Когда демонстрация пошла на убыль, она скрылась в общежитие и, сделав передышку, вновь вышла на улицу и, скандируя «Ура!», вдохновляла своих подруг по учебе на борьбу.

Когда восстание потерпело поражение и начался повальный арест организаторов демонстрации, Ли Гван Рин решила вернуться в родной край и стать профессиональной участницей движения за независимость, ибо нельзя было спокойно заниматься в школе, пока не будет положен конец горечи от гибели страны.

В цветущем 20-летнем возрасте она слыла бесподобной красавицей, у нее было много ухажеров. За многие годы учебы она стала весьма образованной, и семья была состоятельной, так что она могла бы жить без забот и горя, учительствуя в начальной школе или выйдя замуж за приличного парня. Но она выбрала не школьное помещение, не теплое местечко, а решила посвятить свою молодость делу независимости Кореи и осуществить на этом пути свой идеал и мечту.

Когда она не в состоянии была активно вести движение за независимость страны в своих родных краях из-за ужесточавшихся репрессий и преследований японского империализма, Ли Гван Рин, застрелив двух злейших полицейских в родном крае и бросив их трупы в лунку на реке Амнок, тут же переправилась через реку и вступила в Армию независимости. Впоследствии она более 10 лет мужественно вела борьбу за независимость Кореи, демонстрировала мужество и непоколебимую волю как корейская женщина.

Ким Хен Чжик доверял Ли Гван Рин за ее непоколебимость и мужество и часто давал ей важные задания. Она в свою очередь справлялась с любым поручением Ким Хен Чжика, оказывавшего ей большое доверие. По его заданиям она бывала в Пхеньяне, Сеуле, словом, повсеместно в стране, мужественно выполняла задания по обеспечению связи, вела просветительную работу среди женщин и многие другие дела. Для выполнения заданий Ли Гван Рин проделывала более 40 км в день. Она и была первой девушкой, которая, переходя через горы Пэкту, воевала за независимость Кореи. Так, в золотые годы молодости, когда

человек живет, окруженный самым теплым благословением, она с маузером в руках активно вела движение за независимость страны, прохаживая по Корее и маньчжурским степям.

В 1926 г., к великой скорби, скончался Ким Хен Чжик, после его смерти движение за независимость Кореи переживало серьезные трудности.

После кончины Ким Хен Чжика Ли Гван Рин встретилась с Ким Ир Сеном. Узнав причину, почему Ким Ир Сен бросил учебу в Хвасоньисук, и его высокую волю идти в Гирин, она глубоко сочувствовала ему и поддерживала его решение.

Однако Ли Гван Рин относилась к кругу левых националистов; она хотя и сочувствовала коммунизму, но не могла вырваться из-под кровли фракций Чоньибу.

Немного пройдя, О Дон Чжин был арестован, и Ли Гван Рин тоже пришлось метаться в поисках убежища, подвергаясь непрерывным преследованиям и шантажу со стороны террористов Кунминбу. Впоследствии она вышла замуж за некого китайца и зарылась в семейную жизнь.

После возрождения Родины ей не терпелось возвращаться на Родину, но ей не легко было принять сразу решение: нельзя же было вдруг оставлять всех своих родных на чужбине. И одна страдала душой

И тут Ли Гван Рин встретила весть о том, что Ким Ир Сен, не забыв о ней, зовет ее к себе. Она написала ему о себе, о пережитом ею за те годы, послала ему одну фотокарточку.

В июне 1978 г. она смело решила возвратиться одной на Родину, оставив всех любимых детей на далекой чужбине, куда вряд ли ей снова удастся приезжать в таком престарелом возрасте: ей перевалило за 80 лет. То, что она, седоволосая старуха, вернулась одна в Отечество, оставив всех детей на далекой чужбине, говорило о ее пламенной любви к Родине и благородном взгляде на жизнь.

Вернувшись на Родину, Ли Гван Рин находилась на излечении в специализированной больнице, окруженная заботой Ким Чен Ира.

Ли Гван Рин умерла 30 октября 1983 г. на 88-м году жизни.

Ким Ир Сен и Ким Чен Ир высоко оценили жизнь Ли Гван Рин, посвященную делу Родины и нации. Когда она скончалась, они велели как следует устроить похороны и захоронить ее прах на Кладбище патриотов.

40. Рю Гван Сун – девушка-патриотка в дни первомартовского движения

В пятитысячелетней истории корейской нации было бесчисленно много настоящих женщин-патриоток, которые без колебания отдали свою жизнь справедливой борьбе против иноземных захватчиков. Среди них имеется и девушка-патриотка Рю Гван Сун, отдавшая свою цветущую молодость общенациональной борьбе против незаконной оккупации Кореи японскими империалистами.

Родилась она 15 марта 1904 года младшей дочерью Рю Чун Гвона в селе Чирён волости Мокчхон уезда Чхонан провинции Южный Чхунчхон. Из ее рода вышли и конфуцианский ученый, и Рю Рин Сок, покрывший себя славой полководца Армии справедливости. Ее отец Рю Чун Гвон тоже был необыкновенным активистом в работе по просвещению нации и был окружен уважением населения.

Рю Гван Сун росла в такой семейной атмосфере, и в глубине души ее зарождались ростки любви к Родине.

То было мрачное время, когда она росла, в ноябре 1905 года был состряпан «Договор из пяти пунктов года ыльса», а вслед за ним, в августе 1910 года – «Договор об аннексии Кореи Японией», и полностью была узурпирована государственная власть. И насильственно проводилась политика генерал-губернаторства со стороны японских империалистов. Национальные унижения и оскорбления, жестокая эксплуатация и угнетения со стороны японских империалистов не обходили семью Рю Гван Сун.

Необыкновенный путь ее роста еще более способствовал укреплению духа сопротивления японским империалистам. Гнев и возмущение корейского народа, накопившиеся более чем за 10 лет варварской военной оккупации Кореи японскими империалистами, вылились в 1919 году в общенациональное восстание.

В январе того же года Кочжон (король феодального правительства Кореи) был отравлен ядом, оказавшись жертвой интриги японских империалистов. 1 марта состоялись его похороны. Взорвался корейский народ от гнева и возмущения. В тот же день, в 12 часов дня, в Пхеньяне и Сеуле многочисленные жители лавиной хлынули на улицы, скандируя

лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Убирайтесь вон, японцы и японские войска!» К демонстрантам присоединилась и 15-летняя девушка Рю Гван Сун, из-за первомартовского народного восстания были закрыты учебные заведения.

Рю Гван Сун посещала Чхонан. Ёнги, Чхончжу, Чинчхон и другие районы, чтобы призвать учащихся, служителей культа и конфуцианских ученых встать в ряды движения за независимость. Она вдохновляла своих земляков на борьбу против японского империализма.

1 апреля, в базарный день, она, поднявшись на соколиную вершину горы Чэрён, зажгла факел и дала сигнал различным районам, чтобы они тщательно подготовились к демонстрациям.

В этот базарный день с утра собралось много народу. В 12 часов дня Ган Сун, пробившись сквозь толпу, вышла вперед и звонким голосом обратилась к массам:

«Сограждане! Мы – народ независимого государства, славящегося пятитысячелетней историей. Более 10 лет мы живем, не имея никаких прав и свободы, под гнетом самураев. 1 марта сего года в Пхеньяне и Сеуле объявили нашу страну достойным, суверенным и независимым государством, разоблачали злодеяния японских империалистов, скандируя лозунги: «Да здравствует независимость!» Наряду с этим, во всех уголках страны скандировали лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!» Сограждане! И в нашей деревне тоже скандируем лозунги «Да здравствует независимость Кореи!»

В ее призыве массы, почерпнув силу, обновили решимость смело подняться на борьбу за спасение страны. Громко скандируя лозунги «Да здравствует независимость Кореи!», массы шествовали по городским улицам, вылились в антияпонскую массовую демонстрацию. Насмерть перепуганные ею, японские жандармы стали огнем и мечом варварски разгонять демонстрантов. Вражеские пули сразили родителей Гван Сун и многих других людей. В мгновение залилась их кровью базарная площадь. Увидев вопиющие злодеяния японских империалистов, Гван Сун выкрикнула: «Ах, сволочи окаянные! Будьте прокляты, враги моей страны, враги моих родителей!» Она смело шла впереди масс.

В этот день жестокие японские оккупанты не только беспощадно разогнали безоружных демонстрантов, но и арестовали организаторов

демонстраций. В лапы врагу попала и Гван Сун. На суде Рю Гван Сун, упорно отказываясь от судебного разбирательства со стороны японцев, до конца стояла на своем, на правоте своей борьбы. Но японцы в последнем судебном разбирательстве приговорили ее к 7-летнему тюремному заключению.

Не считаясь с тяжелым наказанием, Гван Сун и в Содэмунской тюрьме скандировала «Да здравствует независимость Кореи!», демонстрируя свою несгибаемую волю, продолжала борьбу и в холодной тюремной камере.

1 марта следующего года и в тюремной камере она вместе со своими подругами знаменательно отметила этот день громким кличем «Да здравствует независимость Кореи!»

Несмотря на осложнившуюся болезнь, Гван Сун продолжала борьбу, в октябре того же года она умерла в тюрьме.

После смерти Рю Гван Сун в Содэмунской тюрьме корейская нация по сей день вспоминает ее как девушку-патриотку в дни первомартовского движения.

41. Писательница Кан Гён Э

В один прекрасный день радости нуждавшейся Кан Гён Э не было предела: пришел долгожданный гонорар.

«Слава богу, – думала она, – этими деньгами можно поддерживать жизнь на некоторое время. Если несколько сэкономишь, то сможешь купить пальто и нужную одежду, а в лучшем случае – и часы».

Кан Гён Э была на седьмом небе. К вечеру вернулся домой муж. Она была не в себе от радости и радушно встретила его. Но муж почему-то с тяжелым выражением на лице не произнес ни слова. Она и без того решила открыть мужу свою душу, окрыленную авторским гонораром, но вдруг помрачнело ее настроение.

– Что случилось с тобой?

Кан Гён Э осторожно следила за его лицом.

– Видать, получила ты авторский гонорар? – откуда-то узнав, спросил муж.

– Да. Одними этими деньгами можно прожить некоторое время в

довольстве.

С радостью отозвалась она. Но муж, глядя в окно, погруженный в глубокое раздумье, сказал:

– Этот гонорар... давайте пожертвуем другу. Он уже несколько дней лежит дома, голодный. А мы-то кое-как сводим концы с концами. Как ты думаешь?

Не на шутку удивленная, Кан Гён Э растерялась, молча, взглянув на мужа, выбежала на улицу.

«Какое ты имеешь право по-своему распоряжаться моим авторским гонораром?» Кан Гён Э надулась на мужа.

Как ни думай, до слез было обидно. Но почему-то она почувствовала более гнетущую тяжесть в душе. Перед ее глазами встало лицо измученного от голода друга, ее не покидала горькая доля нашего народа, страдающего под пятой японских империалистов.

Мучительно больно раскаялась она в своем поступке. На минуту думала только о себе. Стыд и раскаяния жгли ее душу. Кан Гён Э вбежала в комнату и взяла мужа за руки.

– Я виновата, дорогой мой. Я обиделась на твои слова. Смогу ли я стать писательницей, когда не умею любить народ?

Муж, крепко взяв жену за руку, тихо улыбнулся.

Кан Гён Э родилась в уезде Чаньён провинции Южный Хванхэ дочерью бедного крестьянина, сгорбленного батрачеством. Когда ей было 5 лет, она лишилась отца, и жизнь стала беспросветной, и ее матери пришлось вторично выйти замуж за старика Чвэ, жившего в уезде Чаньён.

Малолетняя Гён Э жила у отчима, подвергаясь жестоким унижениям и притеснениям, она рано знала нищету и горе. Позже в своей автобиографии она писала о своем детстве: «У отчима были сын и дочь, они были так жестоки и свирепы, что каждый день ни с того ни с сего били, кололи меня, дергали за косу, и я не могла спокойно сидеть дома».

Когда ей было 10 лет, она поступила в начальную школу. Как только научилась она грамоте, увлекалась чтением, рассказывала односельчанам о прочитанных книгах, поэтому взрослые называли ее «маленькой девочкой-прозаиком». А когда ей было 18 лет, она с помощью мужа сестры поступила в Пхеньянскую сунъискую женскую школу. В школьные годы она под влиянием идей марксизма-ленинизма и рабочего

движения, быстро распространявшихся в то время, освоила передовые идеи, вступила в общество дружбы и читательский кружок, росло ее классовое и антияпонское сознание, а в третьем классе она стояла во главе забастовки учащихся, была арестована полицией.

После выхода из тюрьмы Кан Гён Э возвратилась в уезд Чаньён и стала учительницей сельской вечерней школы, учила грамоте детей бедных семей. Мечтая стать писательницей, она зачитывалась, пробовали писать литературные произведения.

В 1929 году она переехала в Цзяньдао, в район Лунцзин в Китае, где работала учительницей около двух лет, затем в 1931 году возвратилась в родной край, начала писать роман. Всего лишь за один год с полным творческим энтузиазмом она написала и опубликовала роман «Мать и дочь» (1932), рассказ «Отец и сын» (1932) и «Та женщина» (1931) и несколько очерков.

В 1932 году она вышла замуж, вместе с мужем вернулась в Лунцзин и, занимаясь домашними делами, в течение 6 – 7 лет, развернула активную творческую деятельность.

Жизнь в Цзяньдао имела важное значение в ее творчестве. В своем очерке «Прощай, Цзяньдао!» она выражала свои переживания при возвращении в родной край из Цзяньдао. Вот отрывок из него.

«Паровоз, пыхтя, мчится в Кёнсон. Но только душа моя пятится назад в Цзяньдао... О Цзяньдао! Живи стойко, борись смело! Ты будешь бесконечно смеяться надо мной!»

Глядя на печальную действительность родной земли, проплывающей за окном поезда, Кан Гён Э душой устремлялась к Цзяньдао, где бушует вихрь борьбы против японских захватчиков, – к людям, которые борются там. Ее душа была преисполнена надежд и доверия к ним. Не пройдя и года в родном краю эта душа заставляла ее снова возвратиться в Цзяньдао, где она энергично занималась творческой деятельностью до тех пор, пока не позволяло ей здоровье. В частности, антияпонская революционная борьба, развертывавшаяся в Цзяньдао, оказывала огромное влияние на ее творческую деятельность.

Она не была членом КАПП (Корейская ассоциация пролетарских писателей), но она, будучи замечательной писательницей, написала роман «Проблемы человечества», одно из типичных произведений пролетарской

литературы, и такие значительные произведения, как повесть «Соль».

Широко известны ее новеллы: «Огород» (1933), «Увольнение с работы» (1935). «Футбольный матч» (1933). «Авторский гонорар – 200 вон» (1935), «Саннам» (1936). «Тьма» (1937), «Мать и сын» (1935), «Душевные муки» (1935) «Подземное селение» (1936) и др.

В своих произведениях Кан Гён Э с глубоким сочувствием относилась к трагической участи бедных и униженных людей.

Героями ее произведений являются люди, брошенные на дно человеческой жизни и оказавшиеся на самом жестоком и трагическом положении среди неимущих масс, причем большое место занимают женщины труда, зажатые в двойные и тройные тиски угнетения и попирания человеческого достоинства. Автор изображает всех их как людей, обладающих прекрасной и чистой душой.

Она с классовым сознанием и горячей гуманистической страстью описывает душевную красоту униженных и угнетенных людей, со всей остротой бичует тех, кто попирает и унижает их права, ясно показывает сознание протеста, растущего среди угнетенных людей.

В конце 30-х годов осложнялась ее болезнь, и она снова возвратилась в родной край, слегла и уже не встала. Так она ушла из жизни по болезни за год до освобождения Кореи. И поныне в памяти людей остаются ее отпечатки, оставленные ею в корейской литературе периода до освобождения Кореи.

42. Пэк Сон Хэн

В исторических записях, относящихся к концу нового времени Кореи (конец Х1Х и начало ХХ вв.), имеется женщина, известная своей благотворительной деятельностью. Ее фамилия – Пэк.

Родилась она в бедной семье в Пхеньяне, проводила свое детство в нужде, отличалась непреклонным упорством в достижении своей цели, благожелательно относилась к несчастным людям, оказывала им сердечную помощь.

Как многие женщины, Пэк жила скромной мечтой выйти замуж за настоящего мужчину, стать многодетной матерью, жить хоть в

небольшом домике с соломенной крышей, но в дружбе и согласии.

Но судьба была немилостива к ней. Суровая жизнь безжалостно растоптала и эту невинную ее мечту.

Ее суженый Ан был человеком бедным, не имеющим никаких способностей, чтобы оберегать любовь жены, человеком с пустыми руками. Тем не менее Сон Хэн никогда не пала духом, ничуть не колебалась и непреклонно прокладывала себе путь к жизни. Но на голову женщины, неутомимо жаждавшей счастья, жизнь то и дело обрушивала страшное несчастье. Неожиданно она лишилась мужа, опоры жизни; молодая женщина в 16-летнем возрасте стала вдовой, лицо ее не по годам стало покрываться морщинами. Соседям было жалко ее, и они не переставали советовать ей, чтобы она не теряла самообладания. Вдохновленная их советом, вдова Пэк твердо решила во что бы то ни стало одной пробить путь к жизни.

Поначалу она торговала цветами, а затем доморощенными ростками соевых бобов и соевым творогом, и кое-как перебивалась со дня на день. Пэк трудилась, не покладая рук. А между тем у нее постепенно стали увеличиваться сбережения. Окрыленная этим, Пэк стала разводить свиней, а глубокой ночью, когда другие спали крепким сном, ткала конопляный холст и хлопковую ткань. Она не знала ни сна, ни отдыха. Она никогда не позволяла себе расточать накопленные деньги, так жила она уже не один десяток лет, хоть приходилось иной раз утолить голод жиденькой похлебкой.

Десятки тысяч вон, заработанные потом и кровью, Пэк Сон Хэн тратила не ради своей роскошной жизни или личной карьеры, а пожертвовала их на благие дела для жалких и бедных соотечественников, прозябавших в нищете под пятой японского империализма. Узнав о благодеянии вдовы Пэк, люди не скупились на похвалы.

Есть еще такой эпизод, связанный с ее добротой.

Каждый год, когда она посещала могилу мужа для поминки, ей приходилось переходить через мост «Сольмэ». Но во время половодья река заливала этот мост, что доставляло большие неудобства местным жителям.

Услышав об этом, она без малейшего колебания пожертвовала большую сумму денег на строительство прочного каменного моста. Это

было в 1908 г. С тех пор люди, пользовавшиеся благами нового моста, любили называть его «Мостом вдовы Пэк», что вскоре так и закрепилось за этим мостом.

В те времена, когда под жестоким колониальным игом японского империализма бедным было нелегко даже прокормить своих родных хотя бы жиденькой похлебкой, а богачи гонялись каждый за личной наживой, преследуя роскошь и личное благоденствие, но благодеяние, оказанное людям вдовой Пэк, было поистине благородным. И люди, превознося ее хрустально чистую душу, стали звать ее Сон Хэн («Сон Хэн» означает в переводе «благодеяние»).

Пэк Сон Хэн была простодушной женщиной, жившей в дружбе с соседями, но она отличалась высокими антияпонскими настроениями. Передается еще эпизод о том, как она, придумав хитрую уловку, водила за нос японского капиталиста и услаждала душу людей.

Пэк Сон Хэн на свои кровные деньги приобрела пахотные и лесные угодья, на них она занималась земледелием и лесорубкой. Была в ее собственности и ничем не примечательная каменистая гора, находившаяся тогда в поселке Сынхо волости Мандар уезда Кандон провинции Южный Пхёнъан. На всякий случай она купила эту бросовую землю за бесценок, по цене 30 чон за каждый пхён, думая, что когда-нибудь ей пригодится она. Эта гора, как оказалось позже, была горой с известняковыми залежами.

А тут-то и нашелся японец, некий Онода, крупный монополист, перебравшийся из Японии в Корею, лелея мечту разбогатеть личной наживой. А для эксплуатации своего завода ему понадобились известняковые залежи. В ходе изучения нужных сведений он узнал, что эти залежи находятся в руках вдовы Пэк. Онода решил, обводя вокруг пальца покладистую кореянку, по дешевке заполучить этот участок земли, и с ней стал торговаться. Вдова Пэк, и без того всеми фибрами души ненавидевшая хозяйничающих в Корее япошек, в свою очередь решила нанести им пощечину по поводу этой сделки.

– Госпожа Пэк, не продадите ли мне тот участок земли, я не обижу вас деньгами.

Пристал к ней Онода с наигранной улыбкой на крысиной роже.

– Что касается этой земли, то это земля, передаваемая по наследству

от наших предков, так что нельзя тяп-ляп продать ее. Но если вам так захочется купить эту землю, то давайте договоримся по цене ни много ни мало по 30 вон за пхён.

Онода был не на шутку ошарашен словами вдовы Пэк. Онода уже знал, что тот участок земли не является наследием от ее прародителя. Он едва не захватил дух от настоятельного требования дать ей по 30 вон за пхён, ссылаясь на «наследство»

– Пусть я миллионер! Но вы требуете дать по 30 вон за пхён, за такую никчемную, бросовую землю, это же не воровская повадка?

Засучив рукава, Онода стал злиться на нее.

Но и вдова Пэк была не робкого десятка.

– Вы же вторглись в чужую страну. Заплатили ли за это хотя бы медным грошем? Кого же вы обзываете вором? Выходит: вор кричит: «Держи вора!», не так ли? Не умоляю вас насильно купить мою землю. Не хочешь, не надо, идите, куда угодно, – выпалив так, встала с места Пэк.

Растерялся Онода и раскаялся, что зря дернул спящего тигра за усы, и ему оставалось только проглотить горькую пилюлю и поставить свою печать под договором о покупке земли по цене 30 вон за пхён.

Так Пэк выжала из него максимум денег за бросовую землю, в 100 раз дороже, чем первоначальные затраты. Весть об этом передавалась людям из уст в уста, и они находили в ней отраду для души. Они говорили:

— Она же простая кореянка. Говорят, она не умеет считать и на счетах, ведет счет примитивным образом, отмечая ногтями на содранных стеблях гаоляна. Но увы! она извлекла такую бешеную выгоду в сделке с финансовым магнатом из Японии, набившим руку в мошенничестве и плутовстве.

Сравнивая ее поступок с предательской акцией пяти матерых предателей года ыльса, продавших всю страну япошкам лишь одним листком бумаги, каждый наперебой превозносил вдову Пэк: это действительно высокое патриотическое дело, заслуживающее всеобщие похвалы.

Пэк Сон Хэн и позже вложила огромные средства на построение школы и общественного здания, пожертвовала много пахотных земель в фонд пхеньянских Кванмёнской, Чхандокской начальной и пхеньянской Сундокской женской школ и тем самым сделала свой вклад в развитие национального просвещения и воспитание подрастающих поколений.

Она постоянно наставляла учащихся: «Вы сыны и дочери страны, на вас возложено будущее Кореи. Боритесь со сном, если сон клонит вас, воздерживайтесь от игр, если даже захочется поиграть, не откладывайте книг в сторону, ленясь учиться, надо учиться прилежно. Когда вы будете учиться на отлично, наша страна скорее станет свободной».

Пэк Сон Хэн прожила до преклонного возраста – 80 лет, проводя остатки жизни в одиночку. Когда умерла Пэк Сон Хэн, представители просветительных, религиозных, молодежных, женских и других организаций, выражая глубокую скорбь по поводу ее смерти, создали комиссию по организации ее похорон и по всем почестям устроили похороны. А позже установили над ее могилой надгробный памятник в беседке под восьмиугольным навесом и каждую осень люди чтили память о ней.

Жизнь Пэк Сон Хэн показывает, что тот, кто посвятил себя делу страны и нации, навечно останется в памяти последующих поколений.

Автор: Ким Ын Тхэк, Ок Мён Сим
Редактор: Ли Сун Ён
30 ноября 2012 г.

КНДР Пхеньян

101 чучхе (2012)

ISBN 978-9946-0-0919-3